

ISSN 2223-5205

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Первый выпуск сборника вышел в 2008 году

Выпуск 17

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 8(082)

Семнадцатый выпуск сборника содержит научные статьи студентов, магистрантов и аспирантов филологических и исторических факультетов и факультета иностранных языков, отражающие опыт разностороннего осмысления актуальных проблем языкознания, литературоведения, фольклористики и этнографии. Особое внимание уделяется рассмотрению вопросов поэтики и стиля художественного текста, особенностей философско-эстетических концепций писателей, интердисциплинарным связям.

Для студентов, аспирантов, преподавателей.

Сборник издается в соответствии с оригиналом-макетом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

Е. Л. Хазанова (гл. ред.),
Е. Н. Полуян (зам. гл. ред.), Е. Н. Воинова (отв. секр.),
И. Н. Афанасьев, В. И. Коваль, В. С. Новак, И. Ф. Штейнер

Рецензенты:

кандидат филологических наук В. А. Скачкова;
кандидат филологических наук О. Н. Мельникова

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 94:327.5((47+57):430)«1941-1945»:130.2

Н. В. Алдакушкина

Науч. рук. – И. Н. Афанасьев, канд. филол. наук, доцент

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье на материале произведений русской литературы, живописи, музыки и кинематографа раскрывается военно-патриотическая направленность искусства периода Великой Отечественной войны. Выявляются художественные особенности фронтовой лирики С. Орлова и А. Арапова, приводится краткий обзор шедевров советской драматургии, прозы и поэзии военного времени.

В мировой истории Великая Отечественная война занимает особое место, являясь примером мужества и стойкости народа. Противостояние с гитлеровской Германией, одной из самых развитых и могущественных держав того времени, потребовало от советского народа огромных жертв и невероятных усилий.

Важную роль в достижении Победы сыграли представители научного и культурного мира. С началом войны произведения искусства, литературы и музыки стали не просто средством выражения чувств, но и мощным идейным оружием, помогавшим укреплять дух народа и бороться с врагом

Рефлексия – один из действенных методов, чтобы пережить сущий кошмар, который творится вокруг. Однако творцы берут на себя ношу, непосильную остальным гражданам страны: они рефлексируют для других. Впитывая всю боль и ненависть в виде криков раненых бойцов; скоротечность жизни на войне в виде крови, льющейся в родную землю; необратимость смерти в виде пуль, пролетающих над головой, – поэты разрывают свое восприятие для того, чтобы их соотечественники понимали, что на войне они не одни. Ведь на войне забываются личные обиды, ссоры. Когда над страной нависает ужасная угроза, у граждан не остается сомнений в том, что сейчас они – единая сила. Это называется дружным государством.

В годы Великой Отечественной войны советские писатели и драматурги создали выдающиеся произведения, ставшие настоящими шедеврами театрального и литературного искусства.

С первых дней войны появились пьесы, быстро завоевавшие популярность: «Нашествие» Леонова и «Русские люди» К. Симонова. Начались публикации глав из романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» и «Наука ненависти», а также повести В. Василевской «Радуга». Сталинградской битве посвятили свои произведения К. Симонов («Дни и ночи») и В. Гроссман («Направление главного удара»). О мужестве тружеников тыла писали М. Шагинян и Ф. Гладков.

В это время были опубликованы первые главы романа Фадеева «Молодая гвардия». Военная лирика М. Исаковского, С. Щипачева, А. Твардовского, А. Ахматовой, А. Суркова, Б. Пастернака, М. Светлова и К. Симонова звучала как клятва, плач, проклятье и прямой призыв к борьбе. Особой популярностью пользовалась поэма А. Твардовского «Василий Теркин».

Начало войны также дало новый импульс патриотической тематике в кинематографе. Фильмы «Суворов», «Кутузов» вновь обратились к славным страницам русской истории. За годы войны было создано 34 полнометражных фильма и почти 500 киножурналов. Более 150 кинооператоров работали на передовой и в партизанских отрядах.

Литература военного времени отличалась ярким публицистическим стилем. Многие произведения писались «по горячим следам», как вспоминал поэт А. Сурков.

Одним из исторических и поэтических свидетелей театра военных действий является Сергей Сергеевич Орлов. В своих произведениях поэт уделял большое внимание личности солдата, который лишь на первый взгляд виделся маленьким и незначительным в масштабах общей катастрофы:

*«Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всега, друзья, солдат простой,
Без званий и наград» [1, с. 137].*

Гуманизм, служащий лейтмотивом военного творчества поэта, позволяет вникнуть в суть трагедии, случившейся так неожиданно, но затронувшей жизнь каждого жителя Советского Союза.

Также в военном творчестве поэта прослеживаются любовные мотивы. Это даёт читателю понять, что солдат – обычный человек, которому присуще испытывать высокие необъяснимые чувства. Страшнее всего для влюбленных – разлука. Однако война – это место, где любовь почти недвижима из-за расстояния между влюбленными и низкой вероятности увидеть друг друга живыми. И, по злой иронии, снаряды являются чем-то вроде стрел Амура. Они дают влюбленным большую ценность чувств, ведь ценим мы, как говорится, когда потеряем или можем потерять.

*«Что ж, в юности мы все клялись когда-то
Любить до смерти, глядя на луну,
Но смерть и жизнь познавшие солдаты,
Над этим не смеялись и в войну» [2].*

Нередко в военной поэзии Орлова возникают философские рассуждения о смерти. Он считает, что каждому человеку положен единый финал. А на войне единственное укромное и безопасное место – смерть.

*«Но спокойно за пять лет впервые
Снят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия –
Даже дым не долетает к ней!» [3].*

В годы войны художники обратились к образам простых советских людей, их стойкости и самоотверженности. Картина Б. М. Неменского «Мать» изображает женщину, для которой каждый солдат – ее собственный сын, воплощая образ матери-Родины. Эта же тема звучит в картине Ф. С. Богородского «Слава павшим героям», где образ матери поднимается до уровня символа.

В едином строю защитников Родины оказались и музыканты. Композитор Н. Мясковский создал 22-ю симфонию, первоначально названную «Симфония-баллада о Великой Отечественной войне», но позже он отказался от этого названия, полагая, что музыка должна говорить сама за себя. С. Прокофьев написал увертюру «1941 год», а Ю. Шапорин завершил патриотическую ораторию «Сказание о битве за Русскую землю».

До осени 1941 года в блокадном Ленинграде жил и работал Д. Шостакович. Его 7-я симфония, получившая название «Ленинградская», стала одним из самых трогательных и сильных произведений военной эпохи.

Не обходят стороной великую трагедию и современные авторы. В их голосе слышна скорбь по минувшему, перемешанная с радостью и гордостью за солдат, сумевших отстоять родную землю, оборонить ее от немецко-фашистских захватчиков.

Особенно интересно стихотворение Артура Арапова «О нас поют и празднуют победу». В нем наблюдается ретроспектива, где солдат смотрит в будущее. Удивительный литературный феномен в целом.

Этим стихотворением поэт будто говорит в прошлое, благодарит каждого, кто вложил себя в настоящее Арапова.

*«Там, в будущем, другой порой,
У всех всё будет под рукой:
Дом, телефон, а может, даже и машина...
Ну, а пока мы в бой идём
Под шквально-проливным огнём.
За нашу Родину! За мать, жену и сына!» [4].*

Война – событие, разделяющее мир на «до» и «после». Отголоски Великой Отечественной войны слышны и до сих пор. Это незатягивающаяся рана на истории человечества, это тот опыт, который больше нельзя допускать. Война позволила миру знать цену человеческим жизням и беречь их.

Любая война рано или поздно закончится, а вот небо Аустерлица, открытое поэтами военного и послевоенного времени, будет вечно висеть над головой у последующих поколений, давая понять, что ненависть – самое бессмысленное, что может произойти с человечеством.

Список литературы

1 Поэзия периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет / сост. В. М. Курганова, вступ. статья Е. М. Винокурова. – М.: Советская Россия, 1983. – 256 с.

2 Орлов, С. Любимая, ко мне приходит снова... / С. Орлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rurоem.ru/orlov/lyubimaya-komne.aspx>. – Дата доступа: 14.01.2024.

3 Орлов, С. На привале / С. Орлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rurоem.ru/orlov/kak-iz-kamnya.aspx>. – Дата доступа: 14.01.2024.

4 Арапов, А. Песня о будущем / А. Арапов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2009/04/30/4617>. – Дата доступа: 14.01.2024.

Ю. А. Арэшка

Навук. кір. – Т. А. Фіцнер, канд. філал. навук, дацэнт

**ТЫПЫ ЖАНЧЫН У ЗБОРНІКУ Я. БАРШЧЭЎСКАГА
“ШЛЯХЦІЦ ЗАВАЛЬНЯ...”**

У артыкуле прааналізаваны твор Яна Баршчэўскага “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях”, на прыкладзе якога асэнсаваны два супрацьлеглыя тыпы жанчын – гэта вобразы набожных і чыстых дзяўчын, якім супрацьстаяць вобразы жанчын-чараўніц. Звяртаецца ўвага на значэнне жаночых вобразаў у творчай спадчыне Яна Баршчэўскага.

Ян Баршчэўскі ў сваіх творах праз жаночыя вобразы імкнецца да выкрыцця шэрагу чалавечых заганаў, што, у сваю чаргу, ставіць перад аўтарам дастаткова значныя, задачы, звязаныя з увядзеннем жаночых персанажаў у змест яго апавяданняў. У зборніку «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» Я. Баршчэўскім раскрываюцца тыповыя жаночыя вобразы, характэрныя для яго творчай спадчыны.

Першы тып жанчын – звычайна маладыя набожныя дзяўчыны, якія становяцца ахвярамі мужчын, што прадалі душу д’яблу.

Напрыклад, у першым апавяданні «Пра чарнакніжніка і пра цмока, што вылупіўся з яйка, знесенага пеўнем» мы знаёмімся з сялінамі Карпам, які «жывучы з дзяцінства ў маёнтку, зрабіўся лайдаком, да таго ж упартым і непаслухмяным» [1, с. 15]. Закахаўшыся ў Агапку, што «пекная была дзяўчына: здаровая, румяная, як спелая ягада. Даўней, як прыбярэцца і прыйдзе на кірмаш з жычкаю ў касе, у чырвонай шнуроўцы – свеціцца, як свет макавы, усе не могуць на яе наглядзецца» [1, с. 15–16]. Карпа, карыстаючыся магіяй і сувязямі з чараўніком Парамонам, дамагаецца дзяўчыны, нягледзячы на тое, што яна не кахае яго. Мы ўжо бачым, што дзяўчына тут – гэта звычайная ахвяра, якая не можа сама распараджацца сваім лёсам. Гэта раскрываецца нават і праз відавочныя змены ў знешнасці маладой дзяўчыны падчас вяселля: «Яна <...> смутная, твар – бледны: змянілася ўся, нібы ў яе сухоты, бляск вачэй пагашаны слязьмі» [1, с. 18].

Агапка ў апавяданні вымушана падпарадкоўвацца загадам мужа нават у дачыненні да знешняга выгляду. Карпа ёй «забараніў

насіць шнураўку і хустку, а загадаў апрацаваць гэтыя паркалёвыя сукенкі, якіяносяць шляхцяны» [1, с. 21], што не было характэрна для гэтай дзяўчыны, або «аднойчы загадаў, каб ні з адным парабкам не размаўляла, і гневаўся, што яна неруплівая» [1, с. 21]. Агапка, не спрачаючыся, выконвала кожны загад свайго мужа, што гаворыць аб пакорлівасці дзяўчыны, праз якую Ян Баршчэўскі спрабуе намаляваць яе саюз з «гаспадарамі Карпы».

Агапка зараз вымушана спадзявацца толькі на дапамогу з боку бацькоў і Бога. Калі да яе першы раз прыходзіць цмок, Агапка адразу ж звяртаецца да Прачыстае Маці Сірацінскае. Пасля дзяўчына кліча на дапамогу бацькоў, якія таксама, карыстаючыся царкоўнымі атрыбутамі, актывізуюць сілы добра: «Дробныя, як град, каменьчыкі, вылятаючы з цёмных куткоў, адскоквалі ад сцен; і камяні па некалькі фунтаў выляталі з-за печы, аднак бацькі і дачка, заклікаючы на дапамогу Прачыстую Маці, цэлымі выбеглі за дзверы» [1, с. 24].

Можна зрабіць выснову, што лёс Агапкі склаўся дастаткова трагічна. Карпа, які імкнуўся да лёгкага і пры тым багатага жыцця, вырашыў, што самым простым спосабам для дасягнення сваёй мэты будзе саюз з нячыстай сілай. Агапка ж у творы намалявана як дзяўчына з чыстай душой, яе вобраз Ян Баршчэўскі супрацьпастаўляе галоўнаму герою апавядання, выкрываючы легкадумства і свавольніцтва Карпы.

Даследчык М. Хаўстовіч казаў пра Агапку наступнае: «Тое, што ёй давалося перажыць, хутка звяло яе ў магілу. Але за ейны ўчынак, за ейную перамогу над злом Ян Баршчэўскі кананізуе сваю гераіню» [2, с. 86]. Пацверджанне слоў навукоўцы мы знаходзім на старонках апавядання: «У сваім дабрачынным і цнатлівым жыцці была яна прыкладам усім кабетам нашае ваколіцы. Хоць было гэта даўно, аднак і цяпер там, дзе яна са слязьмі палівала кветкі, зелянеюць вішні і яблыні, і краскі тыя кожную вясну найпрыгажэй цвітуць, дзяўчаты ў святочныя дні плятуць з іх вянкi і аздабляюць абраз Прачыстае Маці» [1, с. 24].

З падобнай сітуацыяй мы сустракаемся і ў апавяданні «Зухаватая ўчынкі». Галоўны герой Васіль – «вялікі гультай і свавольнік» [1, с. 26] – вельмі падобны на Карпу. Сюжэт апавядання зноў пабудаваны вакол вяселля галоўнага героя. «Шлюб патрэбен пісьменніку, каб даць мажлівасць герою або выправіцца, або, наадварот, выявіць ягоную сапраўдную сутнасць» [2, с. 87], – заўважае М. Хаўстовіч. Каб набыць багацце і звярнуць на сябе ўвагу маладой дзяўчыны Алюты, Васіль шукае дапамогі ад рук цёмнай магіі, ідзе на службу да

нячыстай сілы: «Калі Васіль пачуў ад апекуна, што не будзе мець ніякае дапамогі, вырашыў шукаць скарбы, нават калі б і былі яны закліятыя ці моц шатанскую мелі» [1, с. 28].

Такім чынам, праз набожныя, чыстыя і светлыя жаночыя вобразы з дапамогай метафары каханья Ян Баршчэўскі паказвае, што не ўсе беларусы XIX ст. бачылі грахоўнасць у супрацоўніцтве з іншаземцамі-захопнікамі, паказаных у творах праз вобразы д'яблаў, цмокаў і іншай нячыстай сілы.

Другі тып жанчын – чараўніцы. Ян Баршчэўскі гаворыць пра «ведзьменскі» пачатак, які мы разгледзім на прыкладзе жаночых вобразаў – чараўніц Арыны і Аксіні.

Пра гераіню апавядання «Зухаватыя ўчынкi» Арыну «ходзяць чуткі, што яна кабета злая і чараўніца» [1, с. 28]. Акрамя таго, адзін з мясцовых жыхароў Грышка паведаміў сваю гісторыю сустрэчы з чараўніцай: «Аднаго разу ўвечары, як сонца села, вяртаўся ён з касою з поля дамоў і пачуў голас чараўніцы, якая выклікала каровы, называючы кожную паводле масці. У вечаровай цішы чуваць было, як па вёсках адзываліся рыкам каровы; зарыкалі таксама і ў ягонай аборы. Ён перапалохаўся, што застанеца без малака, бяжыць туды, адкуль чуўся голас, каб даведацца, хто тая чараўніца, падкрадваецца аселіцаю і што ж бачыць? Арына, седзячы на плоце з ускудлачанымі валасамі, дзікім спевам спраўляла чары» [1, с. 2–31]. Яна паказана нам жанчынай, якая, карыстаючыся цёмнай магіяй, крадзе малако ў кароў; даследчык М. Хаўстовіч сцвярджае, што, згодна з міфалагічнымі традыцыямі нашай краіны, «падобныя забабоны дастаткова распаўсюджаныя на ўсёй тэрыторыі Беларусі» [2, с. 91].

Цікавым з'яўляецца і той факт, што Ян Баршчэўскі прыводзіць яшчэ адзін прыклад доказ ведзьменскага пачатку Арыны ў моманце з ператварэннем жанчыны ў сароку. Калі той самы мужчына, пра якога мы ўзгадвалі раней, убачыў, што Арына крадзе малако ў кароў, ён не на жарт спужаўся і вырашыў скарыстацца боскай дапамогай: «Дык бяжыць дадому і кладзе над дзвярамі ў аборы свяцонья зёлкі і васковую свечку. Ледзь адышоў колькі крокаў, бачыць, прылятае сарока, разграбае зёлкі і дзяўбе свечку. Грышка бяжыць у хату, хапае стрэльбу, набітую дробным шротам. Стрэліў – пасыпаліся пёркі, аднак сарока паляцела прэч» [1, с. 31]. Па словах фалькларыстаў, пераўтварэнне ў сароку і сведчыць аб тым, што Арына – ведзьма, бо толькі яны, па народных павер'ях, могуць ператварацца ў сароку. М. Хаўстовіч заўважае, што ў творы «ствараецца міфалагема сарокі як носьбіта зла, каб пазней рэалізавацца ў восьмым апавяданні» [2, с. 91].

Восьмае апавяданне «Белая Сарока» ўжо сваёй назвай нам падказвае, пра якую з'яву будзе ісці гаворка ў творы. Чараўніца Аксіня, або Белая Сарока «мудрасцю свет здзіўляе, яе твар – цуд прыгажосці, постаць высокая, велічная; адзенне з дарагіх дыяментаў і перлаў, жыве ў палацы, якога ты яшчэ ніколі не бачыў; ёй кланяюцца багатыя паны і мудрыя галовы, духі па яе загадзе здабываюць скарбы з зямлі і мора, дзікіх мядзведзяў прывучыла да сябе, і яны, як пакорлівыя сабакі, заўсёды гатовыя ёй служыць. Словам, яна мацнейшая за ўсіх чарнакніжнікаў. Толькі часам убіраецца ў пёры белае птушкі, калі хоча бачыць тых, хто спрыяе ёй; і іх узнагароджвае, узбагачае, робіць шчаслівымі» [1, с. 100]. Аксіня ў апавяданні карыстаецца дапамогай ахвяраў зла, аб чым гаворыцца ў тэксце: «Тая страшная чараўніца патаемна разаслала ва ўсе бакі шкоднікаў, каб яны крыўдзілі бедных сялян» [1, с. 104]. Гэтыя істоты добра разумеюць сваё няшчаснае безвыходнае становішча, але карыстаюцца дабротамі, якія прапануе цёмная магія дзеля свайго існавання, памнажаючы зло.

Чараўніца Аксіня з'яўляецца галоўным персанажам і чацвёртага апавядання «Ваўкалак», якое раскрывае гісторыю гаротніка Маркі, што ператварыўся ў ваўкалака, які ў сваю чаргу пачаў шкодзіць усім з-за няспраўджанага кахання. Марка крадзе дзяўчынку Ганну і пакідае яе адну на волю лёсу. Вось, што ён сам гаворыць пра гэты выпадак: «Нясу сваю здабычу ўсё далей у глыб лесу; там, адкуль малая ўжо не вернецца сама да хаты, кідаю яе» [1, с. 42]. Марка сустракаецца з гэтай дзяўчынкай у хаце Аксіні, якая ў творы «лёгка ператварае людзей у звяроў і зноў вяртае ім чалавечае аблічча» [1, с. 42]. Тыя, хто паддаўся чарам Аксіні, вымушаны пакутаваць у яе хаце, а успаміны пра былое жыццё толькі пагаршаюць іх цяжкі эмацыйны стан.

Пакутнікі ведаюць і пра існаванне кветкі, якая дае магчымасць на некаторы час вярнуць сваё чалавечае аблічча. Ваўкалак Марка аднаго разу «ўбачыў тую траву з дробненькімі блакітнымі кветкамі; як толькі яе сарваў і праглынуў, адразу ж прыняў чалавечае аблічча» [1, с. 43]. Невыпадкава Ян Баршчэўскі пасля гэтага зноў уводзіць у твор вобраз Ганны, якая адразу ж паведаміла Марку сваю гісторыю: «Калі я жыла яшчэ з бацькамі, пасвіла гусі ў полі, воўк схапіў мяне і занёс у лясныя нетры, кінуў там, а сам знік. Блукала я па пушчы, плакала і крычала, не ведаючы, у які бок падацца. Раптам на мой голас прыляцела ў воблаку чорнае птушкі Аксіня, перамянілася ў кабету і, узяўшы мяне за руку, сказала:

– Ты не выйдзеш з гэтае лясное пустэльні. Нападуць на цябе дзікія звяры і разарвуць. Ідзі лепш у маю хату, у мяне жыць весела,

што вечаар скокі і песні» [1, с. 43]. Праз пакутніцкі жаночы вобраз Ганны Марка вымушаны зноў вярнуцца да невыноснага пачуцця распачы, бо разумее, што ён сам стаў прычынай няшчасця дзяўчыны.

Ян Баршчэўскі тым самым паказвае прыклад тых учынкаў, якія прыводзяць чалавека да аблічча жывёлы. Аўтар даказвае, што без добрых і ўсвядомленых дзеянняў чалавеку немагчыма вярнуцца ў сваё былое аблічча, а вера ў боскую справядлівасць дазваляе Яну Баршчэўскаму і героям яго апавяданняў спадзявацца, што «чорныя хмары» знікнуць.

Такім чынам, у апавяданнях зборніка «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» Ян Баршчэўскі яскрава раскрывае два супрацьлеглыя тыпы жаночых вобразаў – гэта вобразы набожных і чыстых жанчын (Агапка з апавядання «Пра чарнакніжніка і пра цмока, што вылупіўся з яйка, знесенага пеўнем» або вобраз Алюты з апавядання «Зухаватыя ўчынкi»), якія дапамагаюць звычайна мужчынам пазбавіцца ад праяў нячыстай сілы, і вобразы жанчын-чараўніц (Арына з апавядання «Зухаватыя ўчынкi» і Аксіня з апавядання «Белая Сарока»), якія карыстаюцца праявамі цёмнай магіі і маюць сувязь з варожай д'ябальскай энергіяй толькі дзеля свайго далейшага існавання, памнажаючы зло.

Спіс літаратуры

1 Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі. – Мінск, 2005. – 214 с.

2 Хаўстовіч, М. В. Мастацкі метада Яна Баршчэўскага : навуковае выданне / М. В. Хаўстовіч. – Мінск : БДУ, 2003. – 204 с.

*УДК 821.163.2: 821.163.4:821.161.3-1*А.Разанаў*

А. Д. Дакукін

Навук. кір. – А. М. Мельнікава, д-р філал. навук, прафесар

АЛЕСЬ РАЗАНАЎ ЯК ПЕРАКЛАДЧЫК З БАЛГАРСКОЙ І СЕРБСКАХАРВАЦКАЙ МОЎ

У артыкуле даецца характарыстыка дзейнасці А. Разанава па перакладзе мастацкіх тэкстаў з балгарскай і сербскахарвацкай моў. Адзначаецца, што да паўднёваславянскай культуры пісьменнік

зварнуўся яшчэ ў студэнцкія часы (у тым ліку вывучыў балгарскую мову), што якраз і паспрыяла з'яўленню перакладаў. Яны публікаваліся ў перыядычным друку, зборніках выбраных твораў пэўных аўтараў, анталогіях «Хай зорыць дзень!», «Сербская паэзія». Як выявілася, А. Разанаў працаваў і з рыфмаванымі вершамі, і з верлібрамі. Акрамя таго, веданне балгарскай мовы дазволіла пісьменніку перакладаць таксама з вельмі блізкай да яе македонскай.

У творчай спадчыне А. Разанава можна знайсці даволі значную колькасць перакладаў, зробленых са шматлікіх моў. Гэта літоўская, латышская, грузінская, нямецкая, японская, англійская і інш., а таксама вялікая колькасць славянскіх. Паводле колькасці выкананых перакладаў сярод славянскіх моў найбольш вылучаюцца балгарская і сербскахарвацкая, таму асэнсуем падрабязней гэты плён дзейнасці А. Разанава.

У нумары Бярозаўскай раённай газеты «Маяк камунізму» ад 03.01.1973 быў апублікаваны цікавы артыкул, прысвечаны творчасці маладога тады А. Разанава, дзе сярод іншага пазначана, што паэта заахоціў балгарскай культурай, гісторыяй і мовай Ніл Гілевіч [1] (як вядома, у 1966 г. А. Разанаў паступіў у БДУ, дзе Н. Гілевіч якраз працаваў выкладчыкам). У хуткім часе пачынаюць з'яўляцца пераклады балгарскіх пісьменнікаў Я. Дзімава і М. Інджава (1968), Н. Вылчава (1969), Н. Ракіціна, Э. Попдзімітрава, Д. Дэбеленава, Н. Ліліева, Х. Смірненскага (1971), А. Германава (1975, у кнізе «Касцёр на вяршыні»), С. Паптонева (1978) [2, с. 128]. У названым вышэй газетным артыкуле далей гаворыцца: «...в сборнике переводов с болгарского “Кроки вернасці” было помещено десять стихотворений болгарина Ивана Давыдкова, переведенных на белорусский Алесем Рязановым. Вскоре наш читатель сможет познакомиться с антологией болгарской классической поэзии “Хай зорыць дзень”. Антология представлена в переводах Нила Гилевича и Алеся Рязанова» [1]. Згаданы зборнік вершаў І. Давыдкава быў выдадзены ў 1970 г., а анталогія «Хай зорыць дзень» – у 1973 г. У прадмове да яе чытаем: «У гэтай кнізе прадстаўлены дваццаць сем паэтычных імён. Дваццаць сем буйнейшых балгарскіх паэтаў XIX – пачатку XX веку. Іх творчасць – гэта твая вехі, па якіх можна дакладна прасачыць шлях развіцця паэзіі братняга нам народа амаль за цэлае стагоддзе» [3, с. 3].

Падабраныя для перакладу вершы ў сваёй большасці прысвечаны барацьбе балгараў за незалежнасць краіны, характарыстыцы цяжкага жыцця народа пад турэцкай уладай,

ушлаўленню герояў мінулага і іх подзвігаў. Акрамя ўласна тэкстаў, анталогія змяшчае біяграфічныя звесткі пра кожнага аўтара, шэраг фотаздымкаў (партрэты пісьменнікаў, аўтографы вершаў, ілюстрацыі і інш.), а таксама заўвагі, дзе тлумачацца пэўныя гістарычныя постаці і падзеі, геаграфічныя назвы, лексіка. А. Разанаў для выдання самастойна падрыхтаваў пераклады 36 тэкстаў, а яшчэ 2 – разам з Н. Гілевічам (аўтарства Д. Чынтулава, Петка Славейкава, Пенча Славейкава, Л. Каравелава, Х. Боцева, І. Вазава, К. Вялічкава, Ц. Царкоўскага, К. Хрыстава, Д. Баяджыева, Д. Палянава, Т. Траянава, Н. Ліліева, Д. Дэбелянава, Н. Ракіціна, Э. Попдзімітрава, Х. Ясенава, Х. Смірненскага, А. Расцветнікава, К. Кюляўкава). Усяго ж у анталогіі надрукаваныя 74 вершы (падрабязны спіс выкананага А. Разанавым гл. у [2, с. 128]).

У перакладах адсутнічаюць неалагізмы, але выкарыстоўваюцца цікавыя дыялектныя і размоўныя словы, а таксама літаратурная лексіка, якая ў наш час у штодзённым маўленні сустракаецца нячаста: *блаславёны* і *благаслаўлёны*; *шал*; *аскабалак* (кавалак); *сцяжына калывае* (віецца); *аблога* (поле, ралля); *жарства*; *згрызоты*; *мроіва*; *катух* (жытло, хаціна); *векапомны час*; *патрушчаны* (паламаны, зруйнаваны); *сутонлівы*; *зорыць* (глядзець); *растурзаны* (сапсаваны, знявечаны); *ветравей*; *змора*; *высозны*; *былка* (былінка); *цемрадзь*. Акрамя таго, у вершах знойдзем і словы, што характарызуюць спецыфіку балканскай культуры: *гекатомба*; *гурбетчыя* (вандроўны работнік); *самадзівы* (персанажы фальклору) і інш.

У 1990 г. у зборніку «Далягляды» надрукаваны цыкл вершаў «Рысы» – пераклад твораў З. Кісёва (1937–2015). Т. Аляшкевіч даследуе іх у сваёй манаграфіі, прысвечанай творчасці А. Разанава, і прыходзіць да высновы аб блізкасці тэкстаў балгарскага пісьменніка да пункціраў. Па-першае, маецца падабенства формы: «Дадзены цыкл уключае ў сябе манаграфічныя вершы, якія нагадваюць разанаўскія пункціры. Заўважым, што нават у саміх назвах – рысы (рыскі, штрыхі) і пункціры – прысутнічае доля пэўнага адзінства. Невядома, калі дакладна быў зроблены пераклад, але да гэтага часу ў Разанава ў творчым арсенале было каля двухсот пункціраў. Магчыма, менавіта ў пошуках узаемных сэнсаў аўтар звярнуўся да “рыс”» [4, с. 138]. У сваёй рабоце навуковец прыводзіць у якасці прыкладаў вершы З. Кісёва «Па-змоўніцку зоркі...» (6 радкоў), «Цырульнік абстрыг мне кудлы...» (4 радкі), «І гэты вечар сядзім...» (4 радкі). Адпаведна, «рысы» зусім кароткія. Па-другое, бліжым у аўтараў з’яўляецца «асаблівае ўспрыняцце рэчаіснасці і сябе ў ёй:

з аднаго боку – насычанае інтуітыўнасцю і асацыяцыямі, з іншага – нават пасрэднае, “зямное” бачанне» [4, с. 138]. Сапраўды, цэнтрам увагі ў пункцірах з’яўляюцца самыя звычайныя рэчы. Напрыклад, высокі быльнік і лебяды, дождж, каровы, што ідуць з пашы, фабрычны комін, бяроза на царкоўным двары, поўня, вадасцёкавая труба, цвіценне бульбы, дзеці, якія паўзлазілі на дрэва.

Іншы раз штуршком для напісання пункціра выступаюць не проста нейкія «банальныя», звыклыя прадметы, а нават пэўным чынам агідныя і непрыгожыя: крумкач на скрынцы для смецця, дзеджабрак пад плотам, пясок ля весніц, усохлая бярэзіна. Аднак А. Разанаў не дзеліць свет на прыгожае і пачварнае, вартае паэтычнага ўвасаблення або не. Нешта, здавалася б, звычайнае раптоўна можа ў ягоных творах пераўвасобіцца ў надзвычай цікавае (успомнім вершакавы «Шкарлупіна», «Барана», «Кішэня», «Камора», «Верацяно» і пад., дзе распавядаецца своеасабліва «біяграфія» рэчаў, іх прызначэнне).

Для пісьменніка важная кожная рэч, з’ява ці мясціна, бо яны нечакана могуць дапамагчы адчуць новыя эмоцыі (найбольш праяўляецца гэта якраз у пункцірах), стаць сродкам спазнання нечага істотнага і раней не заўважанага (як у злёсе «Кіслае малако»). У пункцірах не проста канстатуецца пэўнае пачуццё або называецца рэч, а маецца магчымасць далейшага асацыятыўнага асэнсавання і «дадумвання», пашырэння вобразнага малюнка, які словамі тэксту ўжо не абазначаны.

Заўважым яшчэ, што менавіта З. Кісёў пераклаў шэраг версэтаў беларускага аўтара, якія выйшлі ў 1996 г. у Сафіі асобнаю кнігай «Страшныя суды» («Страшны суд»). У 2000 г. там жа выдадзена «Анталогія на беларуската поэзія» («Анталогія беларускай паэзіі»), дзе таксама змешчаны выкананыя З. Кісёвым пераклады вершаў А. Разанава.

Паводле колькасці перакладзеных А. Разанавым аўтараў і тэкстаў сярод славянскіх моў з балгарскай можа «паспаборнічаць» сербскахарвацкая (мова былой Югаславіі, агульная для сербаў, харватаў, чарнагорцаў і баснійцаў). У «Даляглядах» за 1985 г. былі змешчаныя 20 вершаў В. Попы [2, с. 128–129]. Праз чатыры гады з друку выходзіць аб’ёмная анталогія «Сербская паэзія», якую склалі творы сербскіх паэтаў перыяду 1945–1985 гг. Усяго ў кнізе маецца 306 вершаў 67 аўтараў, прычым амаль усе тэксты па-беларуску друкаваліся ўпершыню. З перакладаў А. Разанава ў анталогіі знойдзем

вершы І. Андрыча (7 тэкстаў), Б. Л. Лазаравіча (5), В. Попы (12), М. Паўлавіча (8), І. В. Лаліча (7), Б. Цімоціевіча (7), А. Рыставіча (4), Б. Радавіча (6), В. Крневіча (3), В. Маркавіча (3), З. Ёвіча (3), Б. Шуйцы (4), Д. Стройчыча (5), Р. Златанавіча (4), М. Данойліча (5), Б. Петравіча (5), П. Сарыча (4), А. Петрава (4), Д. Калунджыі (5), Б. Мілдрагавіча (7), М. Комненіча (6), Д. Драгойлавіча (1), А. Пуслаіча (4). Атрымліваецца 117 вершаў 23 аўтараў, прычым творы 20 з іх поўнасьцю пераклаў выключна А. Разанаў.

Сярод перакладзенага пісьменнікам у «Сербскай паэзіі» знойдзем традыцыйную рыфмаваную лірыку, вершы ў прозе («Адна ноч», «Мястэчка на дзвюх рэках» І. Андрыча), верлібры («Змей у чэраве», «Голуб у галаве», «Каленіч» В. Попы, «Калемегдан» І. В. Лаліча, «Бяскрыўдны паход у горы» Б. Цімоціевіча, «Перад тым» А. Рыставіча і інш.), творы з адсутнымі знакамі прыпынку («Голас даносіцца...», «Колішняя вера» М. Паўлавіча, «У вёсцы прадзедаў», «Чырвоны згублены чабаток», «Вялікія маўкліўцы» В. Попы, «Нутро», «Абсурд» В. Маркавіча, «Людзі якіх я не бачыў», «Той хто мяне шукае» Р. Златанавіча і інш.). Выкарыстаная лексіка, як і ў іншых перакладах, насычана вялікай колькасцю цікавых літаратурных, размоўных і дыялектных слоў, наватвораў: *атабарыца* (размясціцца); *светлыня*; *балесны* (балючы); *прадонне* (марская глыбіня); *суток* (месца злучэння, сутыкнення); *разнасцежаны* (расхінуты, расчынены); *мінулачасце*; *бяльматае вока* (з бяльмом); *цямрэча*; *рассмерчанне* (вяртанне да жыцця); *зорыць*; *бессаромства*; *мружыца*; *бажніца* (царква); *векавечны*; *злыбеды*; *сквар* (спёка); *баславенне*; *разнаісны* (разнастайны); *спаконвечны*; *сцярожкі* (асцярожны); *одум*; *кантычка вайны*; *змора*; *стаўбуры* (у тэкстах – пра ствалы дрэў і сцёблы сланечнікаў); *чужаніца* (чужынец); *тванлівы* (багністы); *растурзаны*; *каберац*; *небажаты* (у тэксе – зварот да анёлаў); *існы* (які існуе); *распроствацца* (распрамляцца); *пространь*; *трапятлівы*; *назола*; *вярэда* (тое, што вярэдзіць); *віжаваць* (глядзець); *сяйво* (сяўба); *смужны*; *спякотлівы*; *спрадвечнейшы*; *грымлівы крык*; *азорваць* (асвятляць); *здзівавана* (здзіўлена); *гняўлівыя словы*; *кагадзе*; *асвойтаны* (асвоены); *бразгатлівае слова*; *ціхмяны*; *пракаветны*; *пасак* (у тэксе – у знач. лінія); *спрагнёныя зоркі* (ад прагнуць); *наступнасць* (будучыня); *пчолы-мудрыцы*; *песнаспеў*; *знябожаны* (горотны, збяднелы); *галетнік* (небарака); *цяперашнасць*; *апранаха* (адзенне); *тло*; *шал*; *неўтаймоўны* (які нельга супакоіць); *расцяробы мовы*; *раз'ятраны*; *слізготны*; *стромісты*; *першаіснае* і г. д.

Прыгадаем пераклад верша М. Паўлавіча «Камень які мысліць»: «Звіліны на валуне // быццам думкі // знутры прарастаюць // не можа валун абудзіцца // ён бачыць // адзін і той самы сон // над ім вісіць аблачынка // на аблачынцы камень // што ўсё разумее // і гэта ён» [5, с. 125]. У творчасці А. Разанава вобраз каменя сустракаецца вельмі часта (паэма «Камень», версэты «Відушчы камень», «Камяні», пункціры «Афарбавалі ў парку...», «Паўрасталі ў зямлю...», «Да каменя прытуліўся...» і інш.). Камень тут, як і ў сербскага аўтара, здольны мысліць, быць «відушчым», бо існуе здавён і з'яўляецца сведкам мінуўшчыны, якая якраз адбываецца на камені расколінамі, зморшчынамі і звілінамі, плямамі і мохам. Па сваёй мудрасці камень нават пераўзыходзіць чалавека, таму адныя людзі імкнуцца спазнаць сутнасць камянёў, дамагчыся, каб яны «адкрыліся» чалавеку, а іншыя – наадварот, пазбавіцца іх ведаў, схваўшы камяні ў глыбіню і недасяжныя нетры або зафарбаваўшы рэзкаю сіняю фарбай звіліны і мох.

Адзначым, што перакладчыцкая дзейнасць А. Разанава пакуль слаба асэнсаваная айчынным літаратуразнаўствам. Калі характарызаваць пераклады са славянскіх моў, то ў даступных нам крыніцах была знойдзена якраз толькі інфармацыя пра цікавасць пісьменніка да балгарскіх тэкстаў. Пра гэта згадваюць Н. Якавенка ў манаграфіі «Мастацкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры» – адной з найбуйнейшых прац апошняга часу па беларуска-славянскім перакладзе [6, с. 332], а таксама Т. Аляшкевіч, якая звяртаецца да ўзноўленага паэтам цыкла «Рысы» балгарына З. Кісёва [4, с. 138–139].

Адпаведна, А. Разанаў звяртаўся да славянскіх моў ужо з самага пачатку творчай дзейнасці і дасягнуў шматлікіх плённых вынікаў. Найбольшая колькасць перакладаў зроблена з балгарскай і сербскахарвацкай. Узноўленыя па-беларуску тэксты друкаваліся ў перыёдыцы, паэтычных зборніках, анталогіях. Паэт працаваў як з традыцыйнымі рыфмаванымі вершамі, так і верлібрамі. Акрамя таго, менавіта веданне балгарскай мовы дазволіла пісьменніку ў 1990-я гг. зрабіць яшчэ і шэраг перакладаў з вельмі блізкай да яе македонскай.

Спіс літаратуры

1 Селеня, Е. Мужающий голос [Электронный ресурс] / Е. Селеня. – Режим доступа : <http://vitoki.bereza-cbs.by/2020/02/01/селеня-е-мужающий-голос-евгений-селе/>. – Дата доступа : 09.06.2021.

2 Гарэлік, Л. М. Разанаў Алесь / Л. М. Гарэлік // Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік: у 6 т. Т. 5: Пестрак – Сяўрук / Інстытут літаратуры імя Я. Купалы Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь, Беларуская энцыклапедыя; гал. рэд. Б. І. Сачанка. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1995. – С. 126–129.

3 Хай зорыць дзень!: выбраныя старонкі класічнай балгарскай паэзіі / уклад. Н. Гілевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1973. – 158 с.

4 Аляшкевіч, Т. А. Фонасемантыка паэтычнага твора Алеся Разанава / Т. А. Аляшкевіч. – Мінск: Бел. навука, 2014. – 161 с.

5 Сербская паэзія / уклад. М. Джэркавіч, І. Чарота. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. – 341 с.

6 Якавенка, Н. В. Мастацкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры / Н. Якавенка. – Мінск: Беларуская навука, 2019. – 357 с.

УДК 37.091.3:821.161.1

М. П. Ежова

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Проблема «отцов и детей» существует столько же, сколько существует человечество: каждое последующее поколение отличается от предыдущего своим мировоззрением, поведением, восприятием мира. В последние два десятилетия разница между поколениями стала крайне ощутимой. Это обусловлено изменениями геополитической ситуации в мире, сменой эпох индустриального и постиндустриального общества, скачкообразным научно-техническим прогрессом, урбанизацией и цифровизацией общества.

Все эти изменения влияют на развитие и становление личности в современном обществе. Современные дети отличаются от предыдущих поколений и особенностями мышления, и запоминания, и восприятия. Сейчас в школах обучаются дети, которых принято называть «поколением альфа». Для поколения альфа характерны следующие особенности: быстрое восприятие информации, высокая скорость обучения и освоения новых технологий, отсутствие глубины знаний, потребление и запоминание информации без понимания её содержания, клиповое мышление, проблемы с физическим

здоровьем (ожирение, аллергия, гиподинамия и др.) [1]. Современные школьники не признают авторитетов, не считают нужным учить то, что им не интересно и, по их мнению, им не пригодится в жизни.

Соответственно, что все эти изменения требуют актуализации подходов к образованию. Известный американский педагог Джон Дьюи писал: «Если мы будем учить сегодня так, как учили вчера, мы украдём у детей завтра». Эта цитата как нельзя лучше отражает ситуацию как в современной методике преподавания в целом, так и в методике преподавания литературы в частности. Педагогу необходимо пересматривать имеющийся педагогический опыт в поисках ответа на вопрос «как обучать в новых условиях?» [2]. Чтобы сделать образовательный процесс эффективным, учитель должен находиться в постоянном поиске новых форм и типов урока (как базиса образовательного процесса) и адаптировать существующие традиционные типы уроков к новым условиям. На уроках литературы педагогу необходимо проводить параллели с современностью, постоянно приводить примеры связи с реальной жизнью и практической пользы от изучения литературы. Учитывая склонность современных детей к визуальному восприятию, широко использовать современные технические средства на уроках литературы (отрывки из художественных и документальных фильмов, видео-экскурсии, презентации, создание бук-трейлеров и т. д.)

Знание классификаций типов уроков и различных подходов к ним поможет педагогу правильно поурочно распланировать учебную программу, грамотно построить каждый урок, выбрать тот или иной тип урока для определённого материала и, таким образом, наиболее эффективно использовать отведённое на предмет учебной программой время. В современной дидактике наиболее широкое признание получила классификация типов уроков по дидактическим целям. Первым такую классификацию предложил Б. П. Есипов ещё в сороковых годах XX века. Позже его типология претерпела некоторые изменения, но основополагающий принцип остался прежним. В педагогике выделяют пять типов уроков: ознакомление учащихся с новым материалом, закрепление знаний путём повторения, закрепление умений и навыков путём упражнений, проверка усвоения учащимися знаний, умений и навыков, комбинированные занятия, включающие усвоение новых знаний и их закрепление, и проверку ранее усвоенного.

В методике преподавания литературы применима классификация типов уроков по дидактическим целям, т. е. уроки изучения

нового материала, уроки закрепления знаний, умений и навыков, уроки обобщения и систематизации, уроки контроля и коррекции знаний, умений и навыков, комбинированные уроки.

Однако, в связи с тем, что задачи преподавания литературы крайне многогранны (знание биографии и творчества писателей и поэтов, их художественных произведений, основ литературоведения; формирование системы духовных ценностей, развитие культуры речи и творческих способностей учащихся и т. д.) многие методисты классифицируют уроки литературы по целям урока [3, с. 27]:

- уроки текстуального изучения художественных произведений;
- уроки чтения и бесед по проблематике и тематике произведений или уроки анализа произведения;
- уроки по руководству самостоятельным внеклассным чтением.

Н. И. Кудряшев предлагает типологию уроков литературы по виду учебной деятельности [4, с. 163–182]. Он выделяет следующие типы уроков:

– уроки изучения художественных произведений. Ведущий вид деятельности – читательская. Виды уроков: вступительные или вводно-ориентировочные уроки, уроки художественного восприятия, уроки углублённого анализа, обобщающие уроки;

– уроки изучения истории и теории литературы. Ведущая учебная деятельность – восприятие и анализ информации. Виды уроков: уроки изучения биографии писателя, уроки изучения обзорных тем, уроки изучения критической литературы;

– уроки развития речи. Ведущая деятельность – авторская, творческая. Виды уроков: уроки знакомства с новым типом и жанром сочинений, уроки подготовки к сочинению, уроки анализа сочинений.

Многочисленными исследованиями педагогов и методистов доказано, что знания, умения и навыки усваиваются учащимися гораздо лучше и прочнее при использовании методов проблемного обучения с использованием нестандартных типов урока. Однако на практике все результаты исследований наталкиваются на ограничения в виде количества часов, предусмотренных школьной программой. Так, на уроки русской литературы в пятом классе отводится по два часа в неделю [5], в шестом – два часа в неделю, в седьмом – два часа в неделю в первом полугодии и один час в неделю во втором полугодии, в восьмом – один час в неделю в первом полугодии и два часа в неделю во втором полугодии, в девятом – два часа в неделю в первом полугодии и один час в неделю во втором полугодии,

в десятом – один час в первом полугодии и два часа в неделю во втором полугодии, в одиннадцатом – два часа в неделю в первом полугодии и один час в неделю во втором полугодии [6].

Учитывая, что изучаемые произведения от пятого к одиннадцатому классу становятся всё объёмнее и сложнее, а часов на их изучение отводится минимум, в который ещё необходимо вложить и литературоведческие знания, умения и навыки (анализ текста, терминологию), и исторические литературные тенденции, и изучение биографии авторов, учителю литературы приходится давать материал в очень сжатом виде. Поэтому чаще всего учителям литературы приходится использовать комбинированный тип урока и огромный пласт материала оставлять для самостоятельного изучения

Проблема выбора конкретного типа урока при изучении того или иного материала носит двойственный характер. Во-первых, особенности развития современных детей требуют от учителя постоянного поиска новых решений; во-вторых, минимум часов, отведённых на преподавание литературы школьной программой, большой объём и высокие требования, заложенные в той же школьной программе, не позволяют учителю применить на практике эффективные типы уроков, построенных по эвристическому принципу.

В связи с изложенными выше обстоятельствами, учителя чаще всего применяют комбинированный тип урока, в ходе которого происходит объяснение нового материала, закрепление знаний, умений и навыков, обобщение и контроль. Ранее комбинированные уроки применялись в основном в младших классах, что было связано с возрастными психофизиологическими особенностями развития младших школьников.

Целью преподавания литературы в школе является воспитание духовно развитой личности. Это понятие очень многогранно. Воспитание духовно развитой личности – это формирование эстетических и нравственных ориентаций и развитие творческих способностей; развитие умения анализировать и осмысливать информацию и делать выводы; воспитание речевой культуры и приобщение к искусству в разрезе культурной и исторической жизни своего народа и цивилизации в целом. Цель преподавания литературы глобальна и возвышенна, но достичь её за 45–90 минут в неделю не под силу даже гениальному педагогу. Таким образом, необходимо определить, что роль литературы в общей системе школьных дисциплин крайне недооценённая.

Список литературы

1 Особенности поколения «альфа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// ru.m.wikipedia.org/wiki](https://ru.m.wikipedia.org/wiki). – Дата доступа: 07.05.2024.

2 Современный урок. Типы уроков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/2325642.html>. – Дата доступа: 05.05.2024.

3 Якибова, Д. У. Методика преподавания литературы: учебное пособие для студентов филологических факультетов, 2-е изд., испр. и доп. / Д. У. Якибова. – М.: РУДН, 2012. – 151 с.

4 Кудряшов Н. И. Взаимосвязь методов обучения на уроках литературы: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1981. – 190 с.

5 Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для V-IX классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания (базовый уровень) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// adu.by/ruhome/obrazovatelny-i-protsess-2023-2024-uchebnyi-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/russkaya-literatura.html](https://adu.by/ruhome/obrazovatelny-i-protsess-2023-2024-uchebnyi-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/russkaya-literatura.html). – Дата доступа: 01.05.2024.

6 Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для X-XI классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания (базовый уровень) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// adu.by/ruhome/obrazovatelny-i-protsess-2023-2024-uchebnyi-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/russkaya-literatura.html](https://adu.by/ruhome/obrazovatelny-i-protsess-2023-2024-uchebnyi-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/russkaya-literatura.html) – Дата доступа: 01.05.2024.

*УДК 821.161.1-31*А. и Б.Стругацкие*

А. В. Ефременко

Науч. рук. – Е. Л. Гречаникова, ст. преподаватель

**ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ
И ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»**

Степень популярности фантастической литературы в современном мире позволяет говорить об актуальности обращения к истокам становления данной жанровой разновидности. В данной статье выявлены и проанализированы особенности эволюции художественного мира прозы А. и Б. Стругацких в проблемно-тематическом

и жанрово-стилевом аспектах на примере романа «Понедельник начинается в субботу». Хронотоп романа правомерно рассматривать как утопический. Текст имеет ярко выраженную сатирическую направленность, насыщен аллюзиями и реминисценциями. Организующим становится приём карнавализации.

Прозу А. и Б. Стругацких, как правило, рассматривают в соотнесённости с жанрами утопии, антиутопии, научной фантастики, а также говорят о синтезе, однако на каждом этапе творчества превалируют элементы одного из данных жанров. Роман **«Понедельник начинается в субботу»** был опубликован в 1965 году под названием *«Сказка для научных сотрудников младшего возраста»* [1, с. 2]. Советская реальность в тексте сосуществует с мифологической и фольклорной, создавая альтернативную действительность, уникальный художественный мир.

Действие происходит в северном городе *Соловцы*, который неслучайно фонетически созвучен с названием архипелага (Соловки). По замыслу А. и Б. Стругацких, именно такой древнерусский город способен вызвать противоречивые ассоциации.

Роман состоит из трёх частей: *«Суета вокруг дивана»*, *«Суета сует»* и *«Всяческая суета»*. События первой части – *«Суета вокруг дивана»* – вводит читателя в мир, где переплетаются советская обыденность и фантастическая, с элементами фольклора реальность. Главный герой – *Александр Привалов* – попадает в этот мир, согласившись подвезти двух попутчиков, которые в качестве благодарности предлагают герою ночлег на время пребывания в Соловцах.

Попутчики устраивают Привалова в музей института, где сами работают. Заведует музеем *Наина Киевовна Горыныч*, которая также вызывает ассоциации с *Бабой Ягой*. Примечательно, что фольклорный персонаж носит имя обычного советского гражданина, т. е. адаптируется к новой реальности. Показательным примером синтеза в данном персонаже фольклорного и современного может послужить её речь, которая представляет собой *смешение канцелярско-бюрократического стиля речи* (например, *«Рубль положим за помещение... Полтинничек за постельное белье – моё оно не казённое. За две ночи выходит три рубли... А колько от щедрот накинешь – за беспокойство, значит, – я уж и не знаю...»* [1, с. 32]) и *сказочных языковых элементов* (например, *«Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мяса поевши»* [2, с. 108]). Сказочный герой в романе А. и Б. Стругацких становится

комичным персонажем-приспособленцем, чьё участие в шабаше ведьм, в свою очередь, представляет собой сатиру на бюрократию в среде профсоюзных работников. А. и Б. Стругацкие развенчивают такие явления современного им советского общества, как бюрократический аппарат и деятельность псевдоучёных и оппортунистов.

Одним из главных приёмов в романе «Понедельник начинается в субботу» является *принцип карнавализации*. Термин был введён М. М. Бахтиным («Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»). В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А. Н. Николюкина даётся следующее определение: «*Карнавализация* – это, согласно Бахтину, перевод обрядово-символического языка “карнавальной жизни” и “карнавального мироощущения” – определенного рода социально-диалогического опыта – на язык словесно-художественных образов, более или менее индивидуализированного воображения автора-творца» [3, с. 170].

В литературе карнавализация может проявляться через использование *пародии, сатиры*, а также через включение *элементов фольклора, масок, обращение к маскарадным персонажам*, что позволяет писателю освободиться от жанровых рамок и традиций. Элементы карнавализации в романе «Понедельник начинается в субботу» проявляются, например, в эпизоде, когда главный герой сталкивается с фантастическим: атмосфера загадочности характерна для карнавального праздника.

По жанровой специфике роман А. и Б. Стругацких правомерно отнести к *карнавализованным жанрам* или, как их ещё называют, «*серьёзно-смеховым*» жанрам, среди которых М. М. Бахтин особо выделил жанр «*меннипея*».

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А. Н. Николюкина даётся следующее определение: «*Меннипея* – жанр, возникший в эпоху эллинизма и составляющий, наряду с сократическим диалогом, особую группу античных жанров “серьёзно-смехового”, резко отличающуюся от классического эпоса и трагедии» [3, с. 264].

Русские литературоведы, в частности, С. Пискунова, считает научную фантастику частью *менниповой сатиры*. В работе «Уроки зазеркалья» С. Пискунова отмечает: «научная фантастика сумела сохранить верность принципам дерзостно-экспериментального, игрового, насмешливо-антидогматического художественного мышления» [4, с. 191].

Правомерно говорить об элементах менниповой сатиры в романе «Понедельник начинается в субботу». Рассмотрим более подробно.

«Смеховой элемент очень велик» [5, с. 180]. В данном произведении обнаруживается большое количество *комических ситуаций, абсурдных сюжетов и карикатурных персонажей*. Комизм в романе связан со вступлением Александра Привалова в ирреальное пространство. Так, примером комичной ситуации может выступить попытка Привалова наколдовать себе завтрак: «Мне всего-то и надо было, что бутерброд с докторской колбасой и чашку чёрного кофе. Не понимаю, как это у меня получилось, но сначала на столе образовался докторский халат, густо намазанный маслом» [1, с. 157].

Одним из проявлений комического является *пародия*. В романе пародированию подвергается *жанр волшебной сказки*. Примером может служить диалог между Приваловым и щукой: «Ну что просить-то будешь, служивый? Только попроще чего, а то просят телевизоры какие-то, транзисторы... Один совсем обалдел: “Выполни, говорит, за меня годовой план на лесопилке”. Года мои не те – дрова пилить...» [1, с. 44].

«Характеризуется исключительной свободой сюжетного и философского вымысла» [5, с. 180]. Роман строится на мифологических и фольклорных аллюзиях. Во второй части сюжета Александр Привалов работает в *Научно-исследовательском институте Чародейства и Волшебства*. Администрация и устройство института являются пародией на реальное устройство университета: от «аномального» директора, названий отделов и сотрудников до деятельности магов-учёных. Возглавляет институт директор *Янус Полуэктович Невструев* – высокий, стройный, седовласый старик. Институт состоит из следующих отделов: *отдел Смысла Жизни, отдел Линейного Счастья, отдел Абсолютного Знания* и т. д. Институт представляет собой двухэтажное здание снаружи, однако внутри в нём обнаруживается двенадцать этажей, длина коридоров составляет несколько километров, а некоторые кабинеты и вовсе не имеют границ. Сотрудниками института являются маги и волшебники из разных эпох и стран.

«Фантастика служит здесь не для положительного воплощения правды, а для её искания, провоцирования и, главное, для её испытания» [5, с. 180]. А. и Б. Стругацкие помещают своего героя в фантастические условия ирреального пространства, где люди способны превращать воду в вино, создавать копии себя, перемещаться сквозь время и пространство, но при этом не могут решить социальных проблем: бюрократия, лженаучные достижения, праздность.

«Органическое сочетание <...> свободной фантастики, символики и – иногда – мистико-религиозного элемента с крайним и грубым (с нашей точки зрения) труппобным натурализмом» [5, с. 180]. К мистико-религиозным и мифологическим элементам можно отнести имена собственные, а также мифологических существ (бесы, гномы, домовые, дубли, джинны, гарпии, гидра, инкуб, ифрит, кицунэ, оборотень, упырь, домовик Тихон и др.).

«Наполнена резкими контрастами и оксюморными сочетаниями» [5, с. 180]. Маги-учёные, собранные со всего света из разных эпох с важной целью – поиск счастья, обладают колоссальной силой и знаниями, но беспомощны перед государственной административной системой, которая не борется и даже поощряет таких невежд и демагогов, как Выбегалло и Камноедов. А. и Б. Стругацкие неоднократно возвращаются к проблеме бюрократии, лжеучёных и их псевдонаучных достижений.

«Включает в себя элементы социальной утопии» [5, с. 180]. Мир, созданный А. и Б. Стругацкими, воплощает одновременно *технократическую* и *социальную утопию*. Лучшие представители человечества собираются в замкнутом пространстве – городе Соловце – для того, чтобы глубже изучать мир, расширять границы человеческих знаний, которые помогут отыскать корень человеческого счастья и смысла жизни. Для самих магов-учёных из «НИИЧАВО» смысл жизни – познание, исследование, работа, открытия. Таким образом, А. и Б. Стругацкие предпринимают попытку создать образ «сверхлюдей» будущего, которые эволюционировали от потребителей к исследователям и создателям. Герои романа способны накормить тысячи голодных, превратить во в вино, как это сделал библейский Иисус, произвести с помощью специальных технологий беззлойный смех и трансформировать свинец в золото, заглянуть в будущее с помощью машины времени. В данном романе А. и Б. Стругацкие воплотили тот идеал будущего, приоритетами в котором становятся непрерывный духовный рост и самосовершенствование в трудовой и научной деятельности. Однако воплотить утопическую идею в жизнь мешают такие бюрократы, как Камноедов, для которого даже магический диван всего лишь инвентарный объект. Камноедов – собирательный образ: его приоритет – исполнение предписаний и инструкций.

Таким образом, роман «Понедельник начинается в субботу» является уникальным произведением, которое сочетает элементы научной и социальной фантастики и мениппеи, а также представляет собой синтез двух антитетичных жанровых разновидностей: утопии и антиутопии.

1 Стругацкий, А. Н. Понедельник начинается в субботу / А. Н. Стругацкий – М.: АСТ, 2020. – 320 с.

2 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. Т. 1 / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева и др. – М.: Наука, 1984. – С. 108–111.

3 Николюкин, Н. А. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. Н. А. Николюкин. – РАН, ИНИОН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

4 Пискунова, С. И. Уроки зазеркалья: [Заметки о гротескно-фантастической прозе] / С. И. Пискунова, В. М. Пискунов // Октябрь. – 1988. – № 8. – С. 188–198.

5 Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1990. – 541 с.

УДК 37.091.3:821.161.1

О. В. Козлова

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

МЕТОДЫ РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ УРОКА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена методике преподавания русской литературы. Автор характеризует разнообразные методы, которые может использовать учитель, чтобы достичь поставленной цели урока, повысить уровень знаний учащихся, заинтересовать программным материалом, успешно решить задачи воспитания подрастающего поколения.

Главная цель учителя в практике преподавания русской литературы заключается в тщательном продумывании каждого этапа работы по подготовке к проведению уроков, а также в использовании методов, способствующих достижению эффекта в процессе усвоения учениками знаний, умений и навыков. Что касается метода, то это понятие в обучении осмысливается как определённая система, которая предполагает логику взаимодействия учителя и учащихся, что обеспечивает успешное усвоения содержания литературных произведений.

Однако в методике и в других, смежных с нею, науках метод обучения может пониматься несколько иначе, например, как

«целенаправленная система взаимообусловленных приемов», «обобщенная модель реализации основных компонентов учебного процесса», «научно обоснованная система принципов», «способ управления познавательной деятельностью учащихся», «способ деятельности учащихся, организуемый учителем» и т. д.

Существует также в методике преподавания литературы тенденция называть некоторые современные приемы и формы обучения методами. Это приводит к тому, что количество подобных «методов» стихийно множится.

Метод часто рассматривают как совокупность методических приемов. При этом прием рассматривается как часть метода обучения, его отдельный акт, «деталь». Однако при этом не проводится четкой границы между методом и приёмом. Следует заметить, что если понятие «прием» использовать систематически и сделать его основой обучения, то он закономерно перерастает в метод.

Метод творческого чтения преследует несколько целей: активизацию художественного восприятия учащимися литературного произведения, формирование их эстетических переживаний, литературных вкусов и художественных способностей, совершенствование художественного осмысления произведений искусства.

Приемами метода творческого чтения являются: выразительное чтение учителя и чтение мастеров художественного слова, комментированное чтение и беседа, обучение выразительному чтению, творческие задания.

Виды учебной деятельности учащихся в рамках метода творческого чтения таковы: выразительное чтение и заучивание наизусть, составление плана, пересказ, устное словесное рисование, инсценирование и составление киносценария [1, с. 99].

Комментированное чтение учителя - это такой вид работы, в ходе которой словесник читает вслух строки писателя и сразу же раскрывает их глубинный смысл.

Комментарии могут даваться до чтения, в процессе чтения и после чтения текста. Эффективность комментированного чтения определяется степенью подготовки учителя к уроку. Такая подготовка предполагает:

- определение целевой установки;
- отбор материала для комментирования;
- формулировку комментариев в форме реплик, вопросов, развернутых толкований;
- разработку системы вопросов и заданий [2, с. 35].

Комментарий в зависимости от целей урока может быть воспроизводящим, углубляющим, обобщающим. Воспроизводящий комментарий дает возможность толкования художественного текста в более доступной форме. Углубляющий комментарий способствует расширению имеющихся у учащихся знаний новыми фактами. Обобщающий комментарий используется для подведения общего итога и выводов с помощью сравнения и сопоставления [2, с. 10].

Беседа – один из методических приемов, используемых в процессе изучения литературы. В ходе беседы сущность изучаемого литературного материала раскрывается в ответах учащихся на поставленные учителем вопросы. Для организации беседы используются различные вопросы и задания. При подготовке к беседе учитель должен продумать характер задаваемых вопросов, которые не должны быть однообразными. Важно определить цель каждого из вопросов, адресованных аудитории.

Следует отметить, что беседа обычно проводится при изучении нового материала, его закреплении и обобщении. Беседа помогает проверять уровень знаний учащихся, поэтому постановка вопроса должна требовать краткого и содержательного ответа. Когда речь идет об использовании беседы, то важно помнить, их можно классифицировать: выделяют свободные, беседы по вопроснику учителя, беседы-споры, итоговые беседы.

В системе проведения уроков по русской литературе часто используется заучивание текста наизусть, что является как бы продолжением работы по обучению выразительному чтению. При заучивании наизусть рекомендуется читать преимущественно вслух и использовать все виды памяти – зрительную, слуховую и моторную, то есть чтение глазами (про себя), слушание чтения учителя. Если стихотворение большое, в процессе его анализа можно составить план, то есть придумать заголовки к каждой части, и по этому плану учить его наизусть.

Учитель подает собственный пример в заучивании наизусть. Он обязан знать целиком программные стихотворные произведения наизусть, а прозаические и драматические – в отрывках.

Пересказ – это недословная передача содержания произведения или какой-либо из его частей. Пересказ всегда вызывает активную работу мысли, способствует проявлению эмоций, готовит учащихся к самостоятельным творческим выступлениям, влияет на развитие речи, подготавливает к анализу текста. В процессе пересказа ученик получает возможность высказать личное отношение к произведению.

Различаются такие виды пересказа, как:

- близкий к тексту: цель – научить, опираясь на готовый текст, строить предложения и соединять их в связный рассказ;
- осложненный заданиями: такой пересказ направлен на восприятие и осознание главной мысли текста.

Наиболее важные разновидности осложненного заданиями пересказа:

- сжатый;
- с заменой лица рассказчика; выборочный;
- с элементами рассуждения;
- с обязательным включением средств авторского языка.

План, или опорные положения, помогает с меньшей затратой сил воспроизвести в памяти конкретный материал.

Поэтому желательно подбирать тексты с четкой структурой (введение, основная часть, заключение).

На уроках литературы используют также устное словесное рисование.

Введение этого вида деятельности требует психологического и художественного такта. Устное словесное рисование применимо в работе над любым жанром произведения. Как правило, словесное рисование пробуждает воображение учащихся, дает им возможность рассказать о своем видении картины, образа. При обучении устному словесному рисованию учитель должен познакомить учащихся с авторскими образцами описаний.

Применяемое педагогами на уроках литературы инсценирование предполагает возможности для серьезной умственной деятельности учащихся, используется для углубления их исследовательского отношения как к создаваемому на основе текста сценическому варианту, так и к самому тексту художественного произведения.

Подготовка к инсценированию проводится во внеурочное время в три этапа. Первый этап («застольный») – это самый начальный период работы, когда учитель должен ознакомиться с уровнем подготовки учащихся к восприятию произведения.

Второй этап («комнатный») – начинаются репетиции во временной сценической обстановке, в репетиционной комнате.

Последний, завершающий этап работы по инсценированию – работа на сцене. Учитель должен свести воедино игру «актеров», художественное решение «декораторов», «костюмеров», музыку, освещение.

На уроках литературы необходимо развивать интерес к кино. Учитель в ходе урока должен использовать кино (кинофрагменты)

для решения учебных задач. Одной из задач учителя литературы является научить учащихся составлять киносценарий к изученным художественным произведениям. Киносценарий – своеобразный прием изучения литературного произведения. Работа по подготовке киносценария довольно сложна. Она требует от учащихся хорошего знания текста, умения разбираться в композиционных особенностях произведения, владения теоретико-литературными понятиями, навыками анализа художественного текста, способностями по настоящему увидеть, осмыслить и понять жизнь героев.

Таким образом, охарактеризованные в статье методы, которые использует учитель в процессе проведения уроков по русской литературе, свидетельствуют о том, что уровень эффективности при получении учениками знаний, умений и навыков будет непременно достигнут.

Список литературы

1 Голубков, В. В. Методика преподавания литературы / В. В. Голубков. – М.: Учпедгиз, 1962. – 495 с.

2 Стыркас, И. Н. Комментированное чтение художественных произведений в старших классах узбекской школы / И. Н. Стыркас. – Ташкент: Укитувчи, 1988. – 104 с.

УДК 821.161.1-31

К. Н. Мареш

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНАХ И. А. ГОНЧАРОВА

В статье раскрываются женские образы в романах И. А. Гончарова «Обломов», «Обыкновенная история» и «Обрыв». Автор, опираясь на содержание романов и теоретические исследования, представил анализ важной проблемы, связанной с осмыслением женских образов в романах И. А. Гончарова, показал, опираясь на отдельные текстовые фрагменты, новаторство писателя и особенности создания им женских образов.

Иван Александрович Гончаров, известный русский писатель XIX века, создал в своих произведениях множество запоминающихся женских образов. «Обыкновенная история» – первый роман русского

писателя Ивана Александровича Гончарова, опубликованный в 1847 году в журнале «Современник». Иногда это произведение объединяют в неформальную трилогию с последующими романами «Обломов» и «Обрыв». Обратимся непосредственно к анализу женских образов в творчестве И. А. Гончарова. Например, Наталья Савельевна – одна из главных героинь романа «Обыкновенная история». Она молодая, красивая и богатая наследница, которая ищет настоящую любовь. Её характер сложен: она импульсивна, эмоциональна, но в то же время честна и искренна.

Елизавета Васильевна, другая героиня «Обыкновенной истории», контрастирует с Натальей Савельевной, она отличается тем, что всегда спокойна, рассудительна и практична. Она воплощает в себе образ «ангела дома» [1, с. 27], заботливой жены и матери. Важно заметить, что образ Елизаветы Васильевны как матери начинает формироваться на страницах «Обыкновенной истории», что особенно привлекает внимание читателя. Даже Петр Иванович Адуев, довольно неэмоциональный человек, дважды ссылается на родительскую тему. Описывая заботу Елизаветы Александровны о своём племяннике, Адуев замечает: *«Разве только мать могла бы так горячо принимать к сердцу все, что до тебя касается, и та не сумела бы»* [2, с. 35].

В романе «Обломов» Ивана Гончарова, впервые опубликованном в 1859 году и считающимся классикой русской литературы, имеет место исследование темы «лишних людей» в русском обществе XIX века.

Одной из центральных женских фигур в романе является Ольга Ильинская. Это молодая, энергичная, целеустремленная и практичная женщина, которая пытается вырваться из провинциальной среды и найти свое место в жизни. Ольга является полной противоположностью Обломова, и именно она станет той движущей силой, которая поможет ему найти себя и начать новую жизнь. Её образ символизирует чистоту и невинность.

Среди других женских образов внимание привлекает образ Агнии – экономки в доме Обломова, которая фактически заменила ему мать. Она предстает на страницах романа преданной, заботливой и любящей женщиной, которая всегда готова прийти на помощь и поддержать главного героя. Что касается Анны Пшеницыной, молодой и красивой девушки, которая становится объектом страсти Обломова, то следует отметить, что она элегантна, изысканна и окружена толпой поклонников, но в глубине души одинока и несчастна. Её мать, Екатерина Пшеницына, является энергичной и властной

женщиной, которая стремится выдать дочь замуж за богатого и влиятельного человека. Она не останавливается ни перед чем, чтобы добиться своей цели, и готова жертвовать чувствами и счастьем дочери. Каждый из вышеназванных женских образов раскрывает разные грани женской натуры и играет свою определённую роль в развитии сюжета и раскрытии характера главного героя.

В романе «Обломов» важность родительской темы возрастает. Каждое воспоминание Ильи Ильича о матери пробуждает лучшее в душе героя: *«Обломов увидел давно мертвую мать, и во сне начал дрожать от радости, от горячей любви к ней»* [3, с. 20]. Повидимому, отношения с матерью заставили Илью Ильича во взрослой жизни искать себе женщину, похожую на его мать. В тексте много примеров детского поведения Обломова. Такая «детскость» [4, с. 138] абсолютно необычна для Штольца – антипода Обломова. Андрей по отношению к своему другу часто занимает позицию взрослого: *«Он выглядел как угрожающий учитель при укрытии ребенка»* [3, с. 128]. Впадение в детство иногда характерно для Ольги, персонажа, который в этом похож на Обломова. Но в её детстве нет намёка на инфантилизм. Напротив, Ольга иногда оказывается в положении родителя. Важно подчеркнуть, что Штолец и Ольга также распределяют между собой роли матери и ребенка. Рассказчик отмечает, что Ольга кладет «голову на грудь, как на грудь матери» в сцене со своим будущим мужем [3, с. 105].

Агафья Матвеевна Пшеницына демонстрирует только безграничную любовь, которую Обломов чувствовал, когда был ребёнком. На фоне общего дискурса в развитии материнских тем в романах Ивана Гончарова следует переосмыслить отношение к Пшеницыной как причине смерти Ильича или как помощника его «падения» [5, с. 66]. Делая Обломова «сыном» [6, с. 155], она не позволяет семье угаснуть. У неё особая роль – сохранить память об Обломове с Ольгой, Штольцом и Захаром.

Мать Эндрю Штольца – другой тип. Она была женщиной, абсолютно противоположной строгому отцу-немцу. Сцена, когда Эндрю уезжает в город после смерти его матери, сухое прощание с отцом и внезапно появляющаяся родительская поддержка: *«Батюшка, светик! У тебя нет родной матери, тебя никто не благословляет... Позволь мне благословить тебя, мой дорогой!»* [3, с. 45].

Анна Павловна Адуева, мать Обломова, а затем Агафья Матвеевна вносят некоторые изменения в один тип простой, земной

женщины, сосредоточившись на создании комфортной жизни. Описание матери Штольца частично повторяется в описании матери Райского: *«Он копается в своей памяти и обнаруживает, что однажды его мать держала его, и он прижал свою щеку к её груди и наблюдал, как она держала ключи, как изношенные или резвые звуки вибрировали и слышал, как её сердце колотилось в груди»* [7, с. 50].

Конечно, есть женщины, которым не суждено испытать радость материнства в романах Гончарова: это одна из причин недовольства жизнью Лизаветы Александровны Адуевой. Несмотря на это, она показывает себя матерью, когда утешает своего племянника. В романах Гончарова есть несколько псевдо-матерей: узколобая Мария Михайловна Любецкая, не заботящаяся о своей дочери; Паулина Карповна Критская, которая отсылает своих сыновей, чтобы они не напоминали другим о её возрасте.

В начале романа «Обрыв» рассказчик часто подчеркивает, что Татьяна Марковна не вышла замуж, заботясь о своих сиротах, затем с напряжением конфликта определение «мать» появляется в её сознании [7, с. 10]. Это обращение к ней часто встречается в разговорах Райского и Веры. Отметим, что Вера признает её духовное материнство: *«Бабушка! Можно ли простить мать? Ты святая женщина! У меня нет другой матери»* [7, с. 26]. Таким образом, Райский, Вера и сам рассказчик закрепляют бабушку Бережкову в статусе матери до развития финала истории.

И. А. Гончаров признавался в письме к А. Майкову в 1869 году: *«Черты моей матери воплотились в образе бабушки»* [8, с. 196]. *Пространство романов писателя является «концентрическим построенным пространством»* [9, с. 225], где мать часто становится его центром.

Основная функция бабушки Бережковой – духовной матери – в сохранении и защите пространства Малиновки и людей, живущих под её крышей. Так что имя персонажа семантически значимо (Бережкова от Береча означает «защищать»). Символично, что у бабушки есть ключи от главных зданий в поместье. Согласно её роли опекуна, бабушка скорбит о Вере. И после катастрофы она обещает: *«Твоя бабушка будет защищать тебя»* [7, с. 540]. Учитывая её собственное центральное положение, бабушку шокировала секретность Райского и Веры: *«Около нее происходит что-то таинственное и серьезное, между близкими ей людьми, а ее оставляют в стороне, как чужую или как старую, отжившую, ни на что не способную женщину»* [7, с. 541]. В конце концов, Вера после «перерыва» опирается на материнскую силу бабушки. В одной главе, не включенной

в окончательный текст романа, есть характерные слова: «*Вера прижала лицо к груди бабушки, и во сне она сделала движение головой, как будто оставшись в груди этой любящей матери, как будто она хотела кануть глубже в её объятия*» [7, с. 600]. Рассуждение рассказчика здесь четко связано с образом бабушки и народным образом – матерью-землёй. Вера пыталась покинуть «круг» [10, с. 14] Татьяны Марковны, сферу «старой» истины. Но она вернулась. Центрирование роли бабушки распространяется на тот факт, что она даже соглашается принять Марка, который уже «украл её жемчужину» [7, с. 608], давая разрешение на его свадьбу с Верой.

Исследователи романов Гончарова признают особое место образа Бережковой в мире искусства А. Рыбасов в биографии писателя уделяет большое внимание тому факту, что в течение 60-х годов автор вносит много значительных изменений в характер бабушки: от незначительного узколобого землевладельца (у неё мало крепостных и небольшое поместье) он перерастает в символический образ бабушки-России. Н. Д. Старосельская пишет: «*Как Райский связывает все события, сюжетные линии, персонажей романа, так и Татьяна Марковна является своего рода поворотом повествования. Психологический центр романа заключен в бабушке*» [11, с. 57]. Кроме того, она становится дирижером нескольких идей, которые принадлежат И. А. Гончарову.

Таким образом, Гончаров от одного романа к следующему роману разрабатывает два основных типа матерей. Первый – это тип мечтательной, возвышенной и одаренной женщины (Штольц, Райская), а второй тип представляют женщины довольно простые, самоотверженные, любящие своего ребенка (Адуева, Обломова, Пшеницына, Бережкова). Мать Гончарова была строгой, простой и практичной, не склонной к мечтанию, поэтому её можно в значительной степени отнести ко второму типу. Однако писателю нужны были образы первого типа, чтобы реализовать концепцию материнства во всей её глубине и полноте.

Список литературы

1 Бёмиг, М. «Сон Обломова»: апология горизонтальности / М. Бёмиг. – М.: Прогресс: Культура, 1994. – С. 26-37.

2 Гончаров, И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – М.: Наука, 1975. – 416 с.

3 Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – М.: Наука, 1976. – 608 с.

4 Описи. И. Проблема «положительного человека» в романах И. А. Гончарова / И. Описи – М.: Прогресс: Культура, 1994. – С. 138-145.

5 Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем / И. А. Гончаров. – СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ, 2008. – С. 65–80

6 Дружинин, А. В. Литературная критика / А. В. Дружинин. – М.: Прогресс, 1983. – С. 150–158.

7 Гончаров, И. А. Обрыв / И. А. Гончаров. – М.: Наука, 1976. – 768 с.

8 Энгельгардт, Б. М. Путевые письма И. А. Гончарова / Б. М. Энгельгардт. – М.: Литературное наследство, 1968. – 344 с.

9 Анненский, И. Ф. Книги отражений. Литературные памятники / И. Ф. Анненский. – М.: Наука, 1979. – 679 с.

10 Шевчугова, Е. И. Образ матери в романной трилогии И. А. Гончарова: типология и функции / Е. И. Шевчугова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – С. 14–24.

11 Старосельская, Н. Д. Романы И. А. Гончарова / Н. Д. Старосельская. – М.: МПГУ: Прометей, 1990. – С. 57–60.

УДК 821.161.3-1

В. Ю. Плешавеня

Навук. кiр. – А. М. Мельнікава, д-р фiлал. навук, прафесар

ПОСТАЦІ БЕЛАРУСКАЙ МІНУЎШЧЫНЫ Ў ПАЭТЫЧНАЙ ТВОРЧАСЦІ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКАЙ

У артыкуле аналізуецца спецыфіка падыходу Л. Рублеўскай да адлюстравання вобразаў гістарычных і культурных дзеячаў Беларусі. Асноўная ўвага нададзена разгляду паэтычнага зборніка «Замак месячнага сяйва» (1992). Адзначаецца высокі ўзровень мастацкага асэнсавання паэткай жыццёвага лёсу постацей беларускай мінуўшчыны.

У апошні час адзначаецца рост цікавасці чытачоў да гістарычнай мінуўшчыны сваёй краіны, асэнсавання месца беларускай культуры, самаідэнтыфікацыі. На дапамогу зацікаўленым чытачам прыходзяць творы класіка беларускай літаратуры – Уладзіміра Караткевіча, а таксама яго паслядоўнікаў – Леаніда Дайнекі, Вольгі Іпатавай, Кастуся Тарасава і інш. З шэрагу гістарыяцэнтрычных, беларускацэнтрычных пісьменнікаў адметна вылучаецца Людміла Рублеўская.

Людміла Рублеўская – адна з самых вядомых пісьменніц сучаснай беларускай літаратуры, працуе ў літаратуры актыўна і плённа. У творчым арсенале пісьменніцы – лірычныя, праяічныя і нават драматычныя творы. І ў кожным з гэтых літаратурных накірункаў

Л. Рублеўская звяртаецца да нашых каранёў, паспяхова стварае вы-сакародную мастацкую рэканструкцыю далёкіх падзей, непаўторныя і выразныя партрэты асветнікаў беларускай зямлі.

На сённяшні дзень Л. Рублеўская з'яўляецца аўтаркай 9 зборнікаў паэзіі: «Крокі па старых лесвіцах» (1990) «Адукацыя» (1990) «Замак мясячнага сям'ява» (1992), «Застаюся» (1996), «Балаган» (2000), «Рыцарскія хронікі» (2001), «Над замкавай вежай» (2003), зборнік вершаў і эсэ «Шыпшына для пані» (2007), «З'яўленне Інфанта» (2015). Таксама перыядычна паэтка публікуе новыя вершы на старонках асабістага сайта «Хроніка сада камянёў».

У сваёй паэтычнай творчасці Л. Рублеўская часта звяртаецца да рэальных гістарычных асоб беларускай мінуўшчыны. У яе творах пададзена цэлая галерэя вобразаў слаўтых постацей Беларусі. Л. Рублеўская імкнецца раскрыць перад чытачом іх духоўны вопыт, знайсці крыніцы, якія давалі падзвіжнікам святло і сілу. Іх жыццё і дзейнасць Л. Рублеўская лічыць прыкладам маральнай дасканаласці і грамадзянскай самаадданасці. Трэба адзначыць, што Л. Рублеўская грунтуе сваю творчасць на фактычным матэрыяле, выкарыстоўвае ў сваёй творчасці шматлікія гістарычныя дакументы: навуковыя працы, артыкулы з беларускіх газет і часопісаў, а таксама апавяданні вядомых пісьменнікаў і дзяржаўных дзеячаў.

У лірыцы Л. Рублеўскай выяўляецца не толькі гордасць за дзеі нашых продкаў, але і ўпэўненасць у моцы нацыянальнай культуры. Паэтка заклікае чытачоў прайсці разам з ёй шляхам продкаў. Зборнік «Замак мясячнага сям'ява» (1992) – адзін з самых насычаных вершамі і баладамі, прысвечанымі гістарычным асобам. Таксама тут знайшлі мастацкае ўвасабленне значныя гістарычныя падзеі. Зборнік падзелены на 3 раздзелы: «Парсуны», «У кнізе лёсаў», «На вулках места». Гэта літаральна гістарычны агляд ад часоў Ефрасінні Полацкай да часоў Валянціна Таўлая.

У вершах зборніка па-мастацку асэнсаваны жыццёвы лёс Рагнеды («Рагнеда»), Ефрасінні Полацкай («Ефрасіння»), Францыска Скарыны («Скарына ў Празе»), Боны Сфорцы («Паляванне каралевы Боны»), Казіміра Ждановіча («Балада пра нясвіжскага дойдзіда»), Мяленція Смятрыцкага («Мяленціў Смятрыцкі»), Напалеона Орды («Напалеон Орда»), Яна Баршчэўскага («Ян Баршчэўскі»), Францыска Багушэвіча («Кушляны»), Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча («Настаўнік»), Максіма Багдановіча («Максіму»), Валянціна Таўлая («Страляюць паляўнічыя на спеў...»), Уладзіміра Караткевіча («Мяне шпурляюць хвалі...»), Яўгеніі Янішчыц («Ад самоты не талент, ні Бог...») і інш.

У кожным творы адлюстраваны душэўныя суперажыванні паэткі лёсу гістарычных і культурных дзеячаў. Л. Рублеўская старанна шукае адказы на складаныя пытанні, якія паўставалі перад асветнікамі. Шукае той самы вобраз беларускага нацыяльнага героя. І, здаецца, знаходзіць яго: «– Я – Францішак, Кастусь, Уладзімер // – Вольны дух улюбёнага краю. // – Гэткі моцны? // – О не, толькі верны. // – Гэткі вечны? // – О не, толькі ўпарты» [1, с. 54].

У рэцэнзії на зборнік «Замак мясячнага сьайва» А. Бадак слухна адзначыў: «Для Рублеўскай гісторыя – гэта боль, яна мільёнамі тоненькіх капіляраў звязана з сённяшнім часам» [2, с. 251]. Паэтка спачатку апісвае драматычныя абставіны жыцця сваіх герояў, але кожны раз дае надзею на лепшае будучае, падкрэслівае сваю ўпэўненасць у ім.

Асаблівае месца ў творчасці пісьменніцы займае постаць Уладзіміра Караткевіча. Вобраз знакамітага беларускага класіка неаднаразова сустракаецца ў паэзіі Л. Рублеўскай. Свой шлях па слядах класіка Л. Рублеўская пачынала з верша «Па шляху продкаў» у першым паэтычным зборніку «Крокі па старых лесвіцах» (1990). Ва ўяўленні чытача ўзнікае сапраўдная хрысціянская працэсія, у якой адзін за адным ідуць культурныя дзеячы Беларусі і знакамітыя асобы, сярод якіх асаблівым чынам вылучаецца У. Караткевіч. Ён не просты сведка, а цэнтральная фігура дзеяння: «*Усмеілівы апостал Караткевіч // З вогненнай вадой нясе пацір*» [3, с. 16].

Верш «Мяне шпурляюць хвалі...» таксама прысвечаны У. Караткевічу. Пісьменніца зноў падкрэслівае святасць і самаахвярнасць асветнікаў. Звяртаецца пісьменніца і да творчасці У. Караткевіча. Напрыклад, эпіграфам да верша «Балада пра драўлянага Хрыста» сталі словы У. Караткевіча: «На Беларусі Бог жыве...», а змест і сэнс твора адсылае нас да знакамітага рамана «Хрыстос прыямліўся ў Гародні». Л. Рублеўскую непакоіць зніжэнне цікавасці да кнігі, да чытання. Яна прысвячае гэтай праблеме верш «Кнігам Караткевіча». Паэтка неаднаразова падкрэслівае думку пра тое, што творы яго – святы скарб для беларусаў. Для паэткі кнігарня – не проста крама, кнігарня – сапраўдны храм: «*Ён стаіць, белы храм! // І званы не змаўкаюць ні хвілі. // Што ж на пляцы вы ўсё маршыруеце міма дзвярэй?*» [1, с. 84].

З усёй паэтычнай творчасці Л. Рублеўскай прыкметна вылучаецца верш «Драздовіч хадзіў па палях тваіх цёмных, Айчына». У вершаваных радках ўзгадваюцца тры гістарычныя асобы: Язэп Драздовіч, Уладзімір Караткевіч, Мікола Ермаловіч. Яны ідуць тым

самым шляхам продкаў, а чытач ідзе за імі: «Драздовіч хадзіў па палях тваіх цёмных, Айчына. // Хадзіў Караткевіч па цёмных палях Беларусі. // Хадзіў Ермаловіч сцяжынкамі цёмнымі краю» [4]. Чытаючы верш, адчуваецца хада часу, змена гістарычных падзей. А хто ж асвятляе шлях? На думку Л. Рублеўскай, менавіта нашы асветнікі. Паэтка, разам з тым, звяртае ўвагу, што гэта можа быць кожны чалавек. У пэўны час гэта былі Я. Драздовіч, У. Караткевіч, М. Ермаловіч, а зараз кожны з нас.

Людміла Рублеўская – унікальны прыклад пісьменніцы, якая з неверагодным трапятаннем ставіцца да гісторыі роднай краіны, яе людзей. Паэтка захоўвае гэту павагу і гонар за нацыянальную культуру беларусаў не толькі ў сваёй душы, але і праз сваю творчасць перадае гэты скарб чытачам.

Узгадваючы ў сваіх творах постаці беларускай мінуўшчыны, асэнсоўваючы іх жыццёвы лёс Л. Рублеўская заклікае нас усвядоміць, што без памяці пра мінулае Радзімы – не будзе і яе будучыні.

Спіс літаратуры

- 1 Рублеўская, Л. Замак мясячнага сяйва / Л. Рублеўская. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 102 с.
- 2 Бадак, А. Азірнуцца, каб убачыць сябе / А. Бадак // Полымя. – 1993. – № 10. – С. 251–253.
- 3 Рублеўская, Л. Крокі па старых лесвіцах / Л. Рублеўская. – Мінск : ЦК КП Беларусі, 1990. – 45 с.
- 4 Нацыянальны паэтычны партал [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу : <http://vershy.ru> – Дата доступу: 19.05.2024.

*УДК 821.161.1-311.9*А.Р.Беляев*

Т. А. Туранкова

Науч. рук. – С. Б. Цыбакова, канд. филол. наук, доцент

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНОГО В РОМАНЕ А. Р. БЕЛЯЕВА «ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ»

В статье раскрывается проблема моральной ответственности ученого за свои эксперименты и изобретения, поставленная А. Р. Беляевым в научно-фантастическом романе «Голова профессора

Доуэля». Рассматриваются образы центральных персонажей – честного, преданного науке профессора Доуэля и его помощника – ученого-преступника Керна. Сделан вывод о том, что автор романа показал аморализм ученого как опасное для общества явление, акцентировал значение нравственно-этического фактора в научной деятельности.

Научно-фантастическое произведение Александра Романовича Беляева «Голова профессора Доуэля» было впервые опубликовано в 1925 году как рассказ и превратилось в основанный в значительной степени на личном опыте автора роман. Из-за костного туберкулеза писатель три года пролежал на больничной койке в гипсе. Он страдал от паралича нижней половины тела и был абсолютно обездвижен. Именно в это время А. Р. Беляев и задумал написать о том, что испытывает «голова без тела». Также писатель нашел статью о попытках французского физиолога Шарля Броун-Секара оживить голову собаки, которые не увенчались успехом. Так и вызрела в его сознании идея существования головы без тела.

В монологах профессора Доуэля, одного из главных персонажей романа, в его тоске по утраченному телу выражено пережитое А. Р. Беляевым мучительное состояние в период болезни. «Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился», – признается ученый ассистентке Керна Мари Лоран [1, с. 15].

Сюжет произведения А. Р. Беляева построен вокруг отсеченной от туловища, но способной слышать, говорить, видеть, мыслить человеческой головы. В произведении показаны операции по оживлению мозга, которые проводятся профессором Керном, преемником Доуэля, талантливым хирургом, но крайне безнравственным и жестоким человеком. Используя научные достижения своего коллеги, он находит способ сохранить и поддерживать после смерти гениального ученого жизнь его головы. Все другие научные эксперименты, изображенные в романе и представляющие собой «воскресение из мертвых» [1, с. 9], проводятся Керном в корыстных целях. Так, о присвоении антигероем чужих открытий упоминается в одном из диалогов головы Доуэля и Мари Лоран в главе «Смерть или убийство?». На вопросы Лоран: «Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?» [1, с. 18], голова отвечает: «Я догадывался» [1, с. 18].

Керн отличается непомерным честолюбием, тщеславием. Он не согласен на роль помощника блестящего ученого, поэтому

не останавливается ни перед чем, чтобы добиться мировой славы. Подобная решимость была бы похвальной, если бы имела хоть какие-то моральные ограничения, но в том чудовищном проявлении, которое показано в произведении, она оборачивается преступлением. Керн готов пожертвовать любой человеческой жизнью, чтобы добиться в своих экспериментах нужного ему результата. О беспредельной жестокости этого персонажа свидетельствуют многие эпизоды романа. В главе «Смерть или убийство?» Доуэль рассказывает Мари Лоран историю, содержащую подробности своего сопротивления Керну в надежде на то, что хирург-ассистент оборвет его жизнь и избавит тем самым от безотрадного внетелесного существования. Лоран узнает об ужасных пытках, которым Керн подверг голову своего коллеги. Бесчеловечность, изуверство Керна подчеркиваются с помощью его сравнения с инквизитором. «Однажды поздно вечером он вошел ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, еще не пустая тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор», – вспоминает Доуэль-голова в беседе с Лоран [1, с. 23]. В описании сновидения героини Керн сравнивается с коршуном: «Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову» [1, с. 17].

А. Р. Беляев показывает читателю, что Доуэль, в отличие от меркантильного Керна, является честным и бескорыстным ученым, который стремится использовать свои изобретения на благо общества, способен пожертвовать личными интересами во имя великой цели. «В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело», – считает герой [1, с. 22].

Раскрытию личностных особенностей персонажей подчинены их портретные характеристики. Внешние данные Доуэля и Керна соответствуют их нраву и склонностям. С физиогномической точки зрения Доуэль имеет красивые черты: «...высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы, голубые глаза...» [1, с. 8]. После этой характеристики в читательском воображении рождается облик, ассоциирующийся с такими высокими нравственными качествами, как благородство, великодушие, гуманность. Однако погруженность Доуэля в научную работу привела его к эмоциональной глухоте, к почти полному угасанию интереса к окружающему миру, равнодушию к радостям обыденной жизни. «Утратив тело, я утратил мир – весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать и в тоже время почувствовать свое тело, себя», – признается профессор

Мари [1, с. 16]. В проведении опытов на животных не обошлось и без принятия жестоких мер. Из рассказа головы Доуэля Лоран узнает: «Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсеченных от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость» [1, с. 20].

Герой, обладающий сильным интеллектом, оказался не в состоянии своевременно распознать моральную нечистоплотность Керна, которому передал свою рукопись для подготовки в печать. О чрезмерной преданности Доуэля науке говорит и оставленное им, по свидетельству Керна, завещание: «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался друг-ученый, а не могильный червь» [1, с. 9]. В целом, эти слова были правдой, но Доуэль совсем не ожидал, что головой, которую он сам хотел оживить вместе с Керном еще при жизни, окажется его собственная голова. После своего пробуждения профессор осознал весь ужас существования без тела: «Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна...» [1, с. 21].

Портретная характеристика Керна подчеркивает его тяжелый характер и жестокосердие: «Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперед подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом» [1, с. 5].

Изображая преступную деятельность Керна, А. Р. Беляев поднимает вопрос о чести и ответственности ученого. Оправдывает ли цель средства? Получение любых знаний ценно, но можно ли игнорировать этичность применяемых методов? По словам Л. А. Попова, «нравственные качества являются необходимым условием всякого познания, особенно научного» [2, с. 58]. «Ученый, страдающий не объективностью, склонный к обману, к зависти, корыстолюбию, может исказить (под всякими предлогами) результаты опыта, обмануть других (под действием одержимости славой, корысти и т. д.) и самого себя», – замечает Л. А. Попов [2, с. 58]. Никого, чьи головы были

оживлены, не спросили: согласны ли они на такой эксперимент, нужно ли им продолжение жизни после смерти? Конечно, жить хочется всем (это врожденный инстинкт), но жить полноценно, а не существовать как отдельная часть тела. Ученый всегда несет огромную ответственность перед самим собой, перед теми, над кем он проводит опыты, перед обществом в целом. Какой из этих пунктов должен быть приоритетным, каждый определяет сам, главное, чтобы решение принималось не из корыстных побуждений.

Игнорирование морального фактора Керном приводит его к полному профессиональному краху, личностной деградации и, в конечном итоге, к самоубийству. Злодеяния помощника Доуэля не остаются безнаказанными и о них узнают в научном обществе. Автор романа выражает веру в неизбежность возмездия за совершенные преступления, опровергая проникнутую скептицизмом доморощенную философию Керна, которую он излагает осмелившейся выступить против него Мари Лоран: «Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок, и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, – Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, – как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного» [1, с. 45].

Люди, которых «воскрешал» Керн, не стали его благодарными пациентами, не обрели радости жизни. Лишь на страдания оказалась обречена оживленная голова молодого и когда-то жизнелюбивого фермера Тома Буша: «Голова Тома хирела с каждым днем. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться, поднимать тяжести, утомлять свое могучее тело, потом много есть и крепко спать» [1, с. 132]. Тома стал одной из жертв незаконных операций Керна, который безжалостно выбросил его мертвую голову за ненадобностью в таз. Возвращенная к жизни Брике, певица из бара, умершая от случайной пули, ненадолго чувствует себя счастливой. Казалось бы, успешно проведенная операция должна была привести Керна к всемирной известности, но, к его неудаче, раненая нога нового тела Брике распространяла инфекцию, с которой организм не сумел совладать. Девушка снова лишилась тела, а также и жизни.

Таким образом, в романе «Голова профессора Доуэля» А. Р. Беляев актуализировал проблему моральной ответственности ученого, показав, что научные достижения могут использоваться

в злых целях и попадая в преступные руки, становятся опасными, приводят к трагическим последствиям. Ученый должен быть сострадательным человеком с чистой совестью, поскольку от уровня его нравственной культуры зависят судьбы людей. Моральный фактор является необходимым условием развития науки.

Список литературы

1 Беляев, А. Р. Голова профессора Доуэля. Повести и рассказы / А. Р. Беляев / Послесл. М. Соколовой; Ил. В. Руденко. – М.: Правда, 1987. – 464 с.

2 Попов, Л. А. Десять лекций по этике: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Л. А. Попов. – М.: Издательство «Ось-89», 2001. – 192 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'42'25:398.91(=161.3)

А. Д. Балмачэнка

Навук. кір. – Т. В. Лазоўская, ст. выкладчык

АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ ПРЫКАЗАК З БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ НА АНГЛІЙСКУЮ

У дадзеным артыкуле параўноўваюцца беларускія і англійскія выслоўі, якія адлюстроўваюць не толькі лінгвістычныя, але і культурныя асаблівасці абедзвюх моў, і вызначаюцца спосабы іх перакладу. Прыказка нясе ў сабе маральна ўзважаны, мудры погляд на жыццё як на сістэму адносін чалавека да свету, да грамадства, да радзімы і роду, сям'і. Выслоўі адлюстроўваюць культурныя і гістарычныя асаблівасці мовы і звязаны з рэаліямі, уласцівымі для дадзенай краіны. Пры перакладзе прыказак трэба ўлічваць гэтыя адрозненні, каб не выклікаць непаразуменняў паміж носьбітамі моў і прадстаўнікамі розных культур.

У выніку шматгадовага вывучэння мовы, быту, звычаяў свайго народа І. І. Насовіч зазначыў: «Беларусы ўсе факты, усе выпадковасці чалавечага жыцця, усе ўчынкі, як добрыя, так і дрэнныя, і ўсякае нават меркаванне пра што-небудзь падводзяць пад мерку прыказак сваіх...» [1, с. 3] Амаль усе беларускія прыказкі вылучаюцца такімі асаблівасцямі, як сцісласць, выразнасць, вобразнасць. Прыказка нясе ў сабе маральна ўзважаны, мудры погляд на жыццё як на сістэму адносін чалавека да свету, да грамадства, да радзімы і роду, сям'і [2, с. 9].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца параўнанне беларускіх і англійскіх прыказак, якія адлюстроўваюць не толькі лінгвістычныя, але і культурныя асаблівасці абедзвюх моў, і вызначэнне спосабаў іх перакладу.

Па гістарычных прычынах у беларускай мове шмат прыказак звязаны з праблематыкай узаемаадносін паміж багатымі і беднымі. Напрыклад, выслоўе «*Абяцаў пан футра, ягонья словы цёплыя*» ўжываецца ў якасці іранічнай ацэнкі чыіх-небудзь няздзейсненых абяцанняў. У англамоўнай культуры гэтая ж прыказка будзе гучаць

наступным чынам: «*Between promising and performing a man may marry his daughter*» [3]. Іранічнае адценне выраза застаецца, але рэалія змяняецца на іншую.

Прыказкі, звязаныя з заганамі і хібамі людскімі, таксама характэрныя для беларускай мовы. Да прыкладу, выраз «*Забаронены плод салодкі*» ўжываецца ў дачыненні да чаго-небудзь прывабнага і спаскуслівага, што заўсёды прыцягвае. На англійскую мову прыказка можа перакладацца літаральна: «*The forbidden fruit is always the sweetest*» [3] або «*Stolen pleasures are the sweetest*» [3]. Такім чынам, выраз, звязаны з Бібліяй, не выклікае непаразуменняў паміж носьбітамі абедзвюх моў.

Іншая прыказка «*Цікаўнай Варвары сабакі нос адарвалі*» гаворыцца як уніклівы адказ суразмоўніку на яго залішняю цікаўнасць і імкненне ўведаць што-небудзь [1, с. 447]. Пры перакладзе трэба ўлічваць, што літаральная перадача рэаліі з'яўляецца немагчымай, таму ў англійскай мове існуе аналаг «*Curiosity killed a cat*» [3], які будзе мець той жа самы сэнс.

Пра таго, хто па-ранейшаму застаецца ўпартым, не мяняе сваіх звычак і нораву, беларус з неадабрэннем скажа «*Воўк ліняе, ды нораву не мяняе*». Літаральны пераклад у гэтым выпадку будзе з'яўляцца прычынай непаразумення, таму на англійскай мове ёсць некалькі аналагаў, звязаных з жывёламі: «*The wolf may lose his teeth, but never his nature*» [3] або «*A leopard cannot change its spots*» [3]. А таксама аналаг, дзе размова ідзе пра чалавека: «*The thief is sorry he is to be hanged, but not that he is a thief*» [3].

Пра таго, хто неаднойчы робіць аднолькавыя памылкі або злачынствы, з асуджэннем скажуць: «*Дурань не той, што спатыкаецца, а той, хто на тым жа месцы двойчы робіць гэта*». На англійскай мове гэта прыказка будзе гучаць «*Fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me*» [3], што будзе блізкім пры перакладзе, але можна заўважыць асаблівасць: у англійскім выразе акцэнт зроблены на першай асобе, а ў беларускай мове пра чалавека ідзе гаворка ў трэцяй. Гэта, магчыма, звязана з адказнасцю за свае ўчынкі і індывідуалізмам, якія больш характэрны для англійскай культуры.

У беларусаў працавітасць і розум заўсёды заахвочваліся, і гэта адлюстроўваецца ў прыказках. Нягледзячы на рэлігійнасць, існуе выраз «*На Бога спадзявайся, але й сам старайся*», які ўжываецца як парада разлічваць не на каго-небудзь, а на свае ўласныя сілы. На англійскую мову прыказка перакладаецца так «*God helps those who*

help themselves» [3]. Такім чынам, можна заўважыць, што адказнасць за свае ўчынкi характэрна для беларусаў не менш, чым для прадстаўнікоў англійскай культуры.

Працавітасць заўсёды лічылі адметнай рысай характару беларускага народа, таму існуе шмат выказаў, якія адлюстроўваюць рэаліі і патрабуюць асаблівай увагі пры перакладзе на англійскую мову. Напрыклад, «Калі ўлез у дугу – не кажы: “не магу”» гавораць, калі хто-небудзь хоча ўхіліцца ад абавязкаў ці абяцанняў і не выконваць тое, што трэба, да канца. На англійскай мове гэта прыказка будзе гучаць такім чынам: «*In for a penny, in for a pound*» [3], і рэаліі, ужытыя ў гэтым выразе, а іменна назвы грошаў, з’яўляюцца адметнымі для замежнай культуры. Іншы выраз «*Без працы не будзеш есці калачы*» гучыць як павучанне працаваць, але зразумелым ён будзе толькі носьбітам моў славянскага паходжання. Таму пры перакладзе ўжываецца аналаг «*A cat in gloves catches no mice*» [3]. Але недастаткова быць працавітым, каб дасягнуць нейкіх поспехаў, трэба яшчэ мець упартасць і смеласць для пачатку новай справы: «*Вочы страшацца, а рукі зрабляць*». На англійскай мове выраз са значэннем ‘баішся пачынаць што-небудзь, але пры жаданні і старанні ўсё зробіцца’ гучыць так: «*What the eye fears, the hands do*» [3]. Такім чынам, вынік любой справы ў руках самога чалавека. Беларус скажа «*Дзе п’юць, там і льюць*», маючы на ўвазе, што ў вялікай справе не абысціся без страт. Аналагам пры перакладзе будзе выраз «*You cannot make an omelette without breaking a few eggs*» [3]. Несупадзенне звязана з розніцай у гастронамічных перавагах двух народаў.

Нягледзячы на адказны падыход да працы, беларусы лічаць, што залішня руплівасць можа нашкодзіць не менш, чым лянота. Пра чалавека, які перастараўся і вельмі старанна аднёсся да справы, скажуць «*Застаў дурня богу маліцца, дык ён лоб разаб’е*», а на англійскую мову гэты выраз можна перакласці амаль што літаральна «*Give a fool enough rope, and he will hang himself*» [3]. Вынік будзе кепскім, калі за работу бярэцца адразу некалькі чалавек, таму з асуджэннем пра безадказныя адносіны да справы, калі адзін спадзяецца на другога, гавораць «*Дзе нянек многа, там дзіця бязнога*». Пры перакладзе на англійскую мову існуюць некалькі аналагаў, напрыклад, «*Too many cooks spoil the broth*» або «*Many commanders sink the ship*» [3].

Беларусы шануюць добрыя ўзаемаадносіны паміж людзьмі, асабліва бачна гэта ў дачыненні да сям’і і сяброўства. Прыказка «*Пад чорным лесам спаткаўся чорт з бесам*» ужываецца ў выпадку, калі два чалавека ні ў чым не хочуць саступіць адзін аднаму пры сутыкненні

поглядаў, інтарэсаў, характараў. Літаральны пераклад немагчымы з-за розніцы культур, таму некалькі варыянтаў аналагаў магчымы: «*Diamond cut diamond*» [3] або «*When Greek meets Greek*» [3].

Пра чалавека, сваяцтва з якім выклікае сумненне гавораць «*Пень гарэў, а чорт хвост пагрэў, іскра пала і радня стала*». Перакласці гэтую прыказку нельга, таму на англійскай мове ў гэтым выпадку ўжываюць выраз «*A thirty-second cousin*» або «*A forty-second cousin*» [3].

Выслоўе «*Бачым сучок у воку брата свайго, а бярвяна ў сваім не заўважаем*» ужываецца ў дачыненні да чалавека, які бачыць у іншых нават дробныя недахопы, а ў сябе не заўважае і вялікіх. На англійскай мове ў гэтым выпадку будзе ўжывацца прыказка «*People who live in glass houses should not throw stones*» [3].

Асобныя пачуцці таксама знаходзяць адлюстраванне ў беларускіх прыказках. Да прыкладу, пра каханне можна пачуць «*Даганяючы не нацалуешся*» ў выпадку, калі патрэбна сказаць, што сілай не прымусяш палюбіць сябе. Аналагам на англійскай мове з'яўляецца выраз «*You may lead a horse to the water, but you cannot make him drink*» [3].

Пра неадпаведнасць вонкавага выгляду і сутнасці чаго-небудзь або каго-небудзь існуе прыказка «*Зверху міла, а ўсярэдзіне гніла*», якая перакладаецца амаль што літаральна: «*A honey tongue, a heart of gall*». Калі сітуацыя супрацьлеглая і па ўчынках, справах, паводзінах відаць, што за чалавек, гавораць «*Бачна па вочках, што ходзіць па ночках*». У англійскай мове аналагам з'яўляецца прыказка «*He that commits a fault thinks everyone speaks of it*» [3].

Пра залішне асцярожнага чалавека іранічна кажуць «*Баязліўцу і заяц – воўк*» або «*У страху вочы па яблыку*». Абодва гэтыя выразы не будуць зразумелымі пры літаральным перакладзе, таму замест іх ужываецца прыказка «*Cowards die many times before their death*» [3].

Людзі заўсёды задумваліся пра сваю будучыню, таму аптымістычныя або песімістычныя прыказкі характэрныя для абедзвюх культур. У цяжкі час, выражаючы ўпэўненасць, што няўдачы мінуцца, а надзеі збудуцца, беларус скажа: «*Будзе мёд і ў Сідаравай калодзе*». Гэты выраз адлюстроўвае рэалію, якая не мае адпаведніка ў англійскай культуры, таму пераклад будзе наступным: «*Fortune knocks at least once at every man's gate*» [3]. Прыказка «*Альбо дожджык, альбо снег, альбо будзе, альбо не*» ўжываецца ў выпадках няўпэўненасці, калі невядома, ці збудзецца што-небудзь задуманае. Нягледзячы на тое, што перакласці яе можна амаль літаральна «*Who can tell – maybe rain or maybe snow, maybe yes or maybe no*» [3], існуе таксама аналаг «*Even Your Grandma Wouldn't Know Whether It'll Be Rain Or Snow*» [3]. Надзею пачуць у бліжэйшы час што-небудзь новае

выказваюць прыказкай «*Пераначуем – болей пачуем*», якая не можа перакладацца літаральна, але ў тым жа сэнсе для англійскай культуры характэрны выраз «*Don't cross the bridges before you come to them*» [3].

Такім чынам, на працягу доўгага перыяду прыказкі вывучаліся толькі як частка фальклору, але зараз яны шырока ўжываюцца як у пісьмовых крыніцах, так і ў размовах паміж людзьмі. У адрозненне ад іншых фальклорных жанраў, прыказкі самастойна не бытуюць, а, выкліканыя канкрэтнай жыццёвай з'явай, у патрэбны момант устаўляюцца ў маўленне як афарыстычнае закончанае суджэнне, праверанае вопытам многіх пакаленняў. Выслоўі адлюстроўваюць культурныя і гістарычныя асаблівасці мовы і звязаны з рэаліямі, уласцівымі для дадзенай краіны. Пры перакладзе прыказак трэба ўлічваць гэтыя адрозненні, каб не выклікаць непаразуменняў паміж носьбітамі моў і прадстаўнікамі розных культур. Як вядома, асноўным прынцыпам, якім кіруюцца пры перакладзе з'яўляецца падбор найбольш дакладнага эквівалента да моўнай адзінкі, але калі прыказка не мае прамога аналага, то можа быць падабраны блізкі ў сэнсавых і стылістычных адносінах адпаведнік [1, с. 25-26]. Літаральны пераклад з'яўляецца рэдкім сродкам, але можа выкарыстоўвацца пры адсутнасці характэрных выключна для адной з культур рэалій.

Спіс літаратуры

1 Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск: «Бел. асац. «Конкурс», 2006. – 544 с.

2. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

3 Skyeng [Electronic resource]. – Mode of access: <https://skyeng.ru/articles/anglijskie-poslovicy-i-pogovorki/>. – Date of access: 13.05.2024.

УДК 811.161.1'42'37:398.92

Д. М. Дорогань

Науч. рук. – Е. И. Холякко, канд. филол. наук, доцент

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ: К СЕМАНТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ВЫРАЖЕНИЯ

В статье рассматривается узуальная и контекстуальная семантика русского фразеологизма «по щучьему велению». Цель работы заключается в выявлении семантических истоков фразеологизма.

Научная новизна исследования состоит в семантической реконструкции устойчивого выражения, определении пути формирования его значения, аргументации базы развития вторичной экспрессивной семантики, этнокультурной характеристике языковых фактов. В исходных сказках представлена реализующая сила сознательного активного намерения, соединенного с волей бессознательного, архетипического.

Русский фразеологизм *по щучьему велению* используется для адвербиальной характеристики действия, происходящего по волшебству, без усилий со стороны субъекта. Современные паремиологические и фразеологические словари сопровождают устойчивую единицу стилистическими пометами «народное», «шутливое» и определяют её значение как ‘чудесным образом, само собой, без вмешательства или поддержки кого-либо’ [1, с. 72; 2, с. 76]. Фразеологизм сочетается с глаголами *совершаться, происходить* и т. п. В классических фразеографических источниках фиксируется та же семантика [3, с. 849], однако форма фразеологизма может отображать утрату напряженного гласного главного субстантивного компонента и именную форму адъективного: *по щучью веленью* [4].

В современной речи, согласно иллюстративному материалу Национального корпуса русского языка [5], выражение *по щучьему велению* используется для обозначения случайного, неожиданного события или действия, которое происходит без внешней причины или логического объяснения, например: *Словно по щучьему велению в центре актового зала или небольшого класса вырастает полый шатёр-полусфера* (Мария Клапатнюк. Под мини-куполом (01.12.2012) // «Новгородские ведомости», 2012) [5].

Устойчивый словесный комплекс применим к описанию ситуаций, в которых люди испытывают странные или нелогичные желания или поступки, совершенные без рациональных причин: *Все то же желание, чтобы все было «по щучьему велению, по моему хотению» и чтобы при этом не было необходимости спускаться с теплой печи* (Надежда Навроцкая. Выйти замуж... за принца? // «Психология на каждый день», 2010) [5].

Выражение можно использовать в значении ‘по воле случая, когда что-то происходит без предварительного планирования или намерения’: *Как по щучьему велению на скатерти стали появляться тарелочки с закусками, приплыло блюдо с красиво разложенными треугольниками пирогов (с мясом, капустой, с луком-яйцом), три высоких*

бокала (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016); *Вот он – еще один Емеля-дурачок, чья печь вдруг – по щучьему велению – поехала, да и приехала, причем именно к тому месту, где его поджидал царь с самым красным из всех возможных кафтанов и Марьей-царевной в придачу* (Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011)) [5].

Это выражение применимо к ситуации рыбной ловли, чтобы обозначить случай, когда улов получается случайно или необычным способом: *По щучьему велению. Пресноводную акулу поймал житель Челябинской области* // Vesti.ru, 25.09.2020 [5].

Оно также стало символом неожиданного поворота событий или задачи, которую нужно выполнить по странным указаниям: *Она что, сама не могла от дурака избавиться? По щучьему велению, по моему хотению. – А кто была щука? – уже с некоторым интересом спросила Маша* (Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016) [5].

Устойчивое выражение в контексте может реализовать значение ‘подчиняться кому-то или чему-то безусловно, механически выполнять приказы, даже если они не имеют смысла или противоречат здравому смыслу’: *Сырье, детали, запасные части – все по щучьему велению!* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)) [5].

Истоки семантики выражения *по щучьему велению* обнаруживаются в русском фольклоре. Мотивация современного значения имеет сказочное начало. Ценный материал дают сказки «По щучьему велению» и «Емеля-дурак» из сборника «Народные русские сказки, собранные А. Н. Афанасьевым» [6].

Сказка «Емеля-дурак» начинается с того, что в некоторой деревне жил мужик с тремя сыновьями. Первые два были умными, а третий – дурак по имени Емельян. Перед смертью отец завещал сыновьям хозяйство и каждому оставил по сто рублей. После его смерти старшие братья, взяв долю Емели, пообещали ему купить красные кафтан, шапку и сапоги и уехали в город. Емеля же остался дома с невестками и дальше исполнял их поручения. Интересный момент: материальная доля наследства Емели меняется на обещание красного кафтана, шапки и сапог, не только символизирующих в мифопоэтической картине традиционных ценностей благополучие и достаток, но и власть, значительность, известность, – признаки, совершенно не соотносящиеся с фольклорным неумелым лентяем, лежебокой.

Особое внимание следует уделить первому поручению Емеле, когда главного героя отправили за водой. Как гласит текст, после того как Емеля наполнил ведра, он стал возле проруби и посмотрел в воду, где увидел большую щуку. *«Емеля, сколько ни был глуп,*

однако ж пожелал ту щуку поймать...» [6]. Здесь стоит присмотреться к форме *пожелал*. Глагол *пожелать* имеет значение ‘проявить желание’, которое, в свою очередь, обозначает чувства желающего или некое стремление. Таким образом, Емеля поймал щуку не вследствие случайных обстоятельств, а благодаря сильному желанию, которое и позволило ему выполнить эту непосильную задачу голыми руками. Умение Емели реализовывать собственные желания еще сильнее проявилось, когда щука наделила его своей силой и сообщила секретную магическую фразу. Теперь Емеля мог воплотить в жизнь более крупные желания с помощью внутренних сил, что указывает на наличие у него сильной воли. Окружающим оставалось лишь наблюдать и удивляться всем событиям, которые происходили без причины или какого-либо объяснения. Если для окружающих причина не проявлена, не значит, что она отсутствует.

Что же касается значения ‘подчиняться кому-то или чему-то безусловно’, то пояснить его можно так же просто. Для этого достаточно вспомнить желания Емели: *ведра сами пошли, сани поехали, топор порубил, дрова сложились, дубинка побила, принцесса полюбила* и др. Все эти действия происходили сами собой, независимо от воли, то есть выполняли приказы, даже если они противоречили здравому смыслу, что и проявляет современная семантика выражения.

Вдобавок ко всему, изначально Емеля не планировал ловить щуку, а всего лишь пошел за водой. Сложившиеся обстоятельства лишь стали неожиданным поворотом событий, так что употребление выражения *по щучьему велению* в значениях ‘по воле случая, когда что-то происходит без предварительного планирования или намерения’ и ‘символ неожиданного поворота событий или задачи, которую нужно выполнить по странным указаниям’ также допустимо.

В русских народных сказках «Емеля-дурак» и «По щучьему велению» звучит полная сакральная формула, способствующая волшебному осуществлению пути достижения желаемого: *По щучьему велению, по моему хотению*. В других версиях: *По щучьему велению, по моему прошению*, – представлена более активная форма выражения желаемого. Его исполнение обусловлено волей щуки. Образ щуки в сказочном фольклоре не случаен. Щука – тотемное существо, связанное с водной стихией.

Этнолингвистический словарь «Славянские древности» свидетельствует, что в народных поверьях и в фольклоре рыбы чаще всего представлены собирательно, но есть некоторые виды, которые выступают как самостоятельные персонажи, и щука один из них [7, с. 506].

Раньше щуку использовали в качестве оберега. Например, русские вешали челюсть от первой пойманной щуки над входом в дом, чтобы избежать всякого зла, так как считали, что зубы щуки обладают отвращающим действием.

Для удачи в ловле рыбаку давали с собой на рыбалку кость в виде креста из головы щуки, которую он зашивал себе в шапку. Благодаря наличию в голове щуки знаков муки Христовой считали добрым знаком появления её в первом зале [7, с. 506]. Данный факт объясняет исконное значение выражения, которым обозначался случай, когда улов получался случайно или необычным способом.

Следует обратить внимание, что щука как всякое хтоническое существо лишена созидательного начала. Поэтому сакральная формула разграничивает функции достижения желаемого: веление щуки, хотение и прошение Емели. Значимым оказывается и имя главного персонажа. Оним *Емельян* восходит к этимологическому значению ‘соперник, противник’.

Таким образом, современное значение выражения *по щучьему велению* имеет фольклорные истоки.

Сказка не ироничная апология лени и даже не проявление русской веры в чудо. В ней представлен не путь фольклорного героя, трансформирующий дурака в царевича. Представлена реализующая сила сознательного активного намерения, соединенного с волей бессознательного, архетипического.

Список литературы

1 Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии : Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. – 700 с.

2 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общей ред. В. М. Мокиенко. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

3 Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник / В. И. Даль ; предисл. М. Шолохова ; вступ. статья В. Чичерова. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 991 с.

4 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 21.05.2024.

5 Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. [Электронный ресурс] / М. И. Михельсон. – Т. 1–2. Ходячие и меткие слова :

сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб. : тип. Ак. наук, 1902–1903. – Т. 1. – 1902. – 779 с. ; Т. 2. – 1903. – 580 с. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old/ – Дата доступа : 21.05.2024.

6 Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 4 кн. [Электронный ресурс] / А. Н. Афанасьев. – 2-е изд., вновь пересм. – Кн. 1. – Москва : Изд-во К. Солдатенкова, 1873 (Тип. Грачева и К). – 572 с. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/> – Дата доступа : 21.05.2024.

7 Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения, 1995–2014. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – 2009. – 649 с.

УДК 378.147:004.9:811.581

Д. А. Драздова

Навук. кiр. – К. Л. Хазанава, канд. фiлал. навук, дацэнт

ВЫВУЧАЕМ КИТАЙСКУЮ МОВУ ЦІКАВА

У артыкуле характарызуюцца асаблівасці і формы прымянення мультымедыйных тэхналогій у працэсе выкладання замежных моў, апісваюцца розныя падыходы да разумення паняцця мультымедыя ў педагогіцы. Асобная ўвага надаецца выкарыстанню мультымедыйнага метаду пры вывучэнні кітайскай мовы, характарызуюцца розныя электронныя рэсурсы і іх уплыў на якасць засваення вучэбнай дысцыпліны. Большасць электронных рэсурсаў прапануе шматлікія мультымедыматырыялы, якія робяць вывучэнне кітайскай мовы наглядным, візуалізуюць вывучэнне, а таксама даюць магчымасці аўдыяўспрымання, вельмі важнага для авалодання кітайскай мовай. Мультымедыйны метады навучання з'яўляюцца вельмі эфектыўным для вывучэння кітайскай мовы, а выкарыстанне мультымедыяматэрыялаў садзейнічае павышэнню матывацыі і цікавасці да вывучэння кітайскай мовы як замежнай.

З развіццём кітайскай міжнароднай адукацыі ў методыку выкладання кітайскай мовы як замежнай актыўны пачалі ўключацца розныя навучальныя рэсурсы, тэхнікі, формы і метады навучання. Адным з іх стала мультымедыйнае навучанне.

З дапамогай візуалізацыі разнастайных сітуацыйных абставін у мультымедыя-, кіна- і тэлерэсурсах навучэнцы маюць магчымасць глыбей і лепш зразумець кітайскую культуру, павысіць узровень вуснага маўлення ў штодзённым жыцці. У кіна- і тэлерэсурсах прапануецца мноства моўных матэрыялаў, якія навучэнцы (як пачаткоўцы, так і асобы, ужо дастаткова знаёмыя з кітайскай мовай як замежнай) могуць выкарыстоўваць для імітацыі вымаўлення кітайскіх іерогліфаў і назапашваць пэўныя шаблоны сказаў, што часта выкарыстоўваюцца носбітамі кітайскай мовы. Выкарыстанне кітайскіх фільмаў у працэсе вывучэння мовы павышае цікавасць навучэнцаў да кітайскай мовы, спрыяе разуменню кітайскай літаратуры і мастацтва, а таксама дапамагае адчуць чароўнасць кітайскай культуры, што самым станоўчым чынам уплывае на якасць навучання.

Адным з важных момантаў сучаснай адукацыі з'яўляецца інфарматызацыя, а асноўны фактар інфарматызацыі адукацыі – гэта выкарыстанне ў адукацыйным працэсе мультымедыйных тэхналогій. Мультымедыйныя тэхналогіі, якія імкліва развіваюцца ў цяперашні час, адносяцца да адных з перспектыўных напрамкаў інфармацыйных тэхналогій.

Мультымедыя – гэта «сукупнасць разнастайнага кантэнт, які чалавек спажывае адначасова праз розныя органы пачуццяў» [1]. Сам тэрмін *мультымедыя* мае карані ў лацінскай мове, дзе *multi* 'многа', а *medium* 'сродак'. Нездарма ж у сучасным разуменні мультымедыя мае на ўвазе «ўзаемадзеянне візуальных і аўдыяэфектаў пад кіраваннем інтэрактыўнага праграмнага забеспячэння з выкарыстаннем сучасных тэхнічных і праграмных сродкаў, аб'яднанне тэксту, гуку, фота, відэа ў адным лічбавым прадстаўленні» [2].

Названы патэнцыял абавязкова мусіў трапіць пад увагу педагогікі. Адукацыя пачала выкарыстоўваць разнастайнасць формаў адлюстравання інфармацыі з мэтай павысіць эфектыўнасць навучальнага працэсу. З'явіўся нават паняцце «*edutainment* – неафіцыйны тэрмін, які выкарыстоўваецца, каб аб'яднаць адукацыю і забаву, асабліва мультымедыйныя забавы» [3].

У сучаснай педагогіцы вылучаюцца некалькі падыходаў да вызначэння мультымедыя. Мультымедыя ўспрымаецца як «інструмент настаўніка, што дае магчымасць распараджацца рознымі прыладамі перадачы зместу навучання» [4]. І тады мультымедыя можна вызначыць у якасці носбіта інфармацыі, які перадае пэўны змест. З прыведзенага разумення мультымедыя вынікае, што павелічэнне

колькасці мультымедыя станоўча ўплывае на засваенне зместу вучэбнай дысцыпліны. Яшчэ адно разуменне мультымедыя заснавана на тым, што мультымедыя разглядаецца як «прыкмета, якая даходзіць да карыстальніка акцэнтуючы функцыю мультымедыя, гэта абазначае факт, які з'яўляецца прыладай пазнавальнага развіцця чалавека» [4].

Мэта артыкула – характарыстыка асаблівасцей і формаў прымянення мультымедыйных тэхналогій у працэсе выкладання кітайскай мовы як замежнай, асэнсаванне шляхоў прымянення розных электронных рэсурсаў пры вывучэнні кітайскай мовы і іх уплыву на якасць засваення вучэбнай дысцыпліны.

У працэсе вывучэння кітайскай мовы прымяненне мультымедыйных тэхналогій уяўляе сабой сістэматычны комплексны прыём выкладання, закліканы стымуляваць як зрокавыя, так і слыхавыя органы навучэнцаў. Такое стымуляванне адбываецца за кошт трансляцыі ведаў у форме аўдыя- і відэаінфармацыі. Аўдыявізуалізацыя спрыяе ўмацаванню памяці тых, хто вывучае, а таксама засваенню размоўнай кітайскай мовы.

Нельга не пагадзіцца, што «суб'ект выкладання кітайскай мовы як замежнай – гэта навучэнец» [4]. Знаёмства з асновамі псіхалогіі падказвае, што практыка вывучэння новых паняццяў, слоў, правіл не павінна быць нуднай і сумнай і нават наадварот: для большага матывавання навучання неабходна выклікаць зацікаўленасць. У такім выпадку мозг будзе больш актыўна прымаць атрыманую інфармацыю. Вынікам гэтага становіцца эфектыўнасць навучання. Варта заўважыць, што практыкі-метадысты падказваюць, што ў працэсе выкладання замежнай мовы неабходна «прытрымлівацца прынцыпу спалучэння практыкаванняў і атмасферы, якая падтрымлівае матывацыю» [4].

На нашу думку, дастаткова цікавым у плане дапамогі вывучэння кітайскай мовы з'яўляецца сайт Little Fox Chinese (Кітайскае лісяня) [5]. Ужо назва электроннага рэсурсу выклікае міжвольную ўсмешку. Першы зварот да мультымедыярэсурсу прыводзіць у заміланне. На галоўнай старонцы перад карыстальнікам паўстае шмат пацешных і цікавых малюнкаў забаўных жывёл, што ўжо само па сабе пачынае натхняць на вывучэнне дыдактычных матэрыялаў рэсурсу. Сапраўды, не дарма менавіта разнастайныя відэа са звяркамі заўсёды маюць вялікі ахоп інтэрнэт-аўдыторыі і набіраюць велізарную колькасць праглядаў.

Электронны рэсурс Little Fox Chinese мае англійскую і японскую моўныя версіі інтэрфейсу, што вымушае карыстальнікаў успомніць і актывізаваць веды англійскай мовы, а можа нават зацікавіцца і японскай мовай.

Па словах стваральнікаў рэсурсу, «Little Fox Chinese is a language program that allows anyone to learn the Chinese language in a fun and engaging way. Whether you are a beginning or advanced speaker of Chinese, we customized the program so people can learn with animated stories, songs, and games. (Кітайскае лісяня – гэта моўная праграма, якая дазваляе кожнаму вывучыць кітайскую мову ў займальнай і прыцягальнай форме. Незалежна ад таго, ці з'яўляецеся вы пачаткоўцам або вопытным і прасунутым карыстальнікам кітайскай мовы, мы наладзілі праграму так, каб людзі маглі вучыцца з дапамогай анімраваных гісторый, песень і гульняў)» [5].

Рэсурс аказвае значную дапамогу ў вывучэнні кітайскай мовы з дапамогай мультымедыя. У ім змешчаныя раздзелы для вывучэння мовы пры дапамозе прагляду мультфільмаў, камп'ютарных гульняў, песень на кітайскай мове. Карыстальнік дадзенага педагагічнага рэсурсу мае магчымасць вывучаць кітайскую мову з дапамогай аўдыявізуальных метадаў вывучэння.

На наш погляд, названы адукацыйны рэсурс паспяхова можа выкарыстоўвацца ў працэсе выкладання кітайскай мовы як для дзяцей, так і дарослых. Рэсурс мае дастаткова зручны інтэрфейс. Таксама на рэсурсе ўтрымліваюцца раздзелы, інфармацыя падзяляецца на розныя ўзроўні, якія адпавядаюць лексічнаму мінімуму стандартнаму міжнароднаму экзамену па кітайскай мове HSK (汉语水平考试).

Як інфармуе Рэспубліканскі інстытут кітаязнаўства імя Канфуцыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, «HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi (汉语水平考试)) – гэта міжнародны стандартызаваны кваліфікацыйны экзамен па кітайскай мове (путунхуа) для асоб, якія не з'яўляюцца носбітамі кітайскай мовы, – замежных асоб, кітайскіх эмігрантаў, прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў» [6].

Неабходна заўважыць, што пасля паспяховага праходжання гэтага іспыту вызначаецца ўзровень ведання кітайскай мовы, выдаецца Сертыфікат аб HSK, які «з'яўляецца неабходным дакументам пры падачы дакументаў на стажыроўку, паступленні ў кітайскі ўніверсітэт, прыёме на працу» [6]. З гэтым сертыфікатам можна паступіць у вну Кітая, свабодна мець зносіны з кітайцамі, працаваць у міжнародных кампаніях.

Нашы назіранні паказваюць, што электронны адукацыйны рэсурс Little Fox Chinese садзейнічае глыбокаму засваенню навучэнцамі

лінгвістычнага матэрыялу, прапанаванага на рэсурсе. Прадстаўленыя ў мультыплікацыйных фільмах рэсурсу іерогліфы візуалізуюць кітайскую графіку. У выніку заняткаў з выкарыстаннем матэрыялаў названага рэсурсу навучэнцы добра запамінаюць новыя словы, паспяхова ўзнаўляюць пачутае. Многія заданні прадстаўляюцца ў форме гульні. Такая форма, паводле нашых назіранняў, дазваляе хутчэй пераадоцьваць некаторыя цяжкасці ў вывучэнні замежнай мовы, бо навучанне ў гэтым выпадку будзе мець ненадакучлівы характар і становіцца больш даступным.

Для больш эфектыўнага выкарыстання мультымедычнага метаду важна паступовае вывучэнне матэрыялу. Менавіта з прычыны гэтага фактару на адукацыйным рэсурсе Little Fox Chinese прапануецца рознаўзроўневая дыферэнцыяцыя кантэнт.

Практычнае знаёмства з названым рэсурсам пацвярджае, што інфармацыйныя камп'ютарныя тэхналогіі даюць магчымасць значна паскорыць працэс якаснага вывучэння замежнай мовы ўвогуле і асваенне кітайскай мовы, у прыватнасці.

Акрамя рэсурсу Little Fox Chinese, для выкарыстання мультымедыятэхналогій і мультымедычнага метаду навучання ў працэсе вывучэння кітайскай мовы можна выкарыстоўваць і іншыя электронныя адукацыйныя рэсурсы, якія дазваляюць вывучаць і выкладаць кітайскую мову. Сучасны ўзровень развіцця інфармацыйных камп'ютарных тэхналогій садзейнічае наяўнасці разнастайных адукацыйных рэурсаў, з дапамогай якіх адбываецца авалоданне мовы старажытных усходніх мудрацоў.

Варта звярнуць увагу на Адкрыты рэдагуемы вялікі кітайска-руска-кітайскі слоўнік [7]. Па словах стваральнікаў, «мэта 大БКРС – стварэнне ідэальнага слоўніка для практычнай працы з сучаснай кітайскай мовай [7]. Выкарыстанне рэсурсу дазваляе заўважыць, што «асноўныя прынцыпы слоўніка: паўната – слоўнік уключае ў сябе не толькі словы, але і ўстойлівыя спалучэнні; практычнасць – слоўнік накіраваны на непасрэдную працу з сучаснай кітайскай мовай; адкрытасць – слоўнік адкрыты і даступны ў зручным для выкарыстання выглядзе ўсім удзельнікам» [7]. Дадзены рэсурс дае зручны дадатак-слоўнік. Прызначаны для мабільных прылад, планшэтаў, рэсурс з'яўляецца адным з самых распаўсюджаных у свеце слоўнікам кітайскай мовы. На рэсурсе не толькі прапануецца пераклад слоўнікавых адзінак, але і ёсць адпаведныя выразы і кантэкстнае іх ужыванне, што садзейнічае аблягчэнню запамінання кітайскіх слоў.

У авалоданні навучэнцамі кітайскай мовы могуць дапамагчы Кітайска-рускі і руска-кітайскі слоўнік «Trainchinese» [8]. Trainchinese (Кітайскі цягнік) уяўляе сабой прасунуты рускамоўны электронны слоўнік, які дае магчымасць хутка вучыць словы, перакладаць тэксты з кітайскай на рускую або наадварот. Тут наглядна прадстаўляе варыянты напісання і вымаўлення, інтанацый кожнага слова.

«Innovating online Mandarin learning for over 15 years (Інавацыйнае анлайн-навучанне кітайскай мове ўжо больш за 15 гадоў)» [9] – гэта слоган інтэрнэт-сэрвісу для вывучэння кітайскай мовы «ChinesePod» [9]. На рэсурсе таксама ёсць рознаўзроўневыя заданні, прапануюцца аўдыя- і відэаматэрыялы. Звяртае на сябе ўвагу разнастайнасць тэматыкі заняткаў.

Згаданыя адукацыйныя рэсурсы, безумоўна, складаюць далёка не поўны спіс дапаможных інавацыйных сродкаў, якія магчыма выкарыстоўваць у працэсе вывучэння і выкладання кітайскай мовы. Кожны рэсурс мае свае адметныя якасці. І кожны, хто імкнецца вывучаць і ведаць кітайскую мову, зможа знайсці карысныя для сябе метадычныя матэрыялы, якія дапамагаюць і аблягчаюць вывучэнне кітайскай мовы. Большасць электронных рэсурсаў прапануе шматлікія мультымедыяматэрыялы, якія робяць вывучэнне кітайскай мовы нагляднай, візуалізуюць вывучэнне, а таксама даюць магчымасці аўдыяўспрымання, вельмі важнага для авалодання кітайскай мовай.

Такім чынам мультымедыйны метады навучання з'яўляецца вельмі эфектыўным для вывучэння кітайскай мовы, а выкарыстанне мультымедыяматэрыялаў садзейнічае павышэнню матывацыі і цікавасці да вывучэння кітайскай мовы як замежнай.

Спіс літаратуры

1 Мультимедиа и мультимедийные технологии: где используются и для чего [Электронный ресурс] // Профессиональный конструктор лендингов для бизнеса. – Режим доступа: <https://lpgenerator.ru/blog/chto-takoe-multimedia/>. – Дата доступа: 17.04.2024.

2 Мультимедиа информация [Электронный ресурс] // Фоксфорд. – Режим доступа: https://foxford.ru/wiki/informatika/multimedia-informatsiya?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. – Дата доступа: 17.04.2024.

3 Бачурина, А. Ю. Сферы применения мультимедийных технологий [Электронный ресурс] / А. Ю. Бачурина // Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/81243932.pdf>. – Дата доступа: 17.04.2024.

4 Беляева, Е. А. Мультимедийные средства в обучении китайскому языку [Электронный ресурс] / Е. А. Беляева // Образовательная социальная

сеть nsportal.ru. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/drugie-yazyki/library/2022/11/15/statya-multimediynye-sredstva-v-obuchenii>. – Дата доступа: 17.04.2024.

5 Little Fox Chinese [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinese.littlefox.com/en>. – Дата доступа: 17.04.2024.

6 HSK (или Hanyu Shuiping Kaoshi (汉语水平考试)) [Электронный ресурс] // Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета. – Режим доступа: <https://rci.bsu.by/education-ru/exams-ru/101-rus/exams-ru/251-exam-1.html>. – Дата доступа: 17.04.2024.

7 О словаре 大БКРС [Электронный ресурс] //大БКРС. – Режим доступа: <https://bkrs.info/p211>. – Дата доступа: 17.04.2024.

8 Trainchinese [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trainchinese.com/v2/index.php?rAp=0&tcLanguage=ru>. – Дата доступа: 17.04.2024.

9 ChinesePod [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinesePod.com/>. – Дата доступа: 17.04.2024.

*УДК 811.161.1'42'373.611:821.161.1-31*В.О.Пелевин*

А. А. Мигура

Науч. рук. – А. А. Станкевич, д-р филол. наук, профессор

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНО-ТЕКСТОВОГО
ПРОСТРАНСТВА В. О. ПЕЛЕВИНА**

В статье анализируется использование экспрессивных словообразовательных средств в дискурсивно-текстовом пространстве творчества Виктора Олеговича Пелевина. Основное внимание уделяется окказионализмам в произведениях В. О. Пелевина, при этом рассматривается классификация способов словообразования авторских лексических новообразований и их роль в создании индивидуально-авторского идиостиля.

В современном языкознании экспрессивность рассматривается на различных языковых уровнях: фонетическом, лексическом и фразеологическом, синтаксическом, морфологическом и словообразовательном.

Средства экспрессивизации на словообразовательном уровне содержат эмоционально-оценочные и функционально-стилистические

особенности. Исследованиями в области экспрессивного словообразования занимались такие лингвисты, как Ш. Балли, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. Б. Голуб, Р. Ю. Намитокова.

Современная российская литература находит своеобразное воплощение в творчестве Виктора Пелевина, мастера словесной экспрессии и уникального словообразования. Его произведения иллюстрируют силу языка в формировании дискурсивно-текстового пространства, а словообразовательные средства, использованные им, придают его творчеству неповторимый оттенок. Творчество В. О. Пелевина выделяется характерными постмодернистскими чертами и признаками.

В современном литературоведении нет чёткого и однозначного определения термина «постмодернистская литература». Цель данного направления в литературе – воздействовать на читателя, размывая традиционные нормы и подчёркивая фрагментность текста. Авторская стратегия воздействия, включающая использование структурных элементов, языковых средств и стиливых приемов, играет определяющую роль в формировании эмоционального и когнитивного отклика у читателя. Таким образом, исследование постмодернистской литературы выделяет важность экспрессивного словообразования в создании характерных текстуальных стратегий. В. О. Пелевин стремится к инновационному использованию языковых средств, акцентируя внимание на их словообразовательном уровне.

В. О. Пелевин использует различные способы словообразования в своих произведениях, что способствует формированию индивидуально-авторского идиостиля. Необычные способы образования слов в его произведениях придают текстам индивидуальность и оригинальность. Пелевин активно экспериментирует, создавая новые лексические единицы, что позволяет ему точнее выразить свои мысли и концепции. Через словообразование Пелевин часто передаёт не только смысл, но и атмосферу произведений. Такой подход делает тексты более насыщенными, отражая тем самым особенности мышления и восприятия мира автора.

Среди экспрессивных элементов выделяются окказионализмы – лексические единицы, формирующиеся под воздействием определённого контекста или события и обогащающие лексикон языка новыми значениями и оттенками. Окказионализмы могут включать в себя различные словообразовательные средства – такие, как аффиксация, композиция, аббревиатуры и заимствования, и они обычно отражают изменяющиеся социокультурные и лингвистические реалии.

Эти лексические образования являются результатом не только механизмов словообразования, но и контекстуальной необходимости точного и эмоционально насыщенного выражения.

Окказионализмы, в свою очередь, способны отражать не только эмоциональное состояние автора, но и особенности времени и места, в которых они возникли. Их использование в авторском тексте позволяет установить эмоциональную связь с читателем, выделить ключевые моменты текста и выразить специфический смысл, трудно передаваемый стандартными лексическими средствами [1, с. 238–242].

В творчестве В. О. Пелевина окказиональные слова возникают в результате его уникального подхода к языку и творческому процессу. Пелевин внимательно следит за современными тенденциями и инновациями в различных сферах жизни, таких, как научно-технические новации, социокультурные изменения, политические события или философские концепции, включая появление новых слов и выражений. Пелевин часто придумывает новые лексические образования, используя элементы игры слов, чтобы выразить свои идеи и концепции более точно и эмоционально.

Для образования окказионализмов в языке используется различные способы словообразования. Опираясь на труды Е. А. Земской, следует отметить две группы способов словообразования: аффиксальные и неаффиксальные [1, с. 179–181].

Аффиксальные способы словообразования играют важную роль в обогащении лексического состава языка, позволяя создавать новые слова на основе уже существующих и тем самым адаптировать язык к изменяющимся потребностям общества, технологическому процессу и другим факторам. В аффиксации выделяются три разновидности: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования.

Способ словообразования с использованием префиксов для образования экспрессивных окказионализмов представляет собой процесс, при котором к основе слова добавляется приставка с целью создания нового термина или выражения, которое не только отражает определенное явление или ситуацию, но и обладает эмоциональной окраской или выразительностью.

Например, приставка «*супер-*» может добавляться к основе слова для создания экспрессивных окказионализмов, подчеркивающих высокий уровень или качество чего-либо, например, «*суперкруто*», «*суперзамечательно*». Также префиксы могут использоваться для создания экспрессивных окказионализмов, которые выражают

удивление, восхищение, разочарование и т. д. Приставка «не-» может быть добавлена к словам для создания окказионализмов, выражающих отрицание или неудовольствие, например, «*невероятно*», «*неприятно*» [2, с. 126–128].

Таким образом, словообразование с помощью префиксов для образования экспрессивных окказионализмов позволяет точнее и выразительнее передавать эмоциональные оттенки и реакции в языке, делая его более эмоционально насыщенным и живым:

«На всякий случай, я стал копировать этот жест и вскоре освоил его так хорошо, что даже ощутил себя своим среди всех этих сновавших по вокзалу недосверхчеловеков» [3].

Экспрессивное словообразование окказионализмов с помощью суффиксов представляет собой процесс формирования новых случайных, произвольных явлений или событий, ассоциированных с конкретными контекстами. Суффиксы, в свою очередь, служат инструментом для выражения эмоциональной окраски или интенсификации значения окказионализма. Таким образом, в результате этого процесса формируются лексические единицы, обладающие выраженной экспрессивностью [2, с. 100–103]. Примерами таких окказионализмов в произведениях В. О. Пелевина могут служить следующие высказывания:

«Зовут его Вовчик Малой, а кликуха у него Ницшеанец» [3];

«Набор был самым обычным, за исключением того, что среди бутылок стояли несколько незнакомого вида литрух с этикетками, густо покрытыми иероглифами» [3];

«Ведь всю эту фигню про зубы у души, про топку, в которой коммуняк жгут, про конвой на небе – это же все сколько веков назад придумали!» [3];

«Но тут было другое, тут была какая-то темная достоевщина – пустая квартира, труп, накрытый английским пальто, и дверь во враждебный мир, к которой уже или, быть может, досужие люди...» [3];

«Что касается соответствующего вауеризму политического режима, то он иногда называется телекратией или медиакратией, так как объектом выборов (и даже их субъектом, как было показано выше) при нем является телепередача» [4].

Суффиксально-префиксальный способ словообразования для окказиональных слов подразумевает добавление как префиксов, так и суффиксов к производящему слову, чтобы создать новые формы и значения: *«Здесь я не вполне соглашусь, – сглотнув, сказал Татарский. – Или, точнее, соглашусь, но только начиная с посткубистического периода»* [4].

Виктор Пелевин часто использует безаффиксный способ словообразования, который включает способы чистого сложения, сращения, аббревиации и усечения, для создания окказиональных слов, добавляя им новые значения и смысловые нюансы, что является одним из характерных черт его идиостиля.

Чистое сложение происходит путем соединения двух или более слов без изменения их формы:

«Взять хотя бы само имя «Вавилен», которым Татарского наградила отец, соединивший в своей душе веру в коммунизм и идеалы шестидесятничества. Оно было составлено из слов «Василий Аksenov» и «Владимир Ильич Ленин»» [4];

«Что касается соответствующего вауеризму политического режима, то он иногда называется телекратией или медиакратией, так как объектом выборов (и даже их субъектом, как было показано выше) при нем является телепередача» [4].

Сращение – это процесс образования нового слова путем слияния двух или более слов их частей. Например:

«То самое будущее, которое он игриво описал в концепции для «Спрайта» (кокошник ложнославянской эстетики, все яснее видный сквозь черные дымы военного переворота), вставало с этих отпечатанных под копирку страниц в полный рост» [4].

Экспрессивное словообразование через аббревиации часто используется для выражения эмоций, оттенков значения или привлечения внимания:

*«По Антонову, **ВМ** (так обычно обозначается внутренний мертвец в изданиях нынешних антоновцев) – самая ценная часть личности, и вся духовная жизнь должна быть ориентирована на него» [5].*

В заключение следует подчеркнуть, что словообразовательные средства экспрессивизации в произведениях Пелевина играют ключевую роль в формировании уникального стиля писателя и создании особенной атмосферы текста. Автор мастерски использует различные языковые приемы для выражения идей и образов, что делает его произведения узнаваемыми и запоминающимися для читателей. Словообразовательные инновации Пелевина не только придают текстам оригинальность, но и способствуют глубокому осмыслению контекста его произведений.

Список литературы

1 Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.

2 Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

3 Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://limbook.net/book/chapaev-i-pustota.html> – Дата доступа: 12.05.2024.

4 Пелевин, В. О. Generation П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fantasy-worlds.org/lib/id119/read/> – Дата доступа: 13.05.2024.

5 Пелевин, В. О. Мардонги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-mard/1.html> – Дата доступа: 13.05.2024.

УДК 811.161.1'373

О. Е. Морозова

Науч. рук. – Е. И. Холякко, канд. филол. наук, доцент

ЛЕКСЕМА ЧЕСТЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется функционирование лексемы «честь», выявляются ее синтагматические связи. Анализируются случаи реализации лексемы в Национальном корпусе русского языка; дается структурно-семантическая и стилистическая характеристика соответствующей единицы речи. Цель работы заключается в выявлении функциональных и семантических контекстуальных особенностей узуальной лексемы «честь». Работа выполнена на материале Национального корпуса русского языка. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием работ по заявленной теме. Лексема «честь» является ядром и именем одного из важнейших концептов русской концептосферы.

Проблема чести, а также понимание значения и значимости соответствующего понятия существовали всегда. В определённые периоды развития общества интерес к данной проблематике увеличивается. Повышение внимания к вопросам чести наблюдается в условиях обострения гражданского самосознания.

Понятие «честь» оказывается важным не только при изучении русской языковой картины мира в культурологическом аспекте. Помимо культурологической трактовки, включающей в себя и этические представления об этом понятии, существуют также философская

и богословская интерпретации. Кроме того, честь является одновременно и правовым понятием: в Гражданском кодексе Российской Федерации по отношению к достоинству и чести используется альтернативный термин «нематериальные блага» [1, с. 45].

Информация Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2] дает общее (наглядное, целостное, объективное) представление о функционировании лексемы *честь* в системе русского языка. Данный электронный онлайн-ресурс демонстрирует многообразие типов дискурса, речевых жанров, стилей и диалектов языка, благодаря чему создается представление об особенностях употребления исследуемой лексемы.

В Основном корпусе НКРЯ зафиксировано 44 789 примеров использования слова *честь* в 13 394 текстах.

Первое упоминание данной лексемы в текстах НКРЯ датировано 1682 годом:

Да в то же время, в том же монастыре, по ведомости и по сыску, отняты чести у бояр, у князь Василья Васильевича да у сына его князь Алексея Васильевича Голицыных, и написаны были в дети боярские по последнему городу, и сосланы в ссылку в Пустоозеро, с женами и с детьми (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)).

Наиболее часто данное слово использовалось в конце XVII – 1 половине XIX веков.

НКРЯ манифестирует все случаи реализации узуальной семемы, в речевом употреблении представлены все значения слова *честь*, приведенные в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

– *честь* как ‘достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы’:

Вечное остаётся вечным: любовь и смерть, долг и честь, дружба и предательство, поиск и борьба (С. Соколова. Вечные истории // «Кот Шрёдингера», 2016);

– *честь* как ‘хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя’:

– *Сегодня в Мурманск, – бормотал второй кочегар, – а завтра куда, я спрашиваю! А где твоя рабочая честь?* (Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969));

– *честь* как ‘целомудрие, непорочность’:

Еще его связывала от прошлых веков вколоченная забота о женской чести (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990));

– *честь* как ‘почёт, уважение’:

Нет, не знаю: в семидесятые Леонидов было уже завались, в честь Брежнева. – Да нет, что вы, у меня мама – учительница истории, назвала меня в честь спартанского царя (А. Данилкин. Поющий фонтан (2016)) [2].

Сфера функционирования текстов, в которых встречается лексема *честь*, разнообразна: художественная – 39,77 %, нехудожественная – 59,64 % (из них публицистическая – 38,33 %, учебно-научная – 8,54 %, бытовая – 7,37 %, официально-деловая – 3,39 % и др.) [2].

В Основном корпусе в художественных текстах зафиксировано 18 097 примеров использования лексемы в 3662 источниках, например:

– Что-нибудь, знаете, вроде такого пикничка – в честь прибытия, так сказать (Василий Шукшин. Калина красная (1973)).

В Основном корпусе в нехудожественных текстах зафиксировано 26 692 примера употребления лексемы *честь* в 9732 источниках:

Мы боремся за честь и достоинство родной страны, «нам нужна Великая Россия» (Н. В. Устрялов. К вопросу о русском империализме // «Проблемы России», 1916) [2].

Газетный подкорпус НКРЯ фиксирует 4060 примеров употребления лексемы *честь* в 2 299 текстах. Нужно отметить большое количество предложений, в которых слово *честь* употребляется в значении 'почёт, уважение'. Речевая формула *в честь кого-л./чего-л.* активно используется в социально-культурной сфере, подчеркивая важные даты, события, лица, память о которых поддерживается присвоением имени как способа почитания, посмертной славы:

Он провозглашает здравицу в честь героической Красной Армии и Военно-Морского Флота, в честь народа-победителя, в честь великого Сталина (Конец японской агрессии (1945) // «Известия», 04.09.1945)) [2].

Тексты с лексемой *честь* имеют достаточно широкую тематику. Наиболее частотны тексты, связанные с политикой и общественной жизнью (17,33 %):

Видимо, на эти выборы я не пойду, поскольку тут дело чести – нужно довести работу над Социальным кодексом до конца (Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31) [2].

Исследуемое слово встречается также в текстах, связанных с частной жизнью (11,98 %), историей (11,66 %), искусством и культурой (10,46 %), наукой и техникой (7,82 %), армией и вооруженными конфликтами (6,22 %), администрацией и управлением (5,43 %), религией (5,02 %), путешествием (3,87 %) и др.

Намного чаще в своих текстах используют лексему *честь* авторы-мужчины – 86, 32 %, женщины же только – 13,68 % [2].

Лексема *честь* активно вступает в различные синтагматические отношения.

Выделяется группа сочетаний, выражающих атрибутивные отношения. Наиболее часто данная лексема сочетается со словами *девичий* (8,03 %), *офицерский* (8,03 %), *рыцарский* (7,95 %), *подобающий* (7,85 %), *фамильный* (7,83 %), *воинский* (7,56 %), *дворянский* (7,3 %), *должный* (7,24 %), *государственный* (7,06 %), *родовой* (7,05 %):

И еще им нельзя доверить девичью честь (Мария Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013));

В Ахтырку к нему часто приезжали и гостили представители русской культуры, особенно – музыканты и композиторы, в том числе Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский и др. Н. П. Трубецкой был человеком семейной, дворянской чести (В. Г. Глушкова. Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль (2015)) [2].

Лексема *честь* вступает также в предикативные (субъектные, субъектно-объектные) отношения с глаголами бытия, состояния и волеизъявления: *выпасть* (9,11 %), *принадлежать* (8,08 %), *выпадать* (7,07 %), *обязывать* (5,49 %), *требовать* (5,05 %), *доставаться* (4,93 %), *предстоять* (4,86 %), *велеть* (4,41 %), *доставаться* (4,93 %), *предстоять* (4,93 %), *велеть* (4,41 %), *достаться* (4,32 %), *позволять* (4,29 %):

К тому же им выпала честь принять в самом конце своей миссии экипаж посещения, которым командовала выпускница МАИ Татьяна Агапцева – первая женщина в эксперименте (Сергей Ивашко. Долететь до Марса – не главное // «Детали мира», 2011) [2].

Лексема *честь* выражает объектные отношения как прямое дополнение с глаголами *отдавать* (9,32 %), *удостоиться* (8,98 %), *иметь* (8,61 %), *отдать* (8,51 %), *оказать* (8,32 %), *защищать* (7,99 %), *порочить* (7,53 %), *воздать* (7,46 %), *воздавать* (7,41 %), *делать* (7,07 %):

Пусор обернется – все сразу видит, понимает, а сделать ничего не может, только улыбается и честь отдает (Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)) [2].

Лексема *честь* выступает в качестве косвенного дополнения в сочетаниях с глаголами *клясться* (10,6 %), *удостоить* (10,11 %), *уверить* (9,94 %), *просить* (9,32 %), *удостаиваться* (8,9 %), *дорожить* (8,7 %), *заверять* (8,62 %), *ручаться* (8,53 %), *удостоиться* (8,37 %):

Клянусь честью, у нас нет никакого желания вмешиваться в вашу работу, или, тем более, препятствовать ей (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993)) [2].

Может выступать в качестве предложного дополнения в сочетаниях с глаголами *назвать* (10,97 %), *устроить* (8,32 %), *выдержать* (8,12 %), *воздвигнуть* (7,9 %), *благодарить* (7,81 %), *выполнить* (7,79 %), *считать* (7,68 %), *переименовать* (7,59 %), *счесть* (7,47 %), *почитать* (7,27 %):

Какие химические элементы названы в честь ученых? (И. А. Леенсон. Золотые имена (2019)) [2].

Лексема *честь* активно вступает в сочинительные отношения с существительными *достоинство* (10,87 %), *слава* (10,81 %), *совесть* (9,89 %), *хвала* (9,4 %), *долг* (8,57 %), *доблесть* (8,15 %), *репутация* (7,93 %) и др.:

Слуга Шуйских, как уверяют, продал ему честь и совесть; явился во дворце с изветом, что они в заговоре с московскими купцами и думают изменить царю (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 10 (1821–1823)) [2].

Надо полагать, что особенности функционирования лексемы *честь* связаны со своеобразием ее лексического значения.

Понятие чести является одним из основных в понимании смысла жизни человека. Честь как категория этики включает в себя моменты осознания человеком своего общественного значения со стороны социума. Будучи связанной с личными достоинствами человека, которые базируются на заслугах индивида перед обществом, честь регулирует поведение человека и отношение к нему со стороны окружающих. Формируя как личную идентичность, так и место человека в обществе, честь выступает культурным конструктом и оказывается чрезвычайно семантически наполненным концептом [1, с. 45].

В результате анализа дискурсов разного типа можно отметить, что вербализируемое понятие «честь» проявляется на разных уровнях – честь может принадлежать конкретному человеку или человеческому сообществу, она может быть не только индивидуальным, но и коллективным достоянием. В современной публицистике, в СМИ актуализируется проблема гражданской чести как принятия активной позиции в судьбе страны, профессиональной чести человека и коллектива, чести человека как личности и требование уважать ее [3, с. 107].

1 Krasnova, I. A. *Koncept chest' v russkoi iazykovoj kartine mira* : a thesis submitted to the Graduate and Postdoctoral Studies Office in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy [Электронный ресурс] / I. A. Krasnova. – Department of Russian and Slavic Studies McGill University, 2010. – 238 p. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.by/view/0/> – Дата доступа : 19.05.2024.

2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 20.05.2024.

3 Fiodorowa, L. *Концепт «честь» в русской языковой картине мира* [Электронный ресурс] / Ludmiła Fiodorowa ; Rosyjski państwowy uniwersytet Humanistyczny. – Moskwa–Białełk–Lublin, 2015. – Режим доступа : <file:///C:/Users/37529/Desktop/диссертация/4638-Tekst%20artykułu-4132-1-10-20160424.pdf>. – Дата доступа : 19.05.2024.

*УДК 811.161.1'42:821.161.1-31*Л.Н.Толстой*

Д. В. Петрусевич

Науч. рук. – Е. И. Холявко, канд. филол. наук, доцент

ПРЯМАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В статье рассматриваются гендерные черты прямой внутренней речи персонажей романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Цель заключается в выявлении и характеристике внутренней речи героев романа. Научная новизна состоит в определении лексического своеобразия внутренней речи женских и мужских персонажей, зависимой от их гендерной принадлежности и ситуативно обусловленной. Достоверность прямой внутренней речи опирается на гендерные стереотипы проявления эмоций. Закономерно прямая внутренняя речь женских персонажей более эмоциональна и экспрессивна по сравнению с мужской.

Мысленную речь про себя, немую и беззвучную, возникающую при размышлении о чем-либо, при обдумывании какой-то ситуации, при решении какой-нибудь задачи, принято называть внутренней речью. Платон называл внутреннюю речь «разговором, который ведет душа сама с собой о предмете своего исследования» [1, с. 13].

Внутренняя речь является средством выражения внутренней жизни героев художественного произведения, их душевных переживаний, мыслей и чувств.

При создании произведений у каждого автора прослеживается свой стиль письма: использование определенных языковых средств, особенности содержания произведения, сюда же входит и мировоззрение писателей. Стиль – это сам человек, это – неповторимая индивидуальность [2, с. 7].

Гениальная индивидуальность Л. Н. Толстого воплощена в его всемирно известном романе «Анна Каренина». Некоторые моменты из жизни Л. Н. Толстого даже перекликаются с событиями, описанными в романе. Это и понятно, ведь пережитые события отрефлексированы, глубоко пережиты, а потому их намного легче описывать и анализировать, нежели вымышленные. Так, жена Л. Н. Толстого, С. А. Толстая, рассказывала о том, что обряд их венчания был отражен в «Анне Карениной»: «Обряд нашего венчания прекрасно описал Лев Николаевич в романе своем «Анна Каренина», когда он описывал свадьбу Левина и Кити. Он ярко и художественно изобразил и внешнюю сторону обряда, и весь психологический процесс в душе Левина» [3, с. 170].

Актуальность нашего исследования определяется проблемой обусловленности внутренней речи не только внешней ситуацией, но и гендерной характеристикой изображаемых героев. Цель работы заключается в выявлении и описании внутренней речи мужских и женских персонажей романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Гендер – совокупность стереотипных представлений о межполовых различиях, обусловленных социальными, культурно-историческими, религиозно-этническими и психологическими причинами; совокупность социальных ожиданий и норм, ценностей и реакций, связанных с поведением мужчин и женщин [4, с. 8]. Гендерные стереотипы были сформированы еще издавна, еще до нашей эры. Во многом этому способствовало христианство, тем самым и содержание Библии.

Каждый автор рассматривает социальные и духовные роли мужчины и женщины по-своему. Нельзя забывать о том, что Л. Н. Толстой был христианином, поэтому большинство гендерных особенностей, проявленных в романе «Анна Каренина», подкрепляется гендерными стереотипами, которые автор выражает в своем романе через внутреннюю речь персонажей мужского и женского пола. Прямая внутренняя речь открывает прямой доступ к внутреннему

миру персонажей – миру, который во многом определяется не только возрастом, жизненным опытом, образованием, воспитанием, социальным положением, уровнем духовности, но и свойственными гендерными стереотипами, сформировавшимися под влиянием религии, традиции, окружающей среды. Действующие лица романа: Анна, Вронский, Каренин, Левин, Кити, Долли, Облонский, Варенька, Кознышев – персонажи, объединенные замыслом автора, принадлежащие одному времени и пространству, проявляют свою индивидуальность, допуская в свой уникальный внутренний мир через интраперсональную коммуникацию.

Анализ лексико-семантического своеобразия прямой внутренней речи требует тематического исследования интраперсональных высказываний мужских и женских персонажей, а также характеристики лексико-семантических полей в каждой тематической группе.

Для анализа внутренней речи персонажей можно выделить несколько тематических групп, которые фигурируют в романе. Для рассмотрения были взяты такие темы, как «Любовь», «Общество», «Семья», а также «Характеристика человека».

Самую большую группу составляют контексты, иллюстрирующие внутреннюю речь персонажей на тему «Любовь»: было выявлено 68 контекстов: во внутренней речи женщин – 40, во внутренней речи мужчин – 28. У Л. Н. Толстого любовь в жизни женских персонажей будто затмевает другие их интересы, в то время как в жизни мужских персонажей любовь является одним из предметов для размышлений о смысле жизни и их предназначении в ней.

Тема «Любовь» особенно проявляется во внутренней речи Анны Карениной, которую преследовали мысли о взаимности чувств со стороны ее мужа, а после и ее любовника. Своеобразная любовь Анны присутствует даже в её решении покончить с собой:

«Она ждала его целый день и вечером, уходя в свою комнату, приказав передать ему, что у нее голова болит, загадала себе: «Если он придет, несмотря на слова горничной, то, значит, он еще любит. Если же нет, то, значит, все кончено, и тогда я решу, что мне делать!..»» [5, с. 568].

На тему «Общество» во внутренней прямой речи персонажей всего было выявлено 45 контекстов: внутренняя речь женщин – 14, внутренняя речь мужчин – 31. Разница в количестве интраперсональных высказываний на эту тему указывает на то, что общественное мнение волновало мужчин больше женщин. Константина Левина, вероятно, больше всего волновала тема общества. Он представлен как

интеллектуал, который глубоко задумывается над социальными вопросами, ролью человека в обществе и его отношениях с природой. Он стремится к пониманию общественной справедливости и идеалов, что делает его одним из самых активных и осознанных участников дискуссии в романе о социальных проблемах:

«Я со всеми людьми имею только одно твердое, несомненное и ясное знание, и знание это не может быть объяснено разумом – оно вне его и не имеет никаких причин и не может иметь никаких последствий» [5, с. 600].

Всего с внутренней прямой речью персонажей на тему «Семья» было выявлено 30 контекстов: с внутренней речью женщин – 15, такое же количество контекстов содержит внутреннюю речь мужчин. Тема «Семья» отчасти соотносится с темой «Общество», так как у мужчин семья тесно связана с социальным статусом, а у женщин она ассоциируется с чувством «материнства», счастья от рождения ребенка. В теме «Семья» явно прослеживается черта мировоззрения Л. Н. Толстого, которая тесно связана с гендерным стереотипом – женщина «хранительница очага». В романе больше всего семье предана Дарья Александровна – Долли. Она является одним из центральных женских персонажей, и ее внутренние монологи и диалоги с другими персонажами часто касаются вопросов семейных отношений, детей, брака и счастья в семейной жизни. Долли чувствует глубокую ответственность за свою семью и часто переживает из-за различных проблем, связанных с ее семейным статусом и взаимоотношениями с мужем и детьми:

«Кроме того, она чувствовала, что если здесь, в своем доме, она едва успевала ухаживать за своими пятью детьми, то им будет еще хуже там, куда она поедет со всеми ими» [5, с. 13].

На тему «Характеристика человека» внутренняя прямая речь персонажей представлена 36 контекстами: внутренняя речь женщин – 17, внутренняя речь мужчин – 19. Речь женских персонажей является более эмоциональной, Л. Н. Толстой передает волнения, преследующие женщин, их внутренняя речь приукрашивается внезапно появившимися мыслями, в то время когда речь мужчин, в сравнении с внутренней речью женщин, будто лишена окраски:

«Ведь все это было и прежде; но отчего я не замечала этого прежде? – сказала себе Анна. – Или она очень раздражена нынче?» [5, с. 87]

В романе «Анна Каренина» у мужских и женских персонажей можно найти выражение эмоций, однако обычно эмоциональность

чаще проявляется у женских персонажей, включая самое Анну Каренину. Это связано с тем, что женские персонажи часто вынуждены подавлять свои эмоции, они бессознательно стремятся выразить их более открыто и бурно, в то время как мужчины могут скрывать свои чувства за фасадом внешней силы и невозмутимости. Хочется отметить, что не все мужские персонажи ведут себя холодно и невозмутимо. Константин Левин в произведении может так же, как и женские персонажи, проявлять, открыто выражать свою эмоциональность. Он является прототипом Л. Н. Толстого, тем самым достаточно сложно внутренне организованным персонажем. В речи Левина часто просматриваются внутренняя борьба, переживания и стремление к пониманию жизни и смысла. Он может проявлять эмоциональность в отношении своих идей, убеждений и чувств, но в то же время иногда подавлять свои эмоции и проявлять холодность в общении с окружающими.

Л. Н. Толстой описывает внутренний мир своих персонажей с большой глубиной, но при этом в эпоху, когда писался роман, социокультурные нормы и ожидания могли повлиять на то, каким образом персонажи проявляют свои эмоции. Женские персонажи в большей степени склонны переживать о своих взаимоотношениях с другими людьми, выражать свое отношение к вечным нравственным ценностям – любви и долга, добра и зла. Внутренняя речь мужских персонажей в большей степени ситуативно обусловлена, а потому более структурирована и конкретна.

Выявленные особенности позволяют говорить об определенном влиянии жизненной позиции Л. Н. Толстого на выбор тем интраперсональных высказываний мужчин и женщин. В романе рассказывается о судьбах трех семей, которые абсолютно различны между собой. Однако герои произведения не ограничиваются только своим семейным кругом: общество также играет важную роль и мнение окружающих в значительной степени влияет на поступки персонажей.

Образ автора – это ментальная конструкция, «закодированная» в любом тексте в той степени, в какой любое литературно-художественное произведение несет на себе отпечаток своего создателя [1, с. 86]. Таким образом, опираясь на гендерные стереотипы выражения эмоций, Л. Н. Толстой сумел достоверно передать внутренние речи мужских и женских персонажей в романе «Анна Каренина».

Список литературы

1 Блох, М. Я. Внутренняя речь в структуре художественного текста : монография / М. Я. Блох, Ю.О М. Сергеева. – Москва : МПГУ, 2011. – 94 с.

2 Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1961. – 63 с.

3 Вацуро, В. Э. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников / В. Э. Вацуро, С. А. Макашин, А. С. Мясников и др. – Москва : Гослитиздат, 1978. – 173 с.

4 Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.

5 Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Москва : Эксмо, 2008. – 749 с.

УДК 811.112(494.9)

Е. А. Титоренко

Науч. рук. – О. В. Солохина, ст. преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КНЯЖЕСТВЕ ЛИХТЕНШТЕЙН

В данной статье исследуется аспект плюрицентричности немецкого языка, дано его определение и раскрыта специфика географического распространения немецкого языка. Также в статье описана языковая ситуация княжества Лихтенштейн, дано определение национального языкового варианта и проанализирована специфика функционирования немецкого языка в границах данного государства. На основе лингвистического материала показаны расхождения на лексических, грамматических и фонетических уровнях швейцарского варианта немецкого языка и лихтенштейнского диалекта на контрасте со стандартизированным немецким языком.

Немецкий язык является одним из наиболее распространенных европейских языков: он идет сразу после английского языка и опережает французский. Немецкий язык носит государственный или официальный статус в таких странах как Германия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн и Бельгия. В каждом из этих государств немецкий язык приобрел собственный языковой вариант со свойственными ему лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями. Подобный феномен называется плюрицентричностью. Плюрицентричность — это свойство языка функционировать в качестве родного, национального в ряде государств с разным этническим составом [1, с. 313].

Для дальнейшего исследования важно рассмотреть две формы функционирования языка, а именно диалект и языковой вариант. Диалект – это разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте [2, с. 126]. Большим диалектным разнообразием характеризуется языковая ситуация самой Германии: в ее границах существует около 16 крупных диалектов, которые имеют как фонетические, так и лексические различия. В свою очередь, вариант языка – это его пространственная, временная или социальная модификация. Варианты языка появляются в результате дифференциации языка под воздействием экстралингвистических факторов. В рамках государств функционирует именно национальный вариант языка, который появляется в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориально государственных образованиях. Немецкий язык исключением не является и имеет несколько языковых вариантов центрах функционирования языка за пределами Германии. Характерная для немецкого языка вариативность средств, обусловленная функционально-коммуникативными и социальными факторами, и своеобразие лингвистической ситуации в странах немецкой речи в разной степени проявляется на всех уровнях языковой системы [3, с. 77]. Помимо лингвистических факторов, характеризующих варианты языка, важно учитывать и экстралингвистическую составляющую, а именно культурное, социальное и историческое влияние.

В статье будет рассмотрена языковая ситуация княжества Лихтенштейн, а именно специфику функционирования немецкого языка и лингвистические особенности языкового варианта в границах государства.

Княжество Лихтенштейн является самым маленьким государством в Европе, но несмотря на небольшую площадь страны, языковая ситуация является достаточно разнообразной. Единственным официальным языком считается стандартный немецкий язык, который также является единственным языком обучения в школах. Стандартный литературный немецкий (*Hochdeutsch*, далее – HD), используемый в Лихтенштейне, в основном находится под влиянием стандартного немецкого языка Швейцарии (*Schwiizerdüütsch*, далее – SD), и у этого есть ряд причин. Как упоминалось выше, Лихтенштейн является маленьким государством, соответственно нуждается в использовании учреждений соседней Швейцарии в различных областях.

Например, национальная больница Лихтенштейна работает совместно с больницей в швейцарском городе Граубюнден, и многие жители Лихтенштейна обращаются за лечением именно в эту больницу. На основании договора о таможенном союзе в Лихтенштейне применяются различные швейцарские законы в области здравоохранения. Например, Закон о терапевтических продуктах и Закон об эпидемиях. Также многие жители Лихтенштейна получают образование именно в швейцарских высших учебных заведениях, а лихтенштейнский аттестат зрелости приравнен к швейцарскому. Таким образом, подобное социально-экономическое сотрудничество влияет и на специфику функционирования немецкого языка в Лихтенштейне.

Также местным наиболее распространенным немецким диалектом является алеманнский. Алеманнский диалект (*Alemannisch*, далее – AD) широко распространен в Германии, Австрии, Франции и некоторых районах Италии, но наиболее широко используется в Швейцарии и, соответственно, Лихтенштейне. В Германии и Франции AD используется настолько редко, что забывается и вытесняется литературными языками, в то время как в Лихтенштейне он активно используется молодежью и средствами массовой информации. Примерно 86 % жителей Лихтенштейна являются «этническими алеманнами» и владеют алеманнскими диалектами. AD – это собирательный термин для обозначения диалектов, имеющих общую языковую структуру, но приобретших региональные особенности. В основном распространены верхнеалеманнские (*Hochalemannisch*) и горноалеманнские (*Höchstalemannisch*) диалекты. Все AD, которые присутствуют на территории Лихтенштейна, часто объединяются под общим названием «лихтенштейнский диалект» (*Liachtaschtänerisch*, далее – LD), который имеет определенные особенности. Именно этот термин будет использован в нашем исследовании при описании лингвистических особенностей функционирования алеманнских диалектов на территории Лихтенштейна. Таким образом, в данной статье будут рассмотрены две формы функционирования немецкого языка на территории Лихтенштейна: швейцарский вариант немецкого языка и лихтенштейнский диалект.

SD имеет ряд фонетических особенностей, одна из которых – это замена некоторых дифтонгов (*ei*, *ai*, *au*) на соответствующие монофтонги (следующие лексемы представлены противопоставлением HD – SD): *sein* – *sin* (становиться), *heute* – *hute* (сегодня). В письменном языке двойные гласные также часто используются вместо двух различных сочетаний гласных, например, вместо «das Haus» (дом) пишут «das Huus».

В SD отличается и управление некоторые глаголы: *denken an Akk.* – *denken auf Akk.* (думать о ...), *sich erkundigen über Akk., nach Dat.* – *sich erkundigen um Akk.* (осведомиться о ...), *anrufen Akk.* – *anrufen Dat.* (звонить). Глаголы *beharren auf* и *bestehen auf*, которые имеют значение «настоять», в SD сочетаются с родительным падежом, а в HD с дательным.

Наиболее разнообразным и отличительным является лексический уровень языка и у этого есть причины. Одна из них – это существование в границах Швейцарии еще одного официального языка, а именно французского. Соответственно, лексический состав SD полон словами французского происхождения. Приведем некоторые примеры заимствований из французского языка: *das Fahrrad* – *das Velo* (велосипед), *der Briefumschlag* – *das Couvert*, *das Schreibwarengeschäft* – *die Papeterie* (магазин канцтоваров), *die Puppe* – *das Bébé* (кукла), *der Friseur* – *der Coiffeur* (парикмахер), *einverstanden* – *d'accord* (согласен). Для выражения благодарности швейцарцы используют французское заимствование *merci* (HDt – *danke*), а фраза «большое спасибо» имеет аналог «*Merci Vilmal*» (HDt – *vielen Dank*), который состоит из французского слова *merci* (спасибо) и швейцарско-немецкого слова *vilmal*, которое имеет значение «много».

Далее будут рассмотрены лингвистические особенности LD. Нередко диалектные формы языка отличаются некоторыми грамматическими особенностями. Как правило, подобной особенностью является отсутствие родительного падежа, что присутствует и в LD. В речи используются три падежа: именительный (*Nominativ*), винительный (*Akkusativ*) и дательный (*Dativ*), который и употребляется вместо родительного падежа, используя при этом предлог *von*. Например, вместо «*des Mannes*» будет «*vom Mann*», вместо «*der Frau*» – «*von der Frau*». Важно отметить, что в LD и HD не всегда совпадает грамматический род существительных (следующие лексемы представлены противопоставлением HD – LD): *die Butter*– *der Butter* (масло), *die Luft*– *der Luft* (воздух), *die Ecke* – *der Ecke* (угол). Также вместо уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen*, *-lein*, свойственных HD, в LD используются суффиксы *-le*, *-li*: *das Brötchen* – *das Brötle* (булочка), *das Kindchen* – *das Kindle* (ребенок), *das Häuschen* – *das Hüüsli* (домик).

Лексический уровень LD разнообразен и имеет достаточно отличий от HD. Отмечается тенденция к использованию сложных дефисных слов вместо использования родительного падежа. Например, вместо «*Diskussion des Zollvertrags*» (обсуждение таможенного

договора) будет «Zollvertrag-Diskussion». Стоит упомянуть и те лексические единицы, которые специфичны только для LD. Например, лексема «*der Saft*» в HD имеет значение «сок», а в LD «джем», в HD «*die Oberschule*» – это старшая школа, а в LD – девятилетняя школа. Важно и привести примеры следующих лексических отличий на контрасте с HD: *der Mais* – *der Törka* (кукуруза), *schlafen* – *lega* (спать), *werfen* – *schmötza* (бросать), *zunehmen* – *trüaja* (поправляться), *abnehmen* – *bösara* (снимать), *schwanger* – *sälbander* (беременная), *heute Abend* – *hinet* (сегодня вечером), *gestern* – *nächtig* (вчера), *dieses Jahr* – *hüür* (этот год), *letztes Jahr* – *färn* (прошлый год), *immer* – *albig* (всегда), *die Bühne* – *die Böhne* (сцена), *schlimm* – *schtruub* (плохой).

В результате исследования было выяснено, что немецкий язык в княжестве Лихтенштейн носит статус единственного государственного языка. В заключение можно отметить, что языковая ситуация княжества является разнообразной и совмещает в себе три формы функционирования языка: стандартизированный немецкий язык, швейцарский вариант немецкого языка и лихтенштейнский диалект, который является совокупностью алеманнских диалектов. В процессе анализа языкового материала были выявлены особенности SD и LD на лексическом, фонетическом и грамматическом уровнях в сравнении с HD. Таким образом, можно прийти к выводу, что плюрицентричность является одной из основных характеристик немецкого языка и сопровождается существованием национальных языковых вариантов, которые отражают исторические, социальные и культурные особенности развития государства, что было показано на примере анализа языковой ситуации княжества Лихтенштейн.

Список литературы

- 1 Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 632 с.
- 2 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
- 3 Копчук, Л. Б. Грамматические варианты и аспекты грамматической вариативности в немецком языковом стандарте / Л. Б. Копчук // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой. – СПб: Свое издательство, 2017. – С. 76–86.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398.332.42(476.2-37Гомель)

М. С. Васіна

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ВАРАЖБА НА КАЛЯДЫ: РЭГІЯНАЛЬНА-ЛАКАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ)

У артыкуле, прысвечаным рэгіянальна-лакальным асаблівасцям каляднай варажбы, выкарыстоўваецца фальклорна-этнаграфічны матэрыял, сабраны студэнтамі і выкладчыкамі ГДУ імя Францыска Скарыны падчас палявых экспедыцый і апублікаваны на старонках зборніка «Варажба на Гомельшчыне». Аўтар засяроджвае ўвагу на асобных узорах калядна-навагодняй варажбы шлюбнай скіраванасці і раскрывае іх сутнасць.

Варажбу называюць унікальным відам мастацтва. Гэта своеасаблівая практыка прадказання будучыні або атрымання інфармацыі аб схаваных момантах жыцця. На думку Л. М. Вінаградавай, «у аснове шматлікіх спосабаў варажбы ляжаць універсальныя вераванні ў тое, што пры выкананні пэўных умоў (выбар часу і месца, пэўныя паводзіны таго, хто варожыць, выкарыстанне пэўных «варажбітных» прадметаў і інш.) чалавек можа з дапамогай звышнатуральных сіл атрымаць знакі, у якіх зашыфраваны яго будучы лёс, і ён павінен правільна растлумачыць іх» [1, с. 484].

Варажба грунтуецца на ідэі, якая выяўляецца ў сувязі паміж пэўнымі прадметнымі атрыбутамі і сімваламі, у выніку чаго можна прагназаваць інфармацыю аб тых ці іншых падзеях ці аб тым, што адбываецца ў сапраўдны момант, але ўтоена ад нас. Варажба выкарыстоўвалася нашымі продкамі для атрымання адказаў на шматлікія хвалюючыя іх пытанні, звязаныя з асабістым лёсам або гаспадарчай дзейнасцю. У светапоглядзе сучасных людзей варажба страціла магічную сілу ўздзеяння і ўспрымаецца як забава.

Засяродзім увагу на фальклорна-этнаграфічных матэрыялах, звязаных з варажбой на Каляды і запісаных на тэрыторыі Гомельскай вобласці. Варта адзначыць, што многія даследчыкі выводзяць

паходжанне слова «*Каляда*» з лацінскай мовы: *calendae* ‘першыя дні месяца’. У параўнанні з іншымі відамі варажбы менавіта навагоднія варожбы пра замужжа былі найбольш распаўсюджанымі. «Традыцыйная сувязь варожбаў з навагоднім перыядам указвае на тое, што гэты перыяд успрымаўся як вельмі важны і адказны этап у жыцці, які вызначаў лёс людзей» [2, с. 79-80].

У навагодніх варожбах, як правіла, удзельнічалі дзяўчаты, якія найчасцей варажылі на суджанага, сямейны лёс. Звернемся непасрэдна да ўспамінаў інфармантаў, спачатку, напрыклад, жыхароў Мазырскага раёна. У аснову многіх варожбаў пакладзены дзеянні з такімі прадметнымі атрыбутамі, як дровы, штыкеціны: «*Патом трэба выйсці на вуліцу і браць дровы бярэмак, і несці ў хату, кінуць каля печы і паліць на два паленкі. Еслі сайдуцца ўсе на два, значыць, быць табе ў пары, і ў етым гаду выйдзеш замуж*» (г. Мазыр) [3, с. 125]; «*Пойдзем драва набіром. Не на палену, а сколькі схваціш. Прынясем ужо ў хату і паічытаем: еслі пара, то ў етым гаду замуж пойдзеш*» (в. Малыя Зімовішчы Мазырскага раёна) [3, с. 135]; «*Бралі абярэмак дроў і шчыталі іх. Калі парнае чысло, то ў гэтым годзе будзеш у пары. А калі непарнае чысло, то ў гэтым годзе будзеш адна*» (в. Жгуна-Буда Добрушкага раёна) [3, с.58].

Вызначальнай рысай такога віду варожбаў з’яўляецца апазіцыя «цотная» і «няцотная» колькасць. Прывядзем праклады варожбаў, зязаных з выкарыстаннем штыкецін, дзе цотная іх колькасць сімвалізуе ў будучым наяўнасць шлюбнай пары: «*Забор абнімалі, пары шчыталі*» (в. Навінкі Мазырскага раёна) [3, с. 133]; «*Трэба ахваціць плот. Калі ахваціш парную колькасць жордак – то будзеш у пары, а калі не – не, то не ў пары*» (г. Мазыр) [3, с. 126]; «*Выходзілі ва двор, абхватвалі забор, шчыталі дашчэчкі, калі чотнае – у пары будзеш, а не – у гэты год адзін будзеш*» (в. Аздзеліна Гомельскага раёна) [3, с.42]; «*Выходзілі на вуліцу, браліся за колікі агароджы. Калі парнае чысло, тот будзеш у гэтым годзе ў пары. Калі няпарнае чысло, то без пары*» (в. Перарост Добрушкага раёна) [3, с. 56].

Некаторыя віды варожбаў, абавязковай умовай якіх з’яўляўся сон, праводзіліся з выкарыстаннем вады, абрадавай стравы – куцці: «*Я шчэ пад краваць ставілі стакан з вадой, клалі саломінку, гаварылі: «Сужаны-ражаны, перавядзі мяне цераз мост». Хто прысніцца – за таго і выйдзеш*» (в. Аздзеліна Гомельскага раёна) [3, с. 42]; «*Маладыя дзевачкі кралі куццю, заварочвалі ў вузялок і лажылі пад падушачку, гадалі: хто прыйдзе ва сне куццю есці, той і жаніхом*

будзе» (в. Аздзеліна Гомельскага раёна) [3, с. 42]; *«Дзеўке нада было ўзяць куцці ў платочак, каб ніхто не бачыў. Калі лажыцца спаць, кладзе платочак з куццёй пад падушку і гаворыць: «З кем век века-ваць, прыйдзі са мной куццю даедаць»* (в. Новыя Дзятлавічы Гомельскага раёна [3, с. 46]; *«Ложкі з кашаю лажылі пад падушку, куццю эту самую набіралі і казалі: «Мой суджаны ці раджаны, прыхадзі ка мне куццю есці»* (в. Козенкі Мазырскага раёна) [3, с. 127].

У варожбах, зязаных са сном, прадказанне будучыні адбывалася з выкарыстаннем іншых прадметных атрыбутаў, напрыклад, важная роля адводзілася асобным элементам адзення: *«Перад сном сняць з правай нагі насок, палажыць каля краваці і сказаць: “Хто мая судзьба, прыйдзі мяне абуй”»* (в. Фашчаўка Гомельскага раёна) [3, с. 51]. Нешматлікімі былі варожбы, у якіх, каб даведацца пра суджанага, імкнуліся падкласці патэльню пад падушку маці дзяўчыны: *«Дзяўчаты бралі скавараду і падложвалі маці пад падушку штоб прысніўся цёшчы сон, якому зяцю яна будзе яечню жарыць»* (в. Лагуны Добрушкага раёна) [3, с. 60].

Грэбень як магічны прадмет невыпадкова выкарыстоўвалі ў варожбах. «Часальны грэбень выступае як сакральная прылада, з дапамогай якой з хаатычнага, неапрацаванага лёну ствараўся арганізаваны пачатак – валакно. Гэтак жа прычэсванне чалавекам сваіх валасоў сімвалізавала пераход да культуры, соцыуму. Адсюль набыццё грэбенем якасцяў прадмета-медыятара паміж прыродным і культурным і выкарыстанне яго ў варожбах і магічных рытуалах кантакту з нечысцю» [4, с. 133]. Сімвалічныя дзеянні з грэбенем (расчэсванне валасоў, падкладванне яго пад падушку) былі вызначальнымі ў прагназаванні шлюбных адносін: *«7 студзеня, уноч, маладая дзеўка клала пад (пярыну) падушку грэбяшок, перад гэтым яна прычэсвала валасы і казала: «Сужаны-ражаны, прыйдзі да мяне, прычашы (3 разы). Ёй сніўся хлопец»* (в. Краснае Гомельскага раёна) [3, с. 44].

Да ліку рэдкіх узораў варажбы варта аднесці адно з яе апісанняў, аснову якога складалі маніпуляцыі з замком, які пэўным чынам накладвалі на валасы дзяўчыны: *«Калі дзяўчына лажылася спаць, то маці да яе валос прыстройвала замок, а ноччу да маці павінен быў прыйсці будучы зяць і напрасіць ключ ад замка»* (г. Гомель) [3, с. 45].

Надзвычай цікавай з’яўляецца варажба, у якой цэнтральнае месца займаюць жывыя істоты, напрыклад, таракан: *«На святках, ложась спаць, завязываюць таракана в рукав и говорят: «Таракан, таракан, покажи тот терем, где буду жить». Приснится дом, в который суждено выйти замуж»* (в. Зябраўка Гомельскага раёна) [3, с. 55].

Ва ўсіх раёнах Гомельскай вобласці зафіксаваны розныя варажбы, звязанай з абуткам: «*Вобуў перакідвалі цераз галаву: куды нос – туды і замуж пойдзеи*» (п. Мічурынскі Гомельскага раёна) [3, с.42]; «*Кідалі через галаву валенак за вароты, а потым беглі і глядзелі, куды павернуты яго насок, туды і замуж дзеўка пойдзе. Помню, мой валенак заляцеў высока на грушу і павіс там. Ніхто не знаў, што гэта значыць. А потым я выйшла замуж за хлопца, які жыў на гарэ»* (г. Мазыр) [3, с. 127]; «*7 студзеня, ноччу, маладыя дзеўкі кідалі цераз вароты свае башмакі. У якую старану глядзеў нос башмака у той старане жыве яе хлопец*» (в. Краснае Гомельскага раёна) [3, с. 44].

Асобную групу складаюць варажбы, у якіх галоўным сродкам з'яўляецца слова: «*Лажыліся спаць і казалі: «Лажуся спаць, са мной Хрыстова печаць. Будзеи жыць-дажываць, прыдзі ка мне гэту ноч начаваць»*. А потым нельга было гаварыць. Хто прысніцца гэтай ноччу, той суджаны твой» (в. Маркавічы Гомельскага раёна) [3, с. 45]; «*Ложась спаць на святках, гаворят: «Господи Христе, кум святителя в избе: один видит, другой скажет, третий судьбу подскажет»*. Приснится суженый. Если во сне увидишь что-то черное, значит, это к беде, белое – к добру» (в. Зябраўка Гомельскага раёна) [3, с. 55].

Такім чынам, як сведчыць прыведзены ў артыкуле фактычны матэрыял, варажба займае важнае месца ў культурнай спадчыне беларусаў, у прыватнасці жыхароў Гомельшчыны. Гэты цікавы від мастацтва адлюстроўвае паэтычны светапогляд нашых продкаў, сведчыць пра багацце іх унутранага свету, раскрывае арганічную повязь рэальнага і фантастычнага ва ўспрыманні і асэнсаванні навакольнага свету.

Спіс літаратуры

1 Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – 584 с.

2 Каляндарна-абрадавая паэзія / А. С. Ліс, А. І. Гурскі, В. М. Шарая, У. М. Сівіцкі; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. навука, 2001. – 515 с.

3 Варажба на Гомельшчыне / уклад. В. С. Новак, А. А. Кастрыца – Мінск: «Права і эканоміка», 2010. – 186 с.

4 Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – 607 с.

В. А. Ганчарова

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ПРЫМХЛІЦЫ ПРА НЯЧЫСЦІКАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ МАЗЫРСКАГА РАЁНА)

У артыкуле, падрыхтаваным на ўласных аўтарскіх запісах звестак пра персанажы ніжэйшай міфалогіі ў вёсках Мазырскага раёна, разгледжаны асобныя вобразы народнай дэманалогіі. Засяроджана ўвага на некаторых момантах, звязаных з іх характарыстыкай: знешнім выглядзе, функцыянальнасці, спосабах засцярогі ад звышнатуральнага ўздзеяння нячыстай сілы.

У сістэме фальклорных жанраў важнае месца адводзіцца прымхліцам («былічкам»), змест якіх складаюць успаміны інфармантаў пра персанажы ніжэйшай міфалогіі. Здаўна людзі звязвалі падзеі ў сваім жыцці (дрэнныя і добрыя) з уплывам такіх прадстаўнікоў народнай дэманалогіі, як ведзьма, дамавік, русалка, кікімара і інш., уяўленні пра якіх устойліва захоўваюцца і сёння. Звернем увагу на мазырскія прымхліцы, звязаныя з нячыстай сілай. Варта адзначыць, што жыхары Мазырскага раёна верылі ў існаванне шматлікіх нячысцікаў, што пацвярджае гутарка з адным з жыхароў г. Мазыра: «*Было шмат такой нячыстай сілы. Яшчэ ў дзяцінстве нашы бабулі і дзядулі распавядалі шмат гісторый. Ну, і мы пачыналі ў гэта верыць. Вось у маім дзяцінстве мы баяліся ісці ў лес, раптам дзе лясун там сядзіць або вунь Бага Яга. На рэчку не хадзілі, бо там русалкі плаваюць, маладых хлопцаў вышукваюць. А ў доме нешта зашуршыць – гэта дамавік быў*» (запісана ў г. Мазыр ад Ропата Аляксандра Віктаравіча, 1965 г. н.).

Адным з самых вядомых «нячысцікаў», як лічылі жыхары Мазыршчыны, быў дамавік. Паводле сведчанняў інфармантаў, амаль у кожнага з жыхароў у доме была ці ёсць гэта істота, але апісваюць яе па-рознаму. Напрыклад, зыходзячы з успамінаў Тарасенка Аліны Аляксандраўны, 1993 г. н., жыхаркі г. Мазыра, «*у дзяцінстве мы з сястрой часта гасцявалі ў бабулі ў вёсцы. І часта мы чулі нейкія шоргаты, грукі, рыпанні. Дзіцячы мозг жа не разумеў, што дом драўляны, ужо стары, ён і рыпіць, а, калі пыталі ў бабулі, то яна амаль заўсёды адказвала: «Гэта дамавушка буюніць. Мы, маленькія, канешне,*

баяліся, не разумелі, хто гэта і што яно робіць. Не разумелі мы, і навошта бабуля ставіла місачку з малаком і цукеркі побач. Але ж выраслі і ўжо не так баяліся». У народзе дамавых называлі захавальнікамі дома. «Хатнік, дамавік, гаспадар, падпечнік, у беларускай міфалогіі дух хаты, цесна звязаны з уяўленнямі аб продках і гаспадарчым (асабістым) дабрабыце той ці іншай сям'і» [1, с. 496].

У розных варыянтах прымхліц знешні выгляд дамавіка меў адрозненні. Зыходзячы з успамінаў некаторых жыхароў Мазыршчыны, дамавік – «невялікі дзядок з белымі валасамі» (зпісана ў в. Раманаўка Мазырскага р-на ад Аляксеевай Марыі Іванаўны, 1921 г. н.). Сярод інфармантаў сустрэліся і тыя, хто асабіста бачылі дамавіка і маглі скласці прыкладны партрэт захавальніка дома: «Гадоў адзінаццаць мабыць мне тады было. Засталіся мы з мамай у маёй бабулі. Ну, і зраніцы, бабуля ўжо не спала даўно, ёй жа трэба было жывёлу адчыніць, не зусім светла было, я прагнулася, гляджу штосьці ўбок, а там вось як бы гэты дамавой сядзіць. Маленькі такі, валасоў шмат, ці то галава такая, ці то шляпа на галаве была, вельмі размыты быў. Я вочы закрыла на трошачкі, адкрыла – яго ўжо няма» (запісана ў г. Мазыр ад Ганчаровай Ірыны Валер'еўны, 1957 г. н.).

Вядомымі гераінямі беларускіх павер'яў пра нячыстую сілу былі русалкі. «Для ўсіх рэгіёнаў Беларусі характэрна ўяўленне пра русалак як маладых прыгожых дзяўчат у вяночках, з русымі, белымі, зялёнымі ці іншага колеру распушчанымі валасамі, падобнымі на пасмачкі тонкай асакі, водарасці, з зялёнымі ці блакітнымі вачамі, аголеных або апранутых у белае адзенне, зеляніну, што паказваліся ў полі, лесе, ля вады» [1, с. 409]. Калі ў дзіцячых казках яны малююцца прыгажунямі-дзяўчынамі з раскошнымі хвастамі, вельмі добрыя і вясёлыя, то ў рэальным жыцці ўяўленні людзей пра іх некалькі адрозніваліся: «Былі яны прыгожыя ці не, не ведаю. Ніхто іх не бачыў, толькі голас іх чулі. У звычайныя дні іх, можа, і не было бачна, а вось у русальны тыдзень трэба было быць асцярожнымі. Гэта прыкладна ў пачатку ліпеня» (запісана ў в. Вялікія Зімовішчы ад Ганчаровай Яўгеніі Сяргееўны, 1946 г. н.). Гаварылі, што прыгажуні заваблівалі ў свае «сетцы» цудоўным голасам, які аддаваўся рэхам. Некаторыя чулі звычайны гул, песні. Але гэтых істот усё ж такі асцерагаліся. Сярод атрыбутаў, якія выкарыстоўвалі з мэтай засцярогі ад звышнатуральнага ўздзеяння русалкі, як сведчыць фактычны матэрыял, з'яўляюцца вострыя прадметы: іголка, нажніцы: «Вось кожны раз летам, не памятаю, які месяц, ці то ліпень, ці то жнівень, так бабуля гаварыла нам, не хадзіць на рэчку і ў поле,

бо там гэтыя русалкі сядзяць і чакаюць маладых хлопцаў. А мы ж не можам паслухацца, нам трэба праверыць. І мы хадзілі. Ніхто не прапаў канешне, але ж мы хадзілі з іголкамі ці нажніцамі, бо русалкі баяліся вострых рэчаў» (запісана ў г. Мазыр ад Ропата Аляксандра Віктаравіча, 1965 г. н.).

У памяці жыхароў Мазыршчыны захаваліся даволі рэдкія звесткі пра прывід Белай Жанчыны. Напрыклад, у в. Вялікія Зімовішчы былі запісана ад Ганчаровай Ірыны Валер'еўны, 1957 г. н., цікавыя звесткі пра такую істоту, як Белая Жанчына: «Мне гэта яшчэ мой дзед расказваў. Гаварыў, што ў вёсцы, у Зімовішчах нашых, прывід свой ёсць – Белая Жанчына. Нібыта, калі ўбачыш яе, то нешта дрэннае адбудзецца. І галоўнае гаварыў, што бачыў гэтую жанчыну прама перад вайной». Падобныя прывіды сустракаліся і ў іншых мясцовасцях. Прывід жанчыны ў белым увогуле знаёмы беларусам. Яшчэ Ян Баршчэўскі ў сваіх творах апісваў гэту незвычайную істоту, сустрэча з якой прыносіць бяду. Але іншая справа сустрэцца з гэтай істотай у рэальным жыцці: «Ну бывала пагаворвалі, што вось на вуліцу ўцемрач выйдуць, а там прывід гэты белы. Пачалі яе называць Белай Жанчынай. Вон сусед, праз хатку там жыве, расказваў, што вечарам шоў, ну ён трошкі п'яны быў, у бок скрыжавання глядзіць, а там гэтая жанчына ў белым стаіць. Так яму ж не верылі, хіба што там гэтаму п'янчузе на галаву дурную прывідзілася, але ж пра пару дзён у яго хлёў згарэў. Вось і пачалі верыць» (запісана ў в. Каменка ад Кунгер Марыі Сцяпанаўны, 1951 г. н.).

Сярод міфалагічных персанажаў, акрамя вышэйназваных, сустракаюцца і звесткі пра іншых нячысцікаў, сярод якіх вылучаецца, напрыклад, пуннік. Вось, напрыклад, апісанне гэтага цікавага персанажа, які з выгляду быў падобным на невялічкі стог сена: «Мы звалі яго Пунняй або Пуннікам, бо жыў ён у пуні. Знешне ён і не выглядаў як прывід ці што, вось звычайны жмут сена, брудны, растрапаны. Ён звычайна сядзеў і назіраў, з кошкамі любіў гуляцца. Але калі яму нешта не падабалася, пачынаў свістаць або вохкаць, так жудко станавілася. І вельмі воду не любіў і дошч, хаваўся адразу ў пуню» (запісана ў в. Вялікія Зімовішчы ад Ганчаровай Яўгеніі Сяргееўны, 1946 г. н.).

У міфалагічнай традыцыі Мазыршчыны маюць месца павер'і і пра такіх рэдкіх нячысцікаў, як «клікун». Паводле народных вераванняў, ёсць дух, які «суправаджаў пуннікаў у дарозе, калі пабачыш яго, то будзе дарога добрая. Быў ён высокі і худы, валасы доўгія-доўгія. Выглядаў ён сур'ёзным, нават такі суровы мужчына. Бацька мой гаварыў на яго Клікун, бо бывае трубіў у залаты рог.

Калі ў дарозе бачыліся клубы пяску ці чуўся вось гэты гук з трубы-гэта Клікун дзесьці побач, баяцца яго не трэба, наадварот некаторыя гавораць, што гэта добры знак» (запісана ў в. Слабада ад Макарэвіч Наталлі Мікалаеўны, 1964 г. н.).

Вядома, што персанажы ніжэйшай міфалогіі могуць і шкодзіць, і дапамагаць. У народных вераваннях надзвычай папулярнай з'яўляецца думка аб тым, што нячысцікі, хоць знешне і выглядаюць надзвычай суровымі, але усё роўна дапамагаюць чалавеку, а бывае нават і наадварот. У якасці доказу спашлемся на наступны цікавы прыклад: *«Калі нешта здарылася, так думаецца, што вось хтосьці ўсё ж такі дарогу перабяжаў, ці то чорная кошка, ці то істота якая. А нам з братам нашая цётка, калі мы ў яе заставаліся, гаварыла, што перад тым, як нешта здарыцца, яна некага Хіхітуну бачыла. Мы думалі, што гэта за жывёла такая, у бацьку пыталі. А ён і раскажаў нам пра гэтую малпу. Да, да, менавіта малпу. Калі чуеш, як нехта «хіхікае», ну таму і Хіхітун менавіта, так значыцца нешта павінна здарыцца. Там мы яшчэ кпілі друг з друга, станавіліся за спінай і пачыналі хахатаць. Чаму малпа, праўда, не ведаю, але вельмі любіць гэтая істота з чужой бяды здэквацца»* (запісана ў в. Дразды ад Пархоменка Валянціны Мікалаеўны, 1965 г. н.).

На Мазыршчыне бытуе ў народзе прымаўка: «Ад кікімары кашулі не дачакаешся». І нездарма яе цытуюць. На думку некаторых жыхароў, кікімара – вядомы персанаж, які любіць шыць, але яе швы атрымліваюцца крывымі і непрыгожымі. «Кікімары, вешчыцы, юныя міфічныя істоты выключна жаночага роду, што жывуць на сядзібах. Сваё паходжанне бяруць ад дзяўчатак, якія былі загубленыя да хрышчэння, або ад дачок, праклятых маькаю яшчэ ў чэраве» [1, с. 238]. Зыходзячы з мясцовых павер'яў, кікімара – істота, якая магла здэквацца з жывёл: *«Кікімара жыла ў лесе густым ці на балоце. Ой, страшная істота была. Людзей, здаецца, і не чапала, нават баялася, глядзела сваімі вялікімі вачонкамі, а вось жывёлу душыла як магла, ну, калі дабіралася да сяла»* (запісана ў в. Вялікія Зімовішчы ад Ганчаровай Яўгеніі Сяргееўны, 1946 г. н.).

Прыведзеныя ў артыкуле матэрыялы па персанажах ніжэйшай міфалогіі Мазыршчыны даюць магчымасць пераканацца ў наяўнасці адметных мясцовых асаблівасцей, якія выяўляюцца ў розных аспектах асэнсавання вобразаў народнай дэманалогіі, пачынаючы ад знешняга выгляду і завяршаючы спосабамі засцярогі ад іх шкоднага ўздзеяння.

1 Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – 607 с.

УДК 393(476.2-37Мозырь)

Д. А. Жилицкая

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ МОЗЫРСКОГО РАЙОНА

В работе анализируются похоронная обрядность Мозырского района и связанные с ней причитания как особое явление погребально-поминальных традиций. Обряды, которыми сопровождалось проведение усопшего в иной мир, в разных деревнях зачастую имеют схожую структуру, наблюдается и общезтническая основа похоронной обрядности. Данная закономерность объясняется общностью территории и использованием закрепившихся ранее традиций в определённой местности.

Похоронная обрядность представляет собой совокупность обрядов и обычаев, основанных на языческих представлениях, базирующихся на вере в существование жизни после смерти. Они устойчиво сохраняются и сегодня, проявляясь в отдельных ритуалах похоронной обрядности, связанной с сопровождением умершего в загробный мир. Сосредоточим внимание на местных особенностях похоронного обрядового комплекса Мозырского района Гомельской области.

В Мозырском районе было принято покойного помыть, чтобы он отправился в иной мир уже чистым. Особенностью данного обычая является то, что умершего должны омыwać и одевать люди его же пола: «Калі памёр чалавек, родныя просяць чужых людзей памыць яго. Калі памёр мужчына, то мыюць яго мужчыны, а калі жанчына – жанчыны» (запісана ў в. Вялікі Бокаў Мазырскага раёна ад Царэнка Ганны Сілічны, 1927 г. н., студэнтам Есісам Я.); «Калі мужчына памёр, дык мужчын мыць завуць, калі жэнічына – жэнічын» (г. Мазыр) [1, с. 247].

Далее родственники завешивают зеркала, телевизоры и прочие отражающие поверхности, закрывают окна, выключают часы, радио

и готовятся к проведению последней ночи с покойником: кладут под него полотенце, а под голову подушку из сена. Помимо родственников, вокруг могли находиться знакомые, друзья и соседи: *«Калі труны німа, то ложкаць на лаўку ці на дзіван. Пад нябогу клалі рушніка, а пад галаву яму падушачку з сена. У хаце завешваюць зеркалы, накрываюць целевізар, усё выключаюць. Нада абязацельна, штоб пакойны пераначаваў ноч дома. Каля яго ўсю ноч сядзелі родныя, суседзі»* (запісана ў в. Касцюковічы Мазырскага раёна ад Рэчыцкай Ганны Афанасьеўны, 1937 г. н., студэнткай Н. Нікіценка); *«А ўжэ кагда пакойнік дома стаіць, то ўжо дома не ўбіраюць, закрываюць зеркала. Кажуць жа, што нячысціка ў гэта врэмя можна пабачыць, а як пабачыш, так і памрэш хутка»* (г. Мазыр) [1, с. 248].

В деревне Великий Боков, когда приходит время выносить из дома умершего, мужчины, у которых на руках повязаны платки, спереди несут крест и перемещают гроб с покойником вперёд ногами: *«Назаўтра заву т свяшчэнніка. Ён чытае малітву. Нябожчыка выносяць с хаты ўперад нагамі на руках мужчыны. У мужчын на рукавах завязаны платкі. У перадзі нясуць крыж. На могілках каля выкапанай ямы апускаюць дамавіну. Свяшчэннік крапіць ямку святой вадой і моліцца»* (запісана ў в. Вялікі Бокаў Мазырскага раёна ад Царэнка Ганны Сілічны, 1927 г. н., студэнтам Я. Есісам); *«Як памрэ чалавек, выносяць з хаты нагамі, насыпаюць услед жытам, каб след яго засыпаць»* (г. Мазыр) [1, с. 249]. В гроб принято было класть разные вещи, которые были важными для умершего, а, например, деньги, горсть земли бросал каждый из участников похоронной церемонии на гроб, когда покойника опускали уже в яму: *«У магілу зямлю кідаюць, бо казалі, што зямля была нясвежая, там хтосьці ўжо быў пахаронены»* (г. Мазыр) [1, с. 250]. *«Калі вот мужчыну хавалі, ложылі шапочку, расчоску, іконку, а жэнішчыне платочак даюць у рукі, свечэчку мужчыне і жэнішчыне даюць –эта ўсёгда»* (г. Мазыр) [1, с. 249].

В деревне Слобода Мозырского района умершему клали под голову старую одежду, *«каб стары род уміраў, кажуюць, не малады»* (запісана ў в. Слабада Мазырскага раёна ад Гусак Лукер'і Савельеўны, 1930 г. н. (нарадзілася у в. Мялешкавічы).

Особенностью похоронной обрядности в деревне Моисеевка является обычай класть в гроб к покойному завязки: в повседневной жизни их используют, например, как средство от боли, коровам могли завязывать, чтобы избежать их сопротивления во время дое-ния: *«Завязкі з рук пакойніка трэба ў гроб лажыць, а то ведзьмы*

на прыробкі возьмуць. Завязкі на рукі завязваюць, каб не балелі, завязкі мужу на рукі завязваюць, каб не біўся, карове на ногі, каб не брыкалася падчас дойки» (запісана ў в. Прудок Мазырскага раёна ад Прус Наталлі Васільеўны, 1959 г. н. (дырэктар СДК, пражывала раней ў в. Мерабель)).

После проведения обряда захоронения все участники похоронной процессии по приглашению родственников покойного собирались вместе, чтобы помянуть ушедшего. Исходя из народных верований, следовало обязательно всем вымыть руки. Близкие должны были, съесть по три ложки «канона», выпить по три рюмки: *«На похараны гатавалі боршч, кашу. Уся радня сабіралася ды й паміналі. Канун рабілі, свечачкі палілі – усё»* (г. Мазыр) [1, с. 247]. Далее произносились молитвы, причитания же чаще звучали непосредственно в ту ночь, когда покойник ещё до погребения находился дома.

Причитания как особый вид выражения скорби по усопшему, носящие стихотворный характер, как правило, демонстрируют отношение говорящего к объекту оплакивания. Выражение скорби сочетается с упреком, в котором как бы обвиняют покойника в том, что он оставил родных и тем самым обрекает их и других близких людей на страдания:

Татачка мой!

Куда й ты выбраўся ў дарогу?

А й ты ўжо не бачыш, што мы на табэ плачам,

Што й твае дочки йдуць да галосцяць.

Чо ты нас аставіў?

Чо ты нас пакінуў?

Чо ты с намі жыць не захацеў?

Да й наслідняя ў цябе дарога,

Да й наслідні пуць.

Закрываюцца сцёжкі-дарожкі твае,

Сабірайся ты ў вялікую дарогу,

А больш мы не пабачым цябэ... (запісана ў в. Вялікі Бокаў Мазырскага раёна ад Царэнка Ганны Сілічны, 1927 г. н., студэнтам Я. Есісам).

Пока покойник еще находится в доме, в причитаниях также упоминается о жизни умершего: говорится о том, чем он занимался, какими качествами обладал, как был духовно связан с другими людьми. В текстах причитаний встречаются риторические вопросы, начальные строки повторяются. Присутствует также и образ дороги, символизирующий путь в иной мир, в то время как дорога в мир живых для покойника уже закрыта:

Мамачка мая дарагая!
Мамачка мая любімая!
Парадніца ты мая!
Я й с табою ўсё дзяліла,
Ты й мае ўсё гора знала.
Ты й мне ўсё дапамагала.
Ты й мнэ сцірала,
Ты й мнэ мыла.
Ручкі мае залатыя!
Вочкі мае дарагія!
Калі буду шэ паглядаць на вас?
А й ты мнэ дзетак гадавала.
А й ты вапрасы задавала.
А й ты хацела ўсё знаці.
А й ты хацела ўсё вэдаці.
А й я табэ ўсё расказвала,
А й я с табою ўсё дзялілася.
А й закрываюцца тваэ дарожанькі,

А й закрываюцца тваэ сцежачкі (запісана ў в. Вялікі Бокаў Мазырскага раёна ад Царэнка Ганны Сілічны, 1927 г. н., студэн-там Я. Есісам).

Таким образом, проанализировав фактический материал, собранный преподавателями и студентами в полевых экспедициях, можно сделать вывод, что, несмотря на отдельные локальные особенности проведения ритуалов и связанные с ними народные верования, похоронная обрядность Мозырского района имеет единую общезтническую основу.

У артыкуле выкарыстаны матэрыялы навукова-вучэбнай фольклорнай лабараторыі пры кафедры рускай і сусветнай літаратуры УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».

Спіс літаратуры

1 Мазыр. 850 год: у 3 т. Т. 3. Спрадвечнай смудрасці скарбонка: сучасны стан традыцыйнай культкры г. Мазыра / укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы, рэдагаванне В. С. Новак, Л. В. Мельнікавай, С. А. Вяргеенка, А. А. Кастрыцы, А. В. Кучаравай і інш. – Гомель: КВПУП «Сож», 2005. – 296 с.

А. А. Казлякоўскі

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ТРАДЫЦЫІ ПАХАВАЛЬНАЙ АБРАДНАСЦІ КАЛІНКАВІЦКАГА РАЁНА

У артыкуле, прысвечаным пахавальнай абраднасці Мазырышчыны, асвятляецца спецыфіка лакальных традыцый, звязаных з пахаваннем чалавека. Аўтар на аснове матэрыялаў, запісаных у розных вёсках Калінкавіцкага раёна, што захоўваюцца ў архіве навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі, раскрывае асноўныя структурныя кампаненты пахавальнага абраду і звязаныя з ім народныя вераванні.

Пахавальная абраднасць беларусаў уяўляе сабой складаны комплекс абрадавых дзеянняў і звычаяў, якія звязаны з развітаннем з памерлым чалавекам і яго пахаваннем. Жыхары Калінкавіцкага раёна прытрымліваюцца і сёння спрадвечных рытуалаў, што складаюць аснову мясцовай пахавальнай абраднасці.

Цырымонія развітання з памерлым, калі родзічы, суседзі і знаёмыя нябожчыка выказваюць спачуванні яго сям'і, з'яўляецца актуальнай і сёння: «*Прышоўшы да пакойніка, першыя словы: «Прымі, Госпадзі, душу!» У правую руку трэба свечку даць. Патом яго ложаць. Трэба наліць вінца і паставіць у тарэлачку»* (запісана ў в. Юшкі ад Малько Тамары Іванаўны, 1936 г. н.). Атрыбуты памінання памерлага маюць сімвалічны характар: свечкі выкарыстоўваюцца ў гонар яго памяці і жыццёвага шляху, а таксама з'яўляюцца прадметнымі атрыбутамі, якія валодаюць апатрапейнымі ўласцівасцямі: «*Свечка надзялялася ўласцівасцямі апатрапея. У галаве памерлага палілі свечку, каб «злыя» не мелі да яго доступу»* [1, с. 432].

У народзе заўсёды здзяйсняліся меры для спакойнага адыходу душы нябожчыка ў іншы свет: завешвалі люстэркі, а таксама з мэтай засцярогі вылівалі ваду з вядра ў хаце: «*У хаце завешвалі ўсе люстэркі, каб душа выхад не пераблытала. Калі ў хаце стаяла вада, то яе трэба выліць, бо там спаласнулася душа нябожчыка»* (запісана ў г. Калінкавічы ад Дулуб Вольгі Анатольеўны, 1935 г. н.). Не рэкамендавалася пакідаць нябожчыка ў хаце без нагляду, бо, лічылася, маглі адбыцца самыя містычныя рэчы. У народнай традыцыі невыпадкава было прынята ў дзень смерці чалавека і ноччу

пабыць побач з памерлым: «Як баба памірала, то казала, каб яе адну не астаўлялі. А як памерла, то трэба было адлучыцца некуды, ды і прыкрылі яе, а як вярнуліся, то ўжо занавеска гарыць» (запісана ў г. Калінкавічы ад Казачэнка Рыгора Рыгоровіча, 1952 г. н.). Таксама невалаважны дзень, у які памёр чалавек, таму што «калі чалавек паміраў на свята, то, значыць, ён Богу даспадобы быў» (запісана ў г. Калінкавічы ад Дулуб Вольгі Анатольеўны, 1935 г. н.).

Адным з пачатковых момантаў пахавальнага працэсу з'яўляецца абмыванне памерлага. Дадзенае дзеянне мае не толькі практычны, але і метафарычны сэнс. Да выканання гэтага рытуалу прад'яўляліся пэўныя патрабаванні: «Моют тры чалавека. Кагда моют, ляжыць на палу, на простыне» (запісана ў в. Туравічы ад Паштарэнка Вольгі Ларыёнаўны, 1937 г. н.); «Абмываць памерлага трэба не раней, чым праз тры гадзіны пасля смерці. Абмываць нельга радным людзям. Звычайна гэта робяць старыя жанчыны. Ваду, якой абмывалі, вылівалі ў тое месца, дзе ніхто не ходзіць. Бо гэта лічыцца «мёртвай вадой». Ручнік і мыла, якім мылі і церлі памерлага, на працягу сарака дзён захоўвалі ў хаце, каб не прыцягнуць да сябе ўсякіх бед. Адзенне, у якім памёр чалавек, патрэбна абязацельна спаліць. Астальнымі вешчамі пакойнага можна карыстацца праз сорак дзён» (запісана ў г. Калінкавічы ад Дулуб Вольгі Анатольеўны, 1935 г. н.). Што да адзення нябожчыка, у большасці выпадкаў яно разразалася і псавалася, а спаліць яго неабходна было ў бязлюдным месцы да дзявятага дня пасля яго смерці.

Неад'емны элемент пахавальнай абраднасці – галашэнні, якія выконваюць важную рытуальную функцыю – дамагаюць родзічам і знаёмым нябожчыка выразіць пачуццё смутку, адпусціць яго душу і прыняць страту:

*Устань, устань, мая маці,
Што ж пакінула мяне гаравець.
Устань, устань, мая маці,
Памажы мне гора гаравяці.
А як ты ж памірала дык казала:
«Доню, доню, сама к гору прывыкай,
А я не ўстану і гору твайму не памагу,
Бо смаловыя дошкі сціснуць мне ножкі,
А сырая зямля на грудзь крэпка ляжа».
Ты ж казала, мая мамка, і праказвала,
Каб я не стаяла пад жабаю,*

*Не аблівала цябе слязою,
Бо ж мне будзе важка так ляжаць.
Не сагінайся пада мною,
Не скланяё сваю галоўку,
Бо я так, донька, знаю, што жывеца табе горка.*

Прашчай, мая мамка, прашчай, маё белае сонца». (запісана ў в. Казанск ад Лаўды Еўдакіі Мікалаеўны, 1931 г. н.)

Наступнымі этапамі былі вынас труны з нябожчыкам і праводзіны яго ў апошні шлях. Жалобная працэсія магла займаць некалькі вуліц населенага пункта. Збіраліся ўсе неабыякавыя людзі. Наперадзе ішоў блізкі чалавек з іконай або крыжом у руках, а за ім у чарзе – людзі, якія неслі труну і вянкi. Павольна рухаліся ў бок могілак, мінаючы знакавыя мясціны, абавязкова спыняліся на перакрыжаванні і гаварылі: «*Людзі добрыя, прасціце (3 р.)*» (запісана ў в. Туравічы ад Паштарэнка Вольгі Ларыёнаўны, 1937 г. н.). Калі выносілі труну з нябожчыкам, то выконвалі галашэнні: «*Выносяць нябожчыка мужчыны, мы галосім, прыказваем: «Чаму Бог палюбіў нашы слёзы да забраў цябе ад нас?»*» (запісана ў в. Вялікія Аўцюкі ад Куцэнка Марыі Еўменаўны, 1939 г. н.).

Арганізацыйны этап працэсу пахавання таксама меў свае прыкметы і асаблівасці, да яго прад'яўляліся пэўныя патрабаванні, напрыклад, забаранялася родзічам рыхтаваць магілу: «*Магілу капаюць у дзень пахавання. Капаюць мужыкі. Потым ім давалі гарэлку і закусіць. Родным капаць нельга. Пасля адпявання памёршага выносілі. Спачатку выносілі крыж, затым абраз, а потым вянкi. Вянкi неслі дзяўчаты. Потым мужчыны вынасілі крыжку ад гроба. Пасля таго, як блізкія папрашчаюцца з пакойным, выносілі сам гроб. Як прыносілі гроб на кладбішча, блізкія цалавалі памершага ў лоб і ў губы. Пасля гроб апускалі. Родныя бралі горстку пяску і сыпалі на гроб»* (запісана ў г. Калінкавічы ад Дулуб Вольгі Анатольеўны, 1935 г. н.). Існуе павер'е, што зямля, якую людзі сыпалі на труну, будзе такой жа мяккай і на тым свеце. Таксама адпяванні маглі праходзіць непасрэдна на могілках. У мясцовай традыцыі клалі ў труну вяроўкі: «*Вяроўкі кладуць у гроб у ногі, бо людзі кажучь: «Дрэнные людзі на дрэннае робяць».* Затым хароняць, на магілу вянкi кладуць» (запісана ў в. Юшкі ад Курылы Лідзіі Купрэеўны, 1937 г. н.). Прынята было ў Калінкавіцкім раёне, як і ў іншых мясцовасцях Беларусі, хаваць нябожчыка да заходу сонца, што звязана было з сімволікай святла і цемры, а таксама з паняццем «новага пачатку» жыцця, паводле народных вераванняў, пасля смерці.

Пасля пахавання нябожчыка рабілі памінальны абед, які адбываўся ў адпаведнасці з патрабаваннямі традыцыйнай кухні беларусаў. Спраўлялі яго не адзін раз: адразу пасля пахавання, на трэці дзень, дзявяты і саракавы. Абавязковай стравой на першы абед была «сыта – вада», якую салодзяць мёдам, або мядовы ўзвар на вадзе. Яна выкарыстоўвалася не толькі для прыгатавання любімых ласункаў, але і для кармлення душ памерлых: «Калі абедалі пасля пахарон, то была коліва (сыта) і ўся яда, шоб з яе пар ішоў. Коліва нада было з'есці тры ложкі. Былі боршч, картошка, ладкі. Спачатку тры ложкі коліва елі, а потым ужо можна есці» (запісана ў в. Юравічы ад Раманавай Евы Пятроўны, 1931 г. н.). Што да рэлігійных правіл, то памінальны абед звязвалі таксама з малітвамі за ўпакаенне душы памерлага, чытаннем тэксту Святога Пісання і іншымі дзеяннямі.

Людзі, якія былі за памінальным сталом, вялі размовы аб памерлым: прыгадвалі яго жыццёвы шлях на зямным свеце, гаварылі пра яго ўчынкi, вынікі яго дзейнасці. Існавала агульнапрынятае этычнае правіла, згодна з якім не прынята было гаварыць дрэнна пра нябожчыка. Гэта лічылася зняважлівым у адносінах да памерлага, бо той ўжо не мог абараніць сваю рэпутацыю або выправіць памылкі. Невыпадкова аб нябожчыках гавораць толькі добра або ўтрымліваюцца ад якіх-небудзь негатыўных каментароў.

Звычайна, паўсюдна памінальны абед арганізуюцца на дзявяты і саракавы дні. Па сваім складзе яны прыблізна аднолькавыя.

Існуе павер'е, што калі да сарака дзён з моманту смерці чалавека ў вёсцы памрэ яшчэ хто-небудзь, то ў далейшым будзе многа смярцей. Але існуюць выпадкі, што людзі паміралі і да дзявятага дня, што, лічылася ў народзе нядобрым знакам.

Такім чынам, традыцыі пахавальнай абраднасці Калінкавіцкага раёна ўяўляюць сабой цесную звязку паміж забабонамі і рэлігійнасцю, але можна зрабіць выснову, што ў мясцовым пахавальным абрадавым комплексе ключавое месца займаюць рэлігійныя ўстаноўкі, але забабоны ім не супярэчаць.

У артыкуле выкарыстаны матэрыялы навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі пры кафедры рускай і сусветнай літаратуры УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».

Спіс літаратуры

1 Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – 607 с.

Л. А. Масанавец

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ДЗІЦЯЧЫ ФАЛЬКЛОР МАЗЫРШЧЫНЫ: КАЛЫХАНКІ

У артыкуле асэнсоўваюцца віды вершаванага дзіцячага фальклору на аснове аўтэнтычнага матэрыялу, запісанага выкладчыкамі і студэнтамі ў палявых экспедыцыях на тэрыторыі Мазырскага раёна. Зроблена класіфікацыя калыханак дадзенай мясцовасці, вызначаны іх тэматычная разнастайнасць, асноўныя матывы, а таксама ўвага скіравана на сродкі мастацкай выразнасці.

Першыя гады жыцця пасля нараджэння дзіцяці сапраўды самыя цяжкія для маці, бо клопат аб стане здароўя немаўляці, турботы, звязаныя з яго выхаваннем, а таксама яе любоў і пяшчота да немаўляці становяцца яе абавязкам. Менавіта для таго, каб зрабіць жыццё абодвух больш камфортным, быў прыдуман такі від дзіцячага вершаванага фальклору, як калыханкі.

«Калыханкі – песні зусім акрэсленага прызначэння: яны выконваюцца маці або нянькаю ля калыскі дзіцяці, каб хутчэй супакоіць яго, прымусіць спаць» [1, с. 32]. Менавіта яны былі аднымі з першых твораў дзіцячага фальклору, якія змаглі звярнуць на сябе ўвагу збіральнікаў, якія ў сваю чаргу пачалі ўключаць іх у зборнікі. Сапраўды, калыханкі вабяць да сябе сваёй пяшчотнасцю, незвычайным характам, льюцца з матчынага сэрца мілагучнай хваляй у выглядзе песні. Чаму песні, – спытаеце вы, – гаворка ж ідзе пра калыханкі? Адказ на гэтае пытанне знаходзіцца на паверхні па той прычыне, што «па свайму паходжанню калыханкі належаць да аднаго з найстаражытнейшых песенных жанраў» [1, с. 33], якія, як і ўсе астатнія, вылучаюцца сваёй рытмічнасцю. Адметным з'яўляецца тое, што менавіта калыханкі суправаджаюцца яшчэ і пагойдваннем калыскі, што аказвае пэўнае ўздзеянне на арганізм дзіцяці.

Усё гэта звязана з тым, што для чалавека спрадвечна ўласціва пачуццё рытму: ужо з ранняга ўзросту ў яго абуджаецца здольнасць да ўспрымання рытмічна арганізаваных гукаў (дзіцё з першага месяца жыцця можа ўспрымаць рытм і мелодыі, а дакладней спачатку толькі нескладаную змену гукаў). Такім чынам, у калыханках можна заўважыць адначасовае зліццё ў адно цэлае словаў, рухаў і музыкі,

што яшчэ раз даказвае іх прыналежнасць да найстаражытнейшай сінкрэтычнай з’явы. Варта ўвагі і тое, што «існуе думка аб магічным характары калыханак, аб сувязі іх з пэўнымі рытуальнымі абрадамі, забаронамі. Такую версію прапануе даследчыца рускай калыханкі Н. М. Эліяш» [1, с. 35]. Толькі гэтая тэорыя абвяргаецца з дапамогай аналізу гэтага песеннага жанру, у выніку якога не было выяўлена сувязі з замовамі, якія канцэнтруюць усю сваю сілу менавіта ў словах, у той час як калыханкі могуць абысціся ўвогуле без іх (матуляй ці нянькай паўтараюцца адны і тыя ж гукі тыпу «а – а», «ш – ш», «баю» («у «Слоўніку царкоўна-славянскай і рускай мовы» мае азначэнне ‘гаварыць, размаўляць’, а такасама ‘замаўляць, варажыць’, пры гэтым апошнія значэнні з паметай *царк.*» [1, с. 37]), «люлі», якія пазбаўлены пэўнага сэнсу).

Прыпеў-слова «баю», як указвае Г. А. Барташэвіч, зыходзячы з інфармацыі, прадстаўленай у слоўніку І. І. Насовіча, такое ж, што і слова «*базікала*» ‘гаварун, пустамела’ (*базікаць* – ‘размаўляць аб нечым; гаварыць глупства, пустасловіць’) [1, с. 38], напрыклад:

*Баю-баюшкі-баю,
Не лажыся на краю.
Прыйдзе серанькі ваўчок
Ды й схваціць Ольку за бачок,
У цёмны лес ускача,
Оленька й заплача.
Я валчонка даганю,
Сваю Ольку забяру,
Палажу яе ў пасцельку,
Дам ёй карамельку.
Ты, ваўчонак, ідзі ўпроч,*

Нашу Олю не бяры. (запісана ў г. Мазыр ад Бардуковай Алены Мікалаеўны, 1990 г. н.)

Сапраўды, адкуль у памяшканні, з зачыненымі дзвярамі можа з’явіцца воўк? Ды жывёла і не разумее чалавечую мову. Таму, калі да зместу такога тыпу калыханак ставіцца ўсур’ез, то гэты песенны жанр цалкам адпавядае семантыцы вышэйадзначанага кампанента. Калі закранаць пытанне прыналежнасці дадзенай калыханкі да пэўнай групы калыханак, то відавочны заклік маці да дачкі, каб тая не клалася на бачок, а да ваўчка, каб той ішоў «ўпроч», дазваляе аднесці праілюстраваную песню на аснове ідэі твора да імператывных (паводле класіфікацыі А. Н. Мартынавай).

Прыпеў *люлі* з'яўляецца старажытным і характэрны для мноства іншых жанраў, у тым ліку і каляндарна-абрадавых (купальскіх). Адзначым, што такі прыпеў каранёва супадае з назвай калыскі на беларускай, а таксама рускай мовах (*люлька* альбо *лёля*), што цесна звязана з дзіцячай тэматыкай: хросная маці, цацка, лялька, малое дзіця і г. д.). Даследчыца Г. А. Барташэвіч указвае на тое, што цікавым з'яўляецца і тое, што у «Краёвым слоўніку ўсходняй Магілёўшчыны», складзеным Бялькевічам, было адзначана слова *лялебіць* са значэннем 'песціць, даглядаць' [1, с. 39]. Разгледзім калыханку з дадзеным складнікам:

*Не хадзі, каток, па хаце,
Не будзі майго дзіцяці,
Бо дзіцятко будзе спаці.
А я буду калыхаці.
Палез коцік на палаткі.
Памарозіў свае лапкі,
Сталі лапкі грэцца,
Недзе катку дзецца.
А-а-а, а-а-а, лю-лі,
А-а-а, а-а-а, лю-лі,
А-а-а, а-а-а, лю-лі.*

*Прыляцелі гулі.
Селі на варотах
У чырвоных чаботах.
А-а-а, а-а-а, лю-лі,
А-а-а, а-а-а, лю-лі,*

А-а-а, а-а-а, лю-лі. (запісана ў г. Мазыр ад Бардуковай Алены Мікалаеўны, 1990 г. н.)

Прыведзеную калыханку таксама можна аднесці да імператывіўных, як і папярэдняю, але, калі браць за аснову стадыяльнасць, як прапаноўвала Н. М. Эліяш, яна больш упісваецца ў групу бытавых. Гэта ўсё тлумачыцца таксама і тым, што ў тэксце прадстаўлена звычайная сітуацыя, характэрная для той сям'і, дзе жыве такая цікаўная, часам шкадлівая і энергічная хатняя жывёла, як кот, каторай трэба ўсё разведаць, што даказваецца ў наступным куплеце:

*Палез коцік на палаткі.
Памарозіў свае лапкі,
Сталі лапкі грэцца,
Недзе катку дзецца.*

Менавіта з гэтай прычыны маці просіць яго не хадзіць па хаце. Звернем увагу і на тое, што жанчына стала больш інтэнсіўна калыхаць сваё дзіцё з моманту прылёту галубоў (*гулей*) – яшчэ адным папулярным персанажам калыханак, якія сімвалізуюць чысціню, лагоднасць і згоду. Можна сказаць, што ў дадзенай калыханцы адлюстравана звычайнае жыццё ў вёсцы, з яго паўсядзённымі традыцыйнымі клопатамі жанчыны. Таксама спявачка з дапамогай гэтай калыханкі знаёміць дзіця з жывёльным светам на зразумелай яму мове.

Да падобнага тыпу калыханак можна аднесці і наступную, падобную да папярэдняй па структуры і прыпевах:

*А-а-а, а-а-а, а-а-а,
Баю-баюшкі-баю,
Жыве паніч на краю.
Он ня скудзен, ня багат,
У яго многа рабят-дзіцят.
Усе й на лаўках вунь сядзят,
Кашу масляну ядзят.
Каша й масляна.
Ложкі й крашаны.
Ложка й гнецца,
Сэрдзечко ж мае б'ецца,*

Душа й радуецца (запісана ў г. Мазыр ад Бардуковай Алены Мікалаеўны, 1990 г. н.)

Адзіным адрозненнем гэтай калыханкі можна назваць тое, што яе варта аднесці да апавядальных: маці распавядае свайму дзіцяці пра паніча і яго сям'ю, пра тое, што яны робяць на дзадзены момант. Магчыма, што агучаная з боку маці інфармацыя – гэта і своеасаблівы заклік да немаўляці, каб яно добра харчавалася. Падмацоўваецца дадзенае выказванне і эмацыянальнай рэакцыяй маці, што назіраецца ў наступным куплеце:

*Усе й на лаўках вунь сядзят,
Кашу масляну ядзят.
Каша й масляна.
Ложкі й крашаны.
Ложка й гнецца,
Сэрдзечко ж мае б'ецца,*

Душа й радуецца (запісана ў г. Мазыр ад Бардуковай Алены Мікалаеўны, 1990 г. н.)

Такім чынам, прааналізаваўшы некаторыя тэксты калыханак, можна сцвярджаць, што дадзеныя калыханкі скіраваны непасрэдна

на калыханне дзіцяці, яго супакой. Змест калыханак мае важнае пазнавальнае значэнне, іх выкананне дае магчымасць немаўляці пазнаёміцца з навакольным жыццём, жывёльным светам, прыроднымі з'явамі пра дапамозе самых простых, даступных для разумення дзіцяці паняццяў.

У артыкуле выкарыстаны матэрыялы навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі пры кафедры рускай і сусветнай літаратуры УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».

Спіс літаратуры

1 Барташэвіч, Г. А. Вершаваныя жанры беларускага дзіцячага фальклору / Г. А. Барташэвіч – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 168 с.

УДК 398.332.29(476.2-37Гомель)

Л. Д. Мышкавец

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

МЯСЦОВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ СВЯТКАВАННЯ КУПАЛЛЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬСКАГА РАЁНА)

Артыкул прысвечаны характарыстыцы лакальных асаблівасцей святкавання Купалля на тэрыторыі Гомельскага раёна. На аснове фальклорна-міфалагічных матэрыялаў, запісаных у палявых экспедыцыях выкладчыкамі і студэнтамі ГДУ імя Ф. Скарыны і апублікаваных у зборніку «Народная духоўная спадчына Гомельскага раёна», аналізуюцца асноўныя абрадавыя дзеянні, звязаныя са святкаваннем Купалля.

Купалле, якое адзначалася ў ноч з 6 на 7 ліпеня (па новым стылі), з'яўлялася той народнай абрадавай урачыстасцю, якая ў жыцці людзей звязана з летнім сонцастаяннем і ў якой знайшлі адлюстраванне павер'і пра прыродныя стыхіі. У сувязі з гэтым варта прывесці выказванне даследчыка А. С. Ліса: «Перш-наперш гэта перааэнсаваныя сімвалічна першастыхіі, або, паводле думкі некаторых грэчаскіх вучоных, першаэлементы свету: агонь, вада, зямля» [1, с. 386]. Купальскую абраднасць, у якой знайшлі ўвасабленне шматлікія народныя вераванні,

міфалагічныя ўяўленні, можна назваць самым паэтычным відам народнай творчасці. Гэта пацвярджаюць фактычныя матэрыялы па купальскіх абрадах і песнях, сабраныя ў палявых экспедыцыях студэнтаў і выкладчыкаў ГДУ імя Францыска Скарыны.

Засяродзім увагу на характарыстыцы купальскай абраднасці аднаго з раёнаў Гомельскай вобласці – Гомельскага, каб пераканацца ва ўстойлівасці бытавання ў народнай памяці звестак пра купальскае свята і прымеркаваныя да яго песні. Фактычныя матэрыялы, запісаныя ў вёсках Гомельскага раёна, сведчаць, што ў структуры мясцовага абрадавага комплексу мелі месца многія традыцыйныя абрадавыя моманты: збор купальскіх траў і кветак, запальванне вогнішча, ваджэнне карагодаў, калектыўнае купанне, варажба на зёлках і вянках і інш. Разгледзім больш падрабязна кожны з названых кампанентаў.

Пачыналася Купалле раніцай са збору траў і кветак, які суправджаўся абавязкова выкананнем купальскіх песень, бо, лічылася, калі яны не будуць менавіта ў гэты час гучаць, то страціцца іх сіла магічнага лекавага ўздзеяння. Жыхары в. Урыцкае патлумачылі факт збірання зёлак толькі зраніцы павер'ем, звязаным са шкодным уплывам ведзьмы на расліны ў вячэрні час: *«У нас празнік так і называлі – Іван Купала. Да яго тожэ ўбіралі ў хаце. Заўсёды хадзілі ў лес, абавязкова да вечару. Збіралі ягады (чарніцы), лекарственныя травы, бо патом ужэ нельзя было, казалі, што тагда ўжэ ведзьмы абсцыкалі ўсё ў лесе і травы цяралі сваю лекарственнасць. Тагда оні ўжэ не намагалі ад хваробы»* (запісана у в. Урыцкае ад Ашомка Ганны Раманаўны, 1927 г. н.) [2, с. 159].

Для падрыхтоўкі купальскага вогнішча моладзь звычайна збірала розныя старыя непатрэбныя рэчы: *«Дзяўчаты і хлопцы з усёй вёсцы сцягвалі розную старыну і вывозілі гэта за сяло, дзе меркавалася гулянне»* (запісана у в. Дуянаўка ад Каржова Мікалая Рыгоравіча, 1930 г. н.) [2, с. 155]. У сістэме святкавання Купалля на тэрыторыі Гомельскага раёна мелі месца ваджэнне карагодаў і скокі моладзі пра купальскі касцёр: *«Купалле святкавалі з 6 на 7 іюня. Кастры палілі, карагоды вадзілі, цераз кастры пераскоквалі»* (запісана у в. Хутаранка ад Навуменка Галіны Іванаўны, 1926 г. н.) [2, с. 159]; *«Вадзілі карагоды. Ведзьма гарыць, а мы ходзім, пяём «Купалінку», пелі ўсю дарогу»* (запісана у в. Зялёны Гай ад Максіменка Зінаіды Цімафееўны, 1940 г. н.) [2, с. 156].

Паводле сведчанняў жыхароў, дзяўчаты варажылі на вянках, якія кідалі на ваду, загадваючы пра будучае замужжа, пра долю:

«Варажылі. Вось, напрыклад, ставілі нанач ваду з замком пад краваць і гаварылі: «Суджаны мой, раджаны, прыдзі замок адмыкаць». Ці масток праз воду лажылі і прасілі: «Суджаны мой, раджаны, прыдзі цераз масток перавясці мяне» (запісана у в. Хутаранка ад Навуменка Галіны Іванаўны, 1926 г. н.) [2, с. 159]; «Я вот знаю адно гаданіе, я сама гадала, каб узнаць, за каго пойдзе замуж. Трэба, калі лажышся спаць, пад падушку пакласці гоабяшок і сказаць: «Любы, радзімы, прыйдзі, расчашы мне валасы» (запісана у в. Урыцкае ад Ашомка Ганны Раманаўны, 1927 г. н.) [2, с. 159].

З Купаллем было звязана шмат міфалагічных уяўленняў, якія знайшлі адлюстраванне ў легендах, прыкметах і павер'ях. Як адзначыў даследчык А. С. Ліс, «Купалле, паводле народных вераванняў, – час найбольшай актывізацыі і ірацыянальных сіл. Перш-наперш гэта разгул ведзьмаў» [3, с. 132]. Напрыклад, шырока распаўсюджанымі былі народныя вераванні, звязаныя з верай у тое, што ў гэты час трэба засцерагацца ад шкоднага ўздзеяння ведзьмы, якія рабілі ў жыцце заломы і адбіралі малако ў кароў: *«Гаварылі, што ў гэты дзень усе ведзьмы і нячысцікі выходзілі з лесу. І каб засцерагчы жывёлу і нават усю гаспадарку, на варотах крыж-накрыж вешалі 2 льняныя ніткі, а некаторыя клалі на замок у сараі крапіву і камень, каб ведзьма не зайшла ў сарай і не зрабіла што-небудзь плахое.»* (запісана у в. Урыцкае ад Ашомка Ганны Раманаўны, 1927 г. н.) [2, с. 159]. З прыведзенага фактычнага матэрыялу вынікае, што важнымі прадметнымі атрыбутамі, з дапамогай якіх імкнуліся пазбавіцца ад шкоданага ўплыву ведзьмы, былі ільняныя ніткі, замок і камень. У в. Старая Буда, зыходзячы з фактычных матэрыялаў, крапіву клалі не толькі каля дзвярэй, але і на вокнах, варотах: *«На Івана Купалу мы станавілі крапіву на дзвярах, штоб ведзьмы не прыляталі. Над вокнамі, над варатамі – усюды лажылі крапіву тую, а то ведзьмы прылятаюць, дык наказваюць»* (запісана у в. Старая Буда ад Агеенка Марыі Мітрафанаўны, 1919 г. н.) [2, с. 159]. Што да купальскіх песень, то запісана іх на тэрыторыі Гомельскага раёна, невялікая колькасць. У адной з такіх песень, зафіксаванай у в. Прыбыткі, гучыць матыў сувязі купальскай ночы з ведзьмай:

*Купальскія ночы
Выпеклі ведзьме вочы,
Каб у ночы не хадзіла,
Каб расы не збірала,
Каб у печы не сушыла,
Каб у жэрнах не малала,*

*Каб кашы не варыла,
Каб дзяцей не карміла,
Каб вядзьмат не пладзіла* (запісана ад Янчанка Г. Л., 1931 г. н.)
[4, с. 133–134].

Важным кампанентам купальскіх святкаванняў былі пошукі кветкі-папараці: *«Мы відзелі самі папараць-кветку. Пайшлі гуляць. Гэта ж яна ў лесе. Пайшлі ў лес і знайшлі. Адходзіць лісток, і яна адходзіць, сіняга цвета. У нас мужчына знайшоў, ён паказваў нам. Адарваў, прыносіў і паказваў»* (запісана у в. Даўгалессе ад Сцепаненка Вольгі Гаўрылаўны, 1927 г. н.) [2, с. 155]; *«Шчэ на Купалу хлопцы і дзяўчаты бегалі ў лес шукаць папараць-кветку. Счыталі, што той, хто найдзе, будзе ўсігда шчаслівым і багатым»* (запісана у в. Міхалькі ад Кавалёвай Еўдакіі Фадзееўны, 1927 г. н.) [2, с. 157].

У сістэме купальскай абраднасці пэўнае месца адводзілася і такім дзеянням з боку моладзі, якія ў народзе называлі бясчынствамі і якія не асуджаліся ў грамадстве: *«Асобенна любілі эта дзелаць хлопцы. Яны ламалі лаўкі, перагаражывалі дарогу карчамі, падпіралі людзям каліткі, вобшчым, дзелалі шкоду»* (запісана у в. Міхалькі ад Кавалёвай Еўдакіі Фадзееўны, 1927 г. н.) [2, с. 157].

Сярод купальскіх песень, запісаных у Гомельскім раёне, вылучаецца песня «Купалінка», цэнтральнымі вобразамі якой з'яўляюцца Купалінка і яе дачка:

*Купалінка, купалінка,
Цёмная ночка,
Цёмная ночка,
Дзе твая дочка.
Мая дочка ў садочку
Ружу, ружу поліць,
Ружу, ружу поліць
Белы ручкі коліць.
Кветачкі рве,
Кветачкі рве,
Вяночкі завівае,*

Слёзкі пралівае (запісана у в. Хутаранка ад Навуменка Галіны Іванаўны, 1926 г. н.) [2, с. 159-160].

«У многіх песнях Купалка функцыянуе побач са сваёй дачкой, якая выступае непасрэдна памочніцай маці ў яе матрыманіяльным апякунстве над дзяўчатамі» [1, с. 394]. У адной з купальскіх песень

мае месца ілюстрацыя аднаго з рытуалаў купальскай абраднасці – збор купальскіх кветак і траў («зёлак»):

*На святога Івана
Дзеўкі зелле капалі,
Дзеўкі зелле капалі,
Яны яго не зналі,
У татулькі пыталі:
Ай, татулечка,
Ды што гэта за зелле,
Ды што гэта за зелле?*

*Гэта, дзеткі, Купалле,
Дзявоцкае ўмыванне,
Дзявоцкае ўмыванне,
А дзяцюкам каханне,
А дзяцюкам каханне* (запісана у в. Прыбыткі ад Янчанка Г. Л., 1931 г. н.) [4, с. 133].

Такім чынам, купальскія абрады і песні Гомельскага раёна захоўваюць агульнанацыянальную аснову і выяўляюць адметныя рысы ў структуры купальскага абрадавага комплексу і ў песнях, звязаных з асноўнымі абрадавымі дзеяннямі.

Спіс літаратуры

1 Каляндарна-абрадавая паэзія / А. С. Ліс, А. І. Гурскі, В. М. Шарая, У. М. Сівіцкі; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. Навука, 2001. – 515 с.

2 Народная духоўная спадчына Гомельскага раёна / укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца і рэдагаванне В. С. Новак. – Гомель: ААТ «Полеспечать», 2007. – 456 с.

3 Ліс, А. С. Купалле – свята ў гонар апагею сонца. Семантыка купальскіх абрадаў і песень. / А.С. Ліс. // Беларусы: у 14 т. / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Т. 7: Вусная паэтычная творчасць / НАНБ; Г. А. Барташэвіч, Т. В. Валодзіна, А. І. Гурскі [і інш.]; рэдкал.: В. М. Бялявіна, М. Ф. Піліпенка, У. І. Чаквін [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 586 с.

4 Роднае: Фальклорна-этнаграфічная і літаратурная спадчына Гомельскага раёна / укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы, рэдагаванне І. Ф. Штэйнера, В. С. Новака – Мазыр: Белы вецер, 2000. – 276 с.

Д. С. Попел

Науч. рук. – В. В. Цацарин, ст. преподаватель

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАГОВОРОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ
Е. Р. РОМАНОВЫМ**

Народная медицина часто связывается с заговорами, или же магией, словами которой можно закрепить целебный эффект или даже усилить лекарства. Тех, кто владел знаниями в этой области, называли знахарями. Их остерегались и боялись простые крестьяне, но при каком-либо серьёзном недуге обращались к ним за помощью. Сам заговор отождествляется с такими словами, как *заворожить*, *заколдовать*; таинственными словами, дыханием рук стремились останавливать какое действие, лишать силы [1]. Данная тема примечательна ещё и тем, что благодаря комплексному изучению народного творчества, можно узнать больше о менталитете и отношению к жизни в целом у целых поколений в прошлом. Как показывает практика, множество исторических событий видятся через призму современных взглядов и моральных ценностей, что является в корне неверным подходом. И для исправления данной ситуации, возможно, следует более подробно изучить данный вопрос, как минимум потому, что ещё есть возможность восполнить пробелы в знаниях общаясь со старшим поколением: бабушки, прабабушки и т. п.

Если вспоминать про отношение простых крестьян к различным знахарям, чародеям и колдунам, а именно, то, что все причастные к колдовству вынуждены были скрываться и находиться в удалении от поселений, то можно прекрасно понять, что собрание данного материала потребовало громадных усилий от автора. С данной проблемой столкнулся и сам Е. Р. Романов – при расспросе знахарей о заговорах, те часто пытались ввести в заблуждение исследователя. Но благодаря хорошей репутации Романова у знахарей, ему удалось собрать достаточно объёмный материал: «...большая часть их, благодаря моему знакомству с знахарскими приёмами лечения и с заговорами, видела во мне своего коллегу, наисильнейшего чародея, и даже ... Сатаниила...» [2, с. VII].

Сами знахари в большинстве безусловно уверены в силе своих заговоров – “слов”, “молитов”, именно заговоров, а не медикаментов,

употребляемых ими. Исследователю было поведано немало рассказов о чудесных исцелениях, совершённых знахарями благодаря заговорам. Хотя от бедных бобылок исследователь слышал и такое признание: “ахъ панокъ, панокъ! Гомонишь, што на ротъ лезя, греха на душу хапаешь, а всё зъ горя. По миру намъ пойти, дакъ не дадутъ, – скажутъ: работать не хвора! А где её возьмёшь у нас, работы тыя, у бобылстви? Ну, а як погомонишь, дакъ и дають, и дзякують, и плотють!” [2, с. VII].

Интересен тот факт, что Е. Р. Романов указывает на чрезвычайно большое распространение знахарства по всей территории Беларуси. У нас не было ни одной деревни, которая не имела бы своего знахаря или знахарки. Большая часть из них, конечно, “ведьмаки наученные”, безвредные, знающие по одному, по два заговора от одной – двух болезней. Страшных же “природных ведьмаков”, имя которых обширно известно, нередко за пределами уезда, знали и боялись, обращаясь только в крайних случаях [2, с. VII].

Наверное, одна из самых распространённых тем для заговоров – это всё связанное с родами. Это легко объяснимо, ведь много проблем могло возникнуть во время этого процесса. Наверное, также поэтому, при составлении 5 выпуска “Белорусского сборника” Е. Р. Романов начинает раздел заговоров от болезней человека, а именно с “молив” про роды, выкидыши, золотник, а также матица. К примеру, в селе Новые Юрковичи, Гомельского уезда исследователь записал заговор, который, если судить по его содержанию, возможно, говорили во время родов: “Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся, и усимь отцамъ праподобнымъ, большимъ угодьникамъ. Пришла пора, поросла трава, замки по’дмыкалися, хвортки по’дчинилися: ти девчиночка ти молодець – вийдя вонь. Богъ с помоччу, а я зъ духомъ” [2, с. 54]. Повторяли данный заговор три раза. Сразу же бросается в глаза то, что во время произнесения заговоров обращались к господу Богу, а также сакральное число повторений – три. Всё это свидетельствует о смешении языческой традиции с христианством, что также присутствует и во многих других сферах жизни человека того времени. Также хочется обратить внимание на ещё один заговор на эту же тему, но уже из села Чеботовичи, того же уезда: «Господу Богу поклонюся, прачистой матари помолюся. Ишла прачистая синим мбрамъ, широкимъ полямъ, золотым мотузом потрапаразавшись, золотой простиной потпиравшись, у рукахъ нясла ключи золотыя. Ишла яна до рабы божай, золотыя замки замыкати, шовковый повясь к сэрцу привязати, народждэньнику (цы) до свое поры до свойго урэмя

стояти а ‘къ придя уремя – пара, тогда якъ з луку страла» [2, с. 57]. Начало у двух заговоров идентично, что выделяется в сравнение с заговором, к примеру, с деревни Гайдуково, Витебского уезда: «Носила по полю, по горячему морю...» или села Нежково, Могилёвской уезда «Водзица царица божжа помошница...» [2, с. 60].

Уже можно заметить региональную особенность заговоров на территории Восточного Полесья, что дополняется идентичным гомельскому варианту заговоров в Рогачевском уезде. Такая отличительная особенность сохраняется также и в заговорах от ударов, вывихов: «Господу Богу помолимся, ... Ехавъ Сусъ Христось съ Сянъския горы на сивомъ кони, чаразь огняную раку, чаразь дротяный мость. Мость проломився, конь спотыкнувся, сустваъ соткнувся, штобъ етому рабу божаму звих минувся» [2, с. 71].

Помимо большого количества заговоров от разных человеческих недугов, достаточное количество имеется и на бытовые тематики, к примеру, есть приворотные, а также и отворотные, что говорит о вере в могущество данных заклинаний, раз их не только совмещали с народной медициной, но также и пытались влиять на сознание человека. Примечательны также заговоры, или же заклинания от различных духов и чертей, к примеру, Е. Р. Романов смог записать такие: «От домового», «От хлевника», «От лесовика», «От нечистой силы» и т. п. Людьми тогда считалось, что когда колдун хочет кому-то навредить, а людей в округе нет, то он посылает колдовство по ветру. Тот, на кого этот ветер подует, получит всякие недуги: скрутит, неизвестно что сделается, и заберётся нечистый дух. Против такого знахари и будут читать соответствующий заговор. Впрочем, если судить по наблюдениям Е. Р. Романова, то можно обратить внимание на разделение понятий, которые хорошо воспринимаются нами – колдун и знахарь. Колдун, тот кто делает нечто плохое своими заклинаниями и заговорами, а знахарь – тот, что может исцелять. Но тут, скорее, могут играть роль знания человека в данной области, ведь, как писалось уже выше, есть два вида ведьмаков: «природные» и «наученные», первые из которых отличаются тем, что, по поверьям, ими нечистая сила овладела ещё в утробе матери, которые вредят даже своим дуновением, иногда даже пассивно, но с которыми автор, тем не менее, свободно вступал в сношения, усаживал возле себя, уличал в умышленном искажении заговоров при передаче, и, что особенно смущало местных жителей, без вреда позволял кашлять, дуть, шептать и всячески себя «сурочить».

Список литературы

1 Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1-4 / [сочинение] Владимира Даля. – 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. - Санкт-Петербург ; Москва. Т. 1: А - З. - 1880. - [4], LXXXIV, 723 с.

2 Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Вып. V: Заговоры, апокрифы и духовные стихи / Е. Р. Романов. – Витебск: Типография Г. А. Малкина, 1891. – 450 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Алдакушкина Н. В.</i> Великая Отечественная война как культурный феномен	3
<i>Арэшка Ю. А.</i> Тыпы жанчын у зборніку Я. Баршчэўскага “Шляхціц Завальня...”	7
<i>Дакукін А. Д.</i> Алесь Разанаў як перакладчык з балгарскай і сербскахарвацкай моў.....	11
<i>Ежова М. П.</i> Противоречия теории и практики преподавания литературы в современной школе.....	17
<i>Ефременко А. В.</i> Проблемно-тематическое и жанрово-стилевое своеобразие романа «Понедельник начинается в субботу»..	21
<i>Козлова О. В.</i> Методы работы учителя при проведении урока по русской литературе.....	26
<i>Мареш К. Н.</i> Женские образы в романах И. А. Гончарова..	30
<i>Плешавеня В. Ю.</i> Постаці беларускай мінуўшчыны ў паэтычнай творчасці Людмілы Рублеўскай.....	35
<i>Туранкова Т. А.</i> Проблема моральной ответственности ученого в романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля»..	38

Языкознание

<i>Балмачэнка А. Д.</i> Асаблівасці перакладу прыказак з беларускай мовы на англійскую.....	44
<i>Дорогань Д. М.</i> По шучьему велению: к семантическим истокам выражения.....	48
<i>Драздова Д. А.</i> Вывучаем кітайскую мову цікава.....	53
<i>Мигура А. А.</i> Словообразовательные средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства В. О. Пелевина..	59
<i>Морозова О. Е.</i> Лексема <i>честь</i> в национальном корпусе русского языка.....	64
<i>Петрусевич Д. В.</i> Прямая внутренняя речь персонажей в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».....	69
<i>Титоренко Е. А.</i> Особенности функционирования немецкого языка в Княжестве Лихтенштейн.....	74

Фольклористика и этнография

Васіна М. С. Варажба на каляды: рэгіянальна-лакальныя асаблівасці (на матэрыяле фальклору Гомельшчыны).....	79
Ганчарова В. А. Прымхліцы пра нячысцікаў (на матэрыяле фальклору Мазырскага раёна)	83
Жилицкая Д. А. Похоронная абрядность Мозырскага раёна.....	87
Казлякоўскі А. А. Традыцыі пахавальнай абраднасці Калінкавіцкага раёна.....	91
Масанавец Л. А. Дзіцячы фальклор Мазыршчыны: калыханкі.....	95
Мышкавец Л. Д. Мясцовыя асаблівасці святкавання Купалля (на матэрыяле фальклору Гомельскага раёна).....	99
Попел Д. С. Исследования заговоров на территории Восточного Полесья Е. Р. Романовым.....	104

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Первый выпуск сборника вышел в 2008 году

Выпуск 17

Ответственный за выпуск Е. Л. Хазанова

Подписано в печать 10.09.2024. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,12.

Тираж 10 экз. Заказ 442.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

